

РЕЧЕ

1986

22

Вече

Независимый русский альманах

22

Шестой год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

**Российское Национальное Объединение в ФРГ
© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1986
München**

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

А. А. В Л А С О В
Председатель Комитета Освобождения
Народов России
Главкомандующий Русской Освободительной
Армии

СОДЕРЖАНИЕ

О. К. - Вечная слава!	7
Максимилиан Волошин - Заклятие	18
РУССКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ	
О. Красовский - Страшная правда	19
ПРОБЛЕМЫ ВЕРЫ	
Прот. В. Зеньковский - Вера и Знание	81
Трибуна «ВЕЧЕ»	
О. Поляков - О любви к отечеству и вермонтской березке	109
В. Вулич - Две статьи	119
Е. Валин - Булат и злато	139
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Ф. Ф. Кирхгоф - В Ставке Верховного Главкомандующего	151
ПЕРЕЖИТОЕ, НЕЗАБЫВАЕМОЕ	
Сергей Г - т - Шталаг № 320	161
К. Петрус - Последний этап	185
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	
С. Н. Палеолог - Вселенская держава	189
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Митрополит В и т а л и й	211
Приговор по „делу“ В. Д. Соколова-Самарина	215
Западно-Европейский Комитет ознаменования тысячелетия крещения Руси	219
Памяти Э. В. Прибыткина	221
Е. Манин - Осторожно: правдолюбцы!	223

ВЕЧНАЯ СЛАВА !

Сорок лет назад приняли мученическую смерть Андрей Андреевич Власов и его ближайшие соратники В. Ф. Малышкин, Г. Н. Жиленков, Ф. И. Трухин, Д. Е. Закутный, И. А. Благовещенский, М. А. Меандров, В. И. Мальцев, С. К. Буняченко, Г. А. Зверев, В. Д. Корбуков, Н. С. Шатов.

В официальном сообщении ТАСС от 2-го августа 1946 года, об одном из подлейших сталинских преступлений, подлые слова о „вине“ жертв, которая якобы состояла: „...в измене родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность...“

Наглая ложь!

Не было измены родине, не были они агентами германской разведки, не вели они шпионско-диверсионную и террористическую деятельность. Они были патриотами, были верными сынами своего народа и именно это привело их на путь открытой борьбы с безродным коммунистическим режимом, узурпировавшим власть в России, уничтожившим десятки миллионов русских людей, поработившим физически и духовно оставленных в живых, принужденных покорно и безмолвно служить чуждым и враждебным им целям!

Сталин, его подручные боялись открыто признаться, что они расправились со своими настоящими, а не выдуманными политическими противниками, захватить которых им удалось с любезной помощью западных союзников.

Не впервой довелось 2 августа 1946 года узнать прибитым, придушенным, с загнанной в дальний угол запуганной души совестью, подсоветским людям из сообщения ТАСС о казни группы „агентов, шпионов, диверсантов, террористов“. Сколько было таких сообщений в 30-х годах! В них шла речь о „шпионах, диверсантах, террористах“ – недавних верных ленинцах, лучших из лучших на коммунистическом Олимпе, о тех, которые делили власть и совместно совершали преступления и с Лениным, и со Сталиным. В одном лишь отличались эти сообщения от опубликованного в советских газетах 2 августа 1946 года – в них была хоть какая-то видимость правды.

Ведь все эти Рыковы, Каменевы, Бухарины, Зиновьевы, Радеки, Сокольниковы и пр., и пр. на открытых процессах калялись в несовершенных преступлениях, в шпионаже, вредительстве, диверсиях, убийствах и подготовке убийств.

А. А. Власов и его ближайшие соратники пошли на смерть не согнувшись, не оболгав себя, не плюнув сами себе в лицо. Свидетельствует это генерал П. Григоренко в своей книге „В подполье можно встретить только крыс...“, изданной в Нью-Йорке, на стр. 215-216.

„В 1959 я встретил знакомого офицера, с которым виделся еще до войны. Мы разговорились. Разговор коснулся власовцев. Я сказал:

– У меня там довольно близкие люди были.

– Кто? – поинтересовался он.

– Трухин Федор Иванович, мой руководитель группы в академии Генерального Штаба.

– Трухин?! – даже с места вскочил мой собеседник. – Ну, так я твоего воспитателя в последнюю дорогу провожал.

– Как это?

- А вот так. Ты же помнишь, очевидно, что когда захватили Власова, в печати было сообщение об этом и указывалось, что руководители РОА предстанут перед открытым судом. К открытому суду и готовились, но поведение власовцев все испортило. Они отказались признать себя виновными в измене Родине. Все они - главные руководители движения - заявили, что боролись против сталинского террористического режима. Хотели освободить свой народ от этого режима. И потому они не изменники, а российские патриоты. Их подвергли пыткам, ничего не добились. Тогда придумали „подсадить“ к каждому их приятелей по прежней жизни. Я был посажен не к Трухину. У него был другой, в прошлом очень близкий его друг. Я „работал“ с моим бывшим приятелем. Нам, всем „подсаженным“ была предоставлена относительная свобода. Камера Трухина была недалеко от той, где „работал“ я, поэтому я частенько заходил туда и довольно много говорил с Федором Ивановичем. Перед нами была поставлена только одна задача - уговорить Власова и его соратников признать свою вину в измене Родине и ничего не говорить против Сталина. За такое поведение было обещано сохранить жизнь.

Кое-кто колебался, но в большинстве, в том числе Власов и Трухин, твердо стояли на неизменной позиции: „Изменником не был и признаваться в измене не буду. Сталина ненавижу. Считаю его тираном и скажу об этом на суде“. Не помогли наши обещания жизненных благ. Не помогли и наши устрашающие рассказы. Мы говорили, что если они не согласятся, то судить их не будут, а запытают до смерти. Власов на эти угрозы сказал: „Я знаю. И мне страшно. Но мне страшнее оклеветать себя. А муки наши даром не пропадут. Придет время и народ добрым словом помянет“. Трухин повторил то же самое.

И открытого суда не получилось, - завершил свой рассказ мой собеседник. - Я слышал, что их долго пытали и полумертвых повесили. Как повесили, то я даже тебе об этом не скажу...”

Повесили же так, как на бойнях подвешивают уже

забитый скот для разделки. Только загоняли стальные крюки не в туши мертвых животных, а под ребра живым людям... Неизвестно как долго, сколько часов молили мученики Господа Бога о смерти. Сталинские палачи снимали кинофильм на месте чудовищного убийства. Потом услаждался верховный палач, в кругу ближайших сопредстутников, страданиями своих жертв...

Несмотря на потуги коммунистической пропаганды вымарать из новейшей истории России страницы, вписанные в нее Русским Освободительным Движением, память о нем сохранится навсегда. Это было закономерное историческое явление, естественный ответ широких народных масс на политическое, экономическое, духовное порабощение, которому была подвергнута в течение двух с половиной десятилетий, предшествовавших советско-германской войне, Россия. Миллионы лишенных элементарных человеческих прав, влачащих нищенское существование людей, увидели во вторгшихся в их страну чужестранцах друзей-освободителей, ибо по их представлениям, у России не могло быть более беспощадного, более злого врага, нежели коммунизм.

И буквально в первые дни войны, поднятое стихийно вспыхнувшей надеждой на долгожданную возможность избавиться от ненавистного режима, началось пассивное и активное сопротивление ему. Выразилось оно в добровольной сдаче в плен или в переходе к военному противнику сотен тысяч, миллионов солдат и командиров, в радушной встрече с цветами и хлебом-солью вражеской армии, жителями оккупируемых ею областей, в повсеместном создании групп и отрядов, готовых, не задумываясь над тем, с какой целью посланы в Россию вражеские солдаты, вступить, плечом к плечу с ними, в смертный бой против ненавистного коммунизма.

Но когда из стихийного сопротивления начали выкристаллизовываться первые кристаллики Русского Освободительного Движения, оно было подсечено под корень тупоумной, преступной, руссконенавистнической политикой тех, в ком русская надежда олицетворила спасителей.

Самую крупную, безусловно решающую, определившую триумфальный для коммунистического режима в России исход войны, победу, одержал Сталин без боя.

Она была подарена ему Гитлером!

Имя Андрея Андреевича Власова неразрывно связано с Русским Освободительным Движением. Однако он не был его создателем, да и не мог быть, ибо не в силах одного человека, зажечь в душах сотен тысяч, миллионов людей пламя, без которого немыслимо истинно народное, массовое движение.

Пламя вспыхнуло от самовозгорания, спрессованной годами в людских душах ненависти к коммунизму. Величайшая же заслуга Власова в том, что в тяжкую годину, когда возгоревшееся пламя гасилось усилиями коричневых безумцев, он нашел путь к человеческим сердцам, отыскал слова, не давшие сгнить пламени.

Так было в начале 1943 года, когда волю людей, поднявшихся с колен на ноги, Власов направил к конкретному замыслу – Русской Освободительной Армии. Но вырвавшийся призыв утерял и смысл, и притягательную силу, ибо произнесший его, готовый отдать себя великому русскому делу, был загнан коричневыми негодьями в подполье, а на идею его был наложен строжайший запрет.

В момент, когда здравомыслие упорно подсказывало, что все упущено, все безвозвратно потеряно, что нет спасения от гибели в пучине неминуемого конца, Власов, последними искрами своей веры, вновь возжег почти угасшее пламя. На сей раз во всю мощь зазвучал, наполненный воодушевляющим смыслом, призыв – Комитет Освобождения Народов России, Русская Освободительная Армия.

Возведенная в кратчайший срок основа последней надежды рухнула, раздавленная трагическим развитием событий. Пламя угасло.

Нет нужды возмущаться бесовской жестокостью, с которой отмстил коммунизм посмевающим восстать рабам. Глупо и наивно ожидать от него снисхождения или

милости к павшим. Бессмысленно упрекать этот режим в очернении и ошельмовывании Русского Освободительного Движения в глазах новых поколений. Было бы безумием ожидать иного.

Но вот, живя в той части мира, духовные вожди которой утверждают, что в ней сохранены уничтоженные коммунизмом ценности – гуманность, справедливость, милосердие, человеческие свободы и права, – что смысл существования этой части мира сводится к защите всех этих ценностей, как величайшего достояния просвещенного человечества, невольно задаешься вопросом, почему же, как сорок лет назад, так и сегодня, зачастую все эти ценности с легкостью необыкновенной, приносятся в жертву корыстным интересам и сиюминутным выгодам?

Сорок лет назад политические и государственные руководители именно этой части мира, без зазрения совести выдали сотни тысяч людей на расправу палачам – людей, вина которых заключалась лишь в том, что они возжелали и на своей родине торжества гуманности, справедливости, милосердия, человеческих свобод и прав.

Слышится ответ, – это были предатели, они совершили преступление, взяв в руки оружие от военного противника союзников.

Не говоря уже о том, что ни в одном народе никогда не было и не могло быть миллионов предателей, а если миллионы идут на борьбу с властью, то потому, что видят в ней своего врага, и вина в том не их, а власти, кое-кому на Западе не мешало бы задуматься над вопросом, что случилось бы, если бы у коммунистической власти в России не было тех врагов, лишь очень небольшая часть которых имела возможность в годы войны принять активное участие в Русском Освободительном Движении?

Вопрос далеко не праздный!

А произошло бы следующее. После нападения гитлеровских армий на Советский Союз, населенный существами, превращенными коммунизмом не только в физических, но в духовных рабов, по-собачьи преданных своему

хозяину-деспоту Сталину, готовых не задумываясь жертвовать свои жизни за него и коммунизм, началось бы грандиозное побоище, в котором не было бы не только добровольно переходящих, но вообще сдающихся живыми в плен, не было бы населения, встречающего немецких солдат хлебом-солью. С помощью первоклассной военной техники, под водительством „гениальных“ немецких полководцев, было бы уничтожено в несколько раз больше защитников коммунизма, нежели это случилось в первые месяцы войны, но и немцев бы полегло в десяток раз больше. Были бы заняты российские территории, сожжены российские села и деревни, разрушены российские города. Но **несокрушимая** воля к отражению противника, основанная на преданности Сталину и коммунизму, **советских людей** – (**советских** – в идеологическо-пропагандном смысле) – неминуемо заставила бы забуксовать германскую военную машину, и к зиме 1941-42 годов замерла бы она где-то на линии – Одесса-Киев-Могилев-Псков-Нарва.

Состоялся бы, конечно, дружественный союз Сталина с западными державами. В Лондоне и Вашингтоне рукоплескали бы стойкости союзника, слали бы не только поздравительные телеграммы, но оружие, боеприпасы, военную технику.

В студеную зиму 41-42 гг. измотались бы вконец, под ударами неугомонных сталинских защитников, на оборонительных позициях германские войска, безвозвратно бы покинула их спесь, рухнул бы Зигфридов боевой дух, а к весне бежали бы гитлеровцы на запад еще резвее, нежели в конце 1944 года. Капитуляцией нацистской Германии, которую принял бы единолично Сталин без дорогих своих помощников, ибо союзнических посиделок ни в Тегеране, ни в Ялте не было б, война не кончилась бы.

Мощной силовой волной докатились бы к концу 1942 года сталинские войска к Атлантическому океану и к северным берегам Средиземного моря. Западная Европа разделила бы участь Восточной. Не только в восточной, но и в западной части Германии власть сатрапа получил

бы Ульбрихт со товарищи, и во Франции, Бельгии, Голландии, в Скандинавии, в Италии, Испании и Португалии, да и в Швейцарии тоже, нашлись бы свои Бенеш и Готвальды, Беруты и Гомулки. По всей форме и во всей своей коммунистической неприглядности, но и неприспособленности, расцвели бы западноевропейские народные демократии.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что руководители западных держав не осмелились бы, да и не попытались бы, воспрепятствовать такому движению пресловутого „колеса истории“, вращаемого милейшим дядюшкой Джо.

Трудно, конечно, сказать как выглядел бы ныне мир, спасенный от фашизма. что творилось бы в Западной Европе, „освобожденной“ от капитализма, дружно и с энтузиазмом строящей социализм, но во всяком случае бесспорно – человечество существовало бы в иной общественно-политическо-экономической реальности, нежели нынешняя.

Так вот, за нынешнюю реальность, пусть даже значительно худшую, нежели она могла бы быть при иных обстоятельствах, в которой пока пребывает часть человечества, живущая в условиях относительной свободы и относительного благополучия, она – эта часть – обязана тому, что у коммунизма были и остались в России непримиримые противники, готовые взять для борьбы с ним оружие, даже из рук дьявола!

В Русском Освободительном Движении, в Русской Освободительной Армии, воплотилась русская непримиримость к коммунизму. Именно эта непримиримость определила ход развития военных событий в Европе в 1941-45 годах, загнала Сталина на позиции, с которых он вынужден был разговаривать цивилизованным языком со своими западными союзниками, а этим западным союзникам обеспечила необходимые сроки для подготовки высадки в Нормандии и для выбора подходящего момента для нее.

Мысли, подобные изложенным, к сожалению, не приходят на Западе почти никому в голову. Тут мыслят иными категориями.

Вздрагивающие и по-ныне от страха, при воспоминании о мертвом идеологическо-политическом явлении, называемом упрощенно фашизмом, некоторые западные политические теоретики и практики, приходят в ужас от мысли, что в ходе войны, при осуществлении гитлеровцами благоразумной политики на Востоке, в России был бы уничтожен коммунизм. Это в их представлении, привело бы к возникновению мощнейшего русско-германского содружества – непреодолимой военной силы с неисчислимыми материальными резервами. И именно такое представление объясняет во многом, как бывшее, так и современное явно отрицательное отношение руководства западных держав к Русскому Освободительному Движению военных лет.

Представление абсолютно неправильное. Русские антикоммунисты видели в Германии лишь партнера в борьбе с коммунизмом, но никак не идеологического и политического союзника, тем более, не благодетеля, которого они обязывались поддержать при осуществлении его планов, совершенно чуждых русским национальным интересам. Поэтому благоразумная политика Германии на Востоке, в конечном счете, не определила бы исхода всей войны, но „сценарий“ ее претерпел бы соответствующие изменения.

Западным державам пришлось бы приложить больше усилий, затратить больше материальных и технических средств, понести большие потери в людях, чтобы принудить Германию к капитуляции и покончить с гитлеровским режимом. Но не может быть сомнения, что англо-американского превосходства было вполне достаточно для победы. Некоторый „перерасход“ в средствах и силах окупил бы себя впоследствии, ибо избавленный от красной и от коричневой деспотии мир, не потребовал бы от Запада стольких материальных, территориальных, политических и человеческих жертв, которые были прине-

сены им за истекшие четыре десятилетия и, что главное, не стояло бы сегодня человечество на грани атомно-ядерной смерти. О миллионах спасенных жизней в коммунистических странах, не имеет смысла упоминать.

Пусть большинство русского народа было принуждено то ли силой, то ли обманом, то ли наивным ожиданием неминуемых перемен к лучшему после войны, то ли созданием, что внешний враг страшнее и боспощаднее внутреннего, то ли исконным русским патриотизмом, вытеснившим из умов политические соображения, встать на защиту коммунизма и спасти его ценой величайших жертв. Будущая свободная Россия отдаст должную честь русским людям, выступившим с оружием в руках против угнетателей, ненависть к которым превысила в них все другие чувства и помыслы.

Если бы понятие о совести котирировалось на международной бирже духовных ценностей, нынешним наследникам властителей западного мира сороковых годов, ставших соучастниками уничтожения русских борцов за свободу, следовало бы покаяться за вину своих предшественников.

В последней беседе с Штрик-Штрикфельдом – человеком, сыгравшим огромную роль в борьбе за русское дело – А. А. Власов сказал за несколько недель до окончания войны: „Джордж Вашингтон и Вениамин Франклин в глазах Британского королевства были предателями. Но они вышли победителями в борьбе за свободу. Американцы и весь мир чествуют их как героев. Я – проиграл, и меня будут звать предателем, пока в России свобода не восторжествует над советским патриотизмом. Я уже говорил вам, что не верю, чтобы американцы стали помогать нам. Мы придем с пустыми руками. Мы – не фактор силы. Но когда-нибудь американцы, англичане, французы, может быть и немцы, будут горько жалеть, что из неверно понятых собственных интересов и равнодушия задушили надежды русских людей, их стремление к свободе и к общечеловеческим ценностям“.

История не повторяется, но учит. История Русского Освободительного Движения учит многому, но главным образом тому, что России и русскому народу не приходится рассчитывать на помощь со стороны при решении своих проблем, при искоренении своих бед.

Если мир не сгорит в атомном пожаре и если России суждено когда-либо пусть в далеком, ныне необозримом, будущем, увидеть счастье свободы, то создано оно будет русским умом, добыто русскими руками.

На длинном, умоощенном человеческими костями, пути к этому счастью есть и отрезок, проложенный Андреем Андреевичем Власовым, его соратниками и последователями, принявшими мученическую кончину. Мы храним и чтим их память, молим Бога, чтобы упокоил их души.

Слава героям!!! Вечная слава!!!

О. К.

ЗАКЛЯТИЕ

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений –
Возникнет праведная Русь.

Я за нее одну молюсь –
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгущих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

Максимилиан Волошин

О. Красовский

Страшная правда

Весной 1985 года в западногерманские книжные магазины поступила в продажу книга Иоахима Хофмана „История Власовской армии“.* К весне 1986 года весь тираж книги был распродан.

Исторические труды, а в книге И. Хофмана следует видеть такой труд, обычно не привлекают внимания западногерманской читающей публики. Но на сей раз, исследование о беспримерном историческом явлении, вскрывшем ахилесову пяту коммунистической государственно-политической системы в России, было воспринято западногерманской общественностью как сенсация, чему способствовала как сама тема, так и незаурядное умение автора превратить свое исследование в глубоко волнующее повествование, сопереживаемое читателем.

Об Освободительном Движении Народов России в годы Второй Мировой войны, о Русской Освободительной Армии (РОА) написано немало книг. В ряду этих книг труд И. Хофмана занимает особое место, как подни-

* Joachim Hoffmann, Die Geschichte der Wlassow-Armee. Herausgegeben von Militärgeschichtlichen Forschungsamt, Verlag Rombach, Freiburg im Breisgau, 1984.

мающий читателя на новый уровень обзора панорамы феноменального исторического явления, уже описанного другими авторами. Дело в том, что эти авторы – упомяну лишь некоторых из них: А. Казанцев („Третья сила“), В. Штрик-Штрикфельд („Против Сталина и Гитлера“), прот. А. Киселев („Облик генерала А. А. Власова“), К. Кромиади („За землю, за волю...“) – были как очевидцами, так и активными участниками описываемых ими событий. Невзирая на то, что повествования этих авторов основываются не только на их личных наблюдениях и переживаниях, но и на многократно проверенном, неоспоримом фактическом материале, предвзятый читатель все же может усомниться в объективности суждений и выводов этих авторов, обвинить их в эмоциональности и стремлении оправдать собственные заблуждения.

Книга же „История Власовской армии“ написана человеком не только не имевшим ни малейшего касательства к Освободительному Движению Народов России, но даже не принимавшим участия в общественных, политических и военных событиях периода второй мировой войны по той простой причине, что ему было 9 лет, когда она началась. Следовательно, заподозрить его в предвзятости трудно.

„История Власовской армии“ – результат многолетней, кропотливой, добросовестной работы ученого-историка. Иоахим Хофман глубоко и досконально изучил, тщательно систематизировал и проанализировал огромный документальный материал, хранящийся в западногерманских архивах*. Он использовал все доступные исследователю советские и иностранные публикации, высказывания очевидцев и участников событий, как опубликованные, так и зафиксированные в частных письмах, беседах, секретных и иных документах, относящиеся к Освободительному Движению Народов России, к истории РОА, к непродолжительной деятельности Комитета Освобождения Рос-

* Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg; Bundesarchiv, Koblenz; Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn.

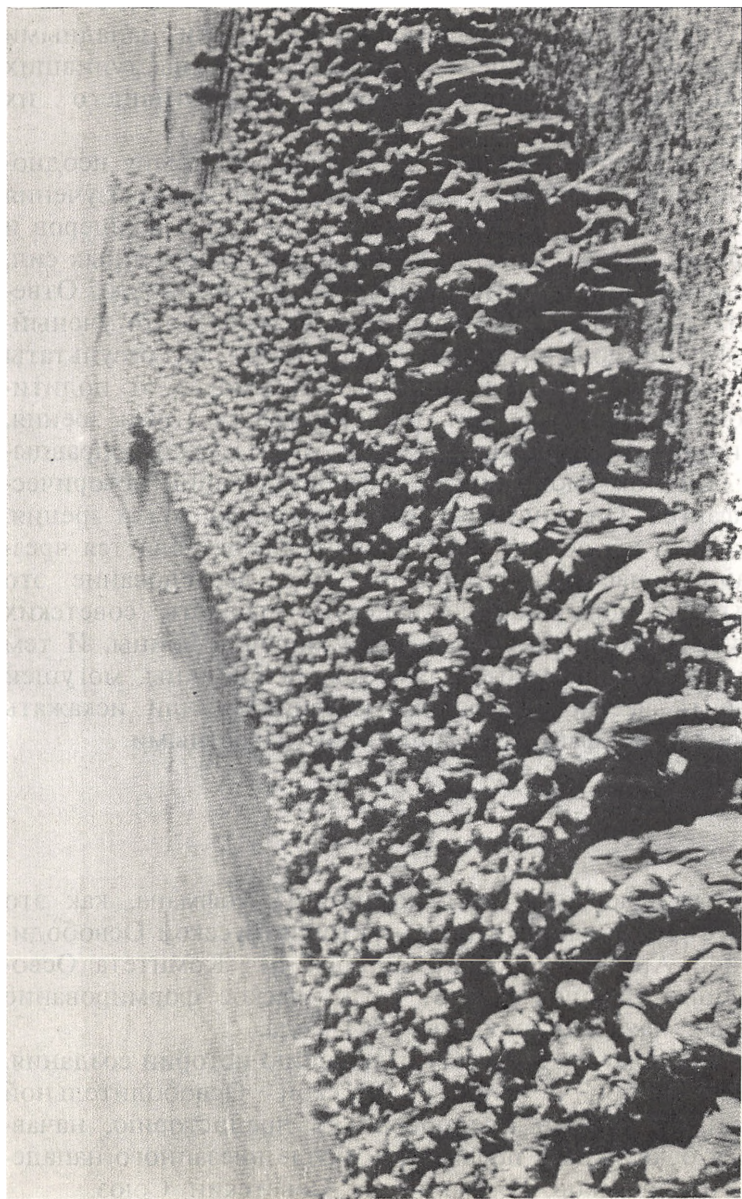
сии (КОНР), к личности генерала А. А. Власова и к трагедии беспощадной насильственной выдачи западными союзниками сотен тысяч русских людей, выступивших против бесчеловечного режима, поработившего их родину, их народ.

В годы работы над книгой, Иоахиму Хофману неоднократно задавали вопрос, соответствует ли задача изучения феномена службы бывших советских солдат, офицеров и генералов в рядах немецко-фашистских вооруженных сил, так называемой, политике разрядки напряженности? Отвечая на этот вопрос, он неизменно указывал, что ученый-историк не должен ставить ни объект, ни результаты своих научных исследований в зависимость от политической конъюнктуры. Он придерживается точки зрения, что политика разрядки не может и не должна оправдывать попыток умолчания или фальсификации исторических фактов. Он понимает, что с советской точки зрения, избранный им объект исследования представляется чрезвычайно опасным материалом, ибо исследование это вскрывает морально-политическую слабость советских вооруженных сил в годы второй мировой войны. И тем не менее, он не видит уважительной причины, могущей заставить честного историка умалчивать или искажать исторические факты, ставшие ему известными.

*

Центральная тема исследования И. Хофмана, как это явствует из названия книги – история Русской Освободительной Армии, т. е. вооруженных сил Комитета Освобождения Народов России, практическое формирование которых началось в конце 1944 года.

Подробному, детальному изложению истории создания, существования и гибели Русской Освободительной Армии, И. Хофман предпослал ее предисторию, начавшуюся буквально в первые дни после внезапного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Многотысячными толпами добровольно сдавались в немецкий плен, в первые месяцы войны, советские бойцы и офицеры.

И. Хофман убедительно показывает, что возникшая в Советском Союзе в начале войны политическая и военная обстановка, наглядно опровергла утверждения коммунистической пропаганды о монолитности советского общества, о морально-политическом единстве партии и народа, о готовности советских людей беззаветно защищать интернациональные идеи марксизма-ленинизма-сталинизма. Советские солдаты и командиры не пожелали защищать свою социалистическую родину, о чем свидетельствовали не столько военные поражения советских вооруженных сил на фронтах войны, сколько небывалое в истории всех войн человечества явление – массовая добровольная сдача в плен советских военнослужащих. В первые шесть месяцев военных действий, в немецком плену очутилось почти 4 миллиона советских солдат и командиров. Нежелание военнослужащих защищать сталинский режим, отражало отношение русского и других народов России к коммунистической власти, о чем также свидетельствовало поведение гражданского населения территорий, которым угрожала немецкая оккупация. Оно не только не выполняло приказов об эвакуации вглубь страны и разрушении промышленных и транспортных объектов, но повсеместно встречало немцев хлебом-солью.

И. Хофман пишет: „Гражданское население дружелюбно, с открытой душой встречало агрессоров... Миллионы красноармейцев предпочитали плен борьбе за партию и правительство, за советскую родину, за товарища Сталина. Это был почти неистощимый человеческий резерв который можно было бы использовать в целях политической борьбы с советском режимом. Не надо обладать чрезмерной фантазией, чтобы представить себе, что произошло бы, если бы Гитлер повел войну против Советского Союза, соответственно утверждениям его пропаганды, как настоящую освободительную войну, а не как захватническую, колониальную войну с целью ограбления и порабощения“.

О настроениях, попавших или добровольно сдавшихся в немецкий плен советских военнослужащих в 1941 году,

Хофман судит, помимо всего прочего, по многочисленным высказываниям пленных советских генералов. Они утверждали, что миллионы советских граждан готовы включиться в активную, с оружием в руках, борьбу с коммунизмом. Так считали – командующий 22-й армией генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков, командир 49-го стрелкового корпуса генерал-майор С. Огурцов, командир 8-го стрелкового корпуса генерал-майор Снегов, командир 72-й горнострелковой дивизии генерал-майор П. Абранидзе, командир 102-й стрелковой дивизии генерал-майор Бессонов, командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор Кирпичников и ряд других пленных генералов Красной армии.

Генерал-майор Д. И. Закутный, командир 21-го стрелкового корпуса, заявил начальнику лагеря военнопленных в октябре 1941 года, что из десяти, находившихся в этом лагере, советских генералов, кроме самого Закутного – генералы Трухин, Благовещенский, Егоров, Куликов, Ткаченко, Зыбин, Алавердов и, вероятно, командующий 5-й армией генерал-лейтенант М. И. Потапов – готовы участвовать в борьбе против коммунизма.

Находившийся в плену, командующий 19-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин сделал 12 декабря 1941 г. письменное заявление, (с которым, как сообщает, основываясь на архивных документах, И. Хофман, ознакомились Гитлер и Розенберг), содержащее предложение создания русского антикоммунистического правительства, чтобы показать русскому народу и всем советским военнослужащим, что они имеют возможность встать на путь борьбы с большевистской системой. Лукин писал в своем заявлении, что не только широкие массы народа, но и некоторые высокостоящие советские руководители перейдут на сторону национального русского правительства, ибо не все лица, принадлежащие к верхушке советского правящего слоя, являются убежденными сторонниками коммунизма.

Жестокая и глупая политика немецких оккупационных властей, на занятых территориях, бесчеловечное обраще-

ние с военнопленными зимой 1941-42 гг., в результате которого погибло более 2 миллионов, находившихся в плену советских военнослужащих, подорвали веру подсоветских людей в возможность получить от немцев поддержку в деле освобождения страны от коммунизма.

Но, тем не менее, вера эта окончательно не угасла, о чем свидетельствует не только готовность, попавшего в 1942 г. в плен генерал-лейтенанта А. А. Власова пойти на союз с немцами, но и желание принять участие в активной антикоммунистической борьбе, высказываемое другими видными советскими военными начальниками, оказавшимися в плену, или добровольно перешедшими к немцам в 1942-43 гг. Среди них были командир 1-го отдельного стрелкового корпуса генерал-майор М. М. Шаповалов, командир 41-й стрелковой дивизии полковник В. И. Боярский, командир 126-й стрелковой дивизии полковник К. Л. Сорокин, командир 1-й воздушно-десантной бригады полковник Тарасов и многие другие. Их готовность возглавить части и соединения вооруженных сил антикоммунистического освободительного движения, свидетельствует, что в 1942-43 гг. еще существовала вполне реальная возможность превращения советско-германской войны в гражданскую, в которой у Сталина и его приспешников не было ни малейшего шанса на победу. Однако, такой разворот событий требовал коренного изменения национал-социалистической политики, отказа гитлеровцев от их преступных, безумных планов завоевания России.

Интересны, приводимые Хофманом, высказывания попавшего 21 декабря 1942 года в немецкий плен северо-западнее Сталинграда командующего 3-й гвардейской армией генерал-майора И. П. Крупенникова. Он резко осуждал политику военного и государственного руководства Германии, однако, считал, что несмотря на пагубные последствия полугодового осуществления этой политики в России, еще было возможно формирование мощной добровольческой русской антикоммунистической армии. Но для этого прежде всего необходимо создание четкой политической платформы для русско-

немецкого сотрудничества. Главным условием такого сотрудничества, по мнению генерала Крупенникова, должно было быть образование независимого русского антикоммунистического правительства. Только оно могло бы сформировать дивизии и корпуса победоносной русской национальной армии.

То, чего требовали от немцев генерал-лейтенанты Ф. А. Ершаков, М. Ф. Лукин, генерал-майор И. П. Крупенников, с чем соглашались командующий 6-й армией генерал-лейтенант Ю. А. Музыченко, командующий 12-й армией генерал-лейтенант П. Г. Понеделин, командующий 5-й армией генерал-майор М. И. Потапов, сводилось к выполнению немцами неперемного условия, обеспечивавшего успешную борьбу со сталинским режимом – признание Германией независимой России как ее союзника. С немецкой стороны откликов на эти требования не было.

Иоахим Хофман отмечает, что несмотря на то, что захватнические планы Гитлера сделали невозможной мобилизацию антисоветского боевого и политического потенциала, как находившихся в плену красноармейцев, так и оставшегося на оккупированных немцами территориях многомиллионного гражданского населения, все же этот потенциал практически проявил себя. Уже в первые недели и месяцы после начала войны, совершенно стихийно возникло русское антисталинское движение сопротивления.

Своеобразие, даже курьезность, этого движения заключалась в том, что вопреки строжайшим официальным запретам со стороны политического руководства Третьего Рейха, оно подспудно стало на путь формирования „третьей силы“, направленной как против Сталина, так и против Гитлера. Руководство нацистской Германии категорически запретило создание национальных русских антикоммунистических вооруженных сил, но возникшая в России реальная военная обстановка, повсеместно заставляла немецкое военное командование на местах опираться на антикоммунистический потенциал гражданского населения и военнопленных, что уже в 1941 г. обусловило

создание русских добровольческих подразделений, частей, даже соединений.

Основываясь на безукоризненных документальных данных, Хофман пишет, что к 5 мая 1943 г. под немецким командованием в оккупированных областях России находилось 90 отдельных русских добровольческих батальонов и 90 батальонов, укомплектованных добровольцами, принадлежавших к различным нацменьшинствам. Помимо этого, примерно 600.000 добровольцев служило в многочисленных воинских подразделениях, названных *Hilfswillige*, по-русски, „помощники-добровольцы“. В составе немецких вооруженных сил действовали к этому времени несколько добровольческих частей и соединений: 1-я Казачья дивизия, Калмыцкий кавалерийский корпус, бригада „Дружина“, 120-й Донской казачий полк и несколько отдельных казачьих полков, Восточный запасной полк, Русская Национальная Народная Армия, Русская Освободительная Народная Армия – каждое из этих двух соединений, численностью личного состава порядка боевой дивизии.

Хофман совершенно верно определяет создание добровольческих подразделений, частей и соединений, как практическое выражение желания сотен тысяч, даже миллионов русских людей, возврата к гражданской войне с целью изменения ее результата – в пользу народа.

Тут следует указать на упущение автора „Истории Власовской армии“, содержащееся в том, что он обошел стороной чрезвычайно существенный психологический момент. Он не уделил должного внимания тому факту, что очень большое число добровольцев довольно скоро убеждалось в иллюзорности своих надежд на превращение войны в гражданскую, на получение возможности бороться именно с коммунизмом. Они осознавали, что им отводится роль несения вспомогательной и караульной службы в вооруженных силах, осуществляющих волю политического руководства Германии, а следовательно, борющихся в сущности не с коммунизмом, а с Россией. Это имело огромное психологическое значение, приводило к

возникновению у добровольцев внутренних конфликтов, появлению разочарования, чувства вины перед собственным народом, создавало атмосферу, способствующую успешности разлагающей деятельности засланных с „большой земли“ коммунистических агитаторов, чем объясняются нередкие случаи дезертирства добровольцев, переходы целых добровольческих подразделений к партизанам.

*

Если высшее политическое и военное руководство Третьего Рейха не допускало мысли об отказе от своих бредовых захватнических планов на Востоке, если командование германских вооруженных сил в оккупированных областях России, лишь скрепя сердце, под давлением сложившихся в ходе военных действий обстоятельств, мирилось с необходимостью использования русских добровольцев, то в среде среднего офицерского состава Вермахта нашлось немало дальновзорких и благоразумно мыслящих людей, которым уже с первых дней войны стало ясным, что войну против русского народа Германия неминуемо проиграет. Эти офицеры – в большинстве, выходцы из немецких семей, традиционно связанных с Россией и покинувших ее после 1917 г., – прекрасно понимали, что осуществление нацистской политики чревато не только ужасными последствиями для русского народа, но приведет к уничтожению Германии. Они прилагали много усилий, чтобы убедить соответствующие политические и военные инстанции в необходимости немедленного коренного пересмотра и изменения порочных концепций восточной политики и, рискуя вызвать гнев своего начальства, доказывали, основываясь на неопровержимых фактах, что избежать военного поражения и национального уничтожения, Германия может лишь в честном союзе с мощными, обладающими огромным военным потенциалом, антикоммунистическими силами русского и других народов России.

Кое-кто из высшего военного руководства Германии начал прислушиваться к голосам поборников создания единого русско-германского фронта борьбы с коммунизмом, при признании немецкой стороной национальной, территориальной, экономической, политической и военной независимости России. И в конце 1942 г. произошли некоторые незначительные изменения в практическом выполнении политических концепций руководства Германии, что было весьма поспешно расценено частью офицерских кругов, как первые признаки готовности Гитлера отказаться от авантюристического замысла захвата и поражения России, его согласия оказать поддержку Русскому Освободительному Движению.

Эти признаки стимулировали генерала А. А. Власова, попавшего в начале 1942 г. в немецкий плен, поддержанного небольшой группой благоразумно мыслящих офицеров Вермахта, выступить с „Открытым письмом“, Воззванием т. н. „Смоленского Комитета“ и другими публикациями, в которых излагались мысли, положенные в основу идеи антикоммунистического Освободительного Движения.

В своем „Открытом письме“ А. А. Власов в частности писал: „Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг – борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия – наша! Прошлое русского народа – наше! Будущее русского народа – наше!

Многომиллионный русский народ всегда, на протяжении всей истории, находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет русский народ, так и сейчас он

найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье“.

Эти мысли получили восторженную поддержку миллионов русских людей в оккупированных немцами областях, в немецком плену, в добровольческих подразделениях и частях, а факт их публикации был воспринят как свидетельство, что наконец-то нацистское руководство Германии обрело здравый рассудок.

В апреле 1943 г. была опубликована „Резолюция 1-й антибольшевистской Конференции бывших командиров и бойцов Красной армии“, в которой впервые говорилось о создании Русской Освободительной Армии.

Однако все эти мероприятия осуществлялись без ведома и согласия высшего государственного руководства Германии, которое едва узнав о них, строжайше запретило как выступления Власова, так и любые практические действия, направленные на осуществление замысла создания независимых антикоммунистических русских вооруженных сил. Лишь Отдел пропаганды Вермахта получил разрешение использовать идеи сформулированные Власовым, а также его имя, для обманных пропагандных акций на фронте. Власов, именем которого, но без его ведома, подписывались миллионы, разбрасываемых над советскими фронтовыми позициями, листовок, побуждавших по-началу тысячи советских бойцов и командиров перейти на немецкую сторону, был практически посажен под домашний арест.

Ничего не изменилось и в статусе многочисленных русских добровольческих подразделений и частей, подчиненных немецкому командованию. Лишь формально их кое-где стали называть формированиями РОА или частями Власовской армии, хотя такой армии не существовало, да разрешили добровольцам пришить на рукав мундира эмблему – Андреевский флаг с тремя русскими буквами над ним: Р. О. А.

Единственно, чего удалось добиться поборникам Рус-

ского Освободительного Движения в германской офицерской среде – это, создать, под различными „благовидными“ в глазах высшего командования предложениями, и прибегая к многочисленным ухищрениям, т. н. „Школу пропагандистов РОА“. В этой школе, размещенной в Дабендорфе, вблизи Берлина, подготавливались, курс за курсом, командные и политические кадры русских добровольцев, на тот случай, когда под давлением неминуемых военных поражений на восточном фронте, высшее руководство Германии должно было, по расчетам немецких поборников Русского Освободительного Движения, образумиться и согласиться на союз с русскими антикоммунистическими силами.

Такой момент наступил, когда были пропущены все сроки, оставлявшие минимум обоснованных надежд на успешность вооруженного и политического антикоммунистического выступления.

*

Сосредоточивший, практически, в своих руках, в последние месяцы существования Третьего Рейха всю государственную власть, „Рейхсфюрер СС“ Гиммлер, после того, как ему стало абсолютно ясным, что военное поражение Германии неизбежно, в поиске пресловутой соломинки, за которую хватается утопающий, неожиданно вспомнил об идее создания Русского Освободительного Движения. 16 сентября 1944 года состоялись официальные переговоры Гиммлера с генералом А. А. Власовым. Гиммлер удовлетворил все требования, от выполнения которых Власов и его соратники ставили в зависимость свою готовность возглавить борьбу народов России с коммунистическим режимом. Гиммлер согласился не только на формирование соединений абсолютно независимой Русской Освободительной Армии, но и на создание официального органа, играющего роль правительства России в изгнании, получившего название Комитета Освобождения Народов России (КОНР). Русская

Освободительная Армия должна была представлять собою вооруженные силы КОНР'а.

На переговорах Власова с Гиммлером было достигнуто соглашение о предоставлении правительством Германии в распоряжение КОНР'а всего необходимого – вооружения, снаряжения, транспортных средств, продовольствия и пр. – для формирования до лета 1945 г. десяти стрелковых дивизий РОА с соответствующим количеством бронетанкового вооружения, нескольких резервных бригад или полков, офицерского училища, вспомогательных армейских частей, а также собственных военно-воздушных сил. Было также установлено, что одним из официальных документов гарантирующих организационную, политическую, юридическую и финансовую независимость КОНР'а, должно стать соглашение о предоставлении правительством Германии государственного кредита КОНР'у на условиях принятых в международной практике. Соответствующее соглашение было заключено несколько позднее и имело следующее содержание:

СОГЛАШЕНИЕ*

*Оригинал хранится в Политическом Архиве министерства иностранных дел ФРГ в Бонне под № Е 424138.

между Правительством Великогермании и
Председателем Комитета Освобождения Народов
России, генерал-лейтенантом А. А. Власовым.

Правительство Великогермании, в лице Министерства Иностранных Дел, заключает с Председателем Комитета Освобождения Народов России: генерал-лейтенантом В л а с о в ы м нижеследующее соглашение:

1. Правительство Великогермании предоставляет в распоряжение Комитета Освобождения Народов России необходимые для освободительной борьбы против совместного врага, большевизма, денежные средства в форме кредита.

2. Для этой цели в Главной Государственной Кассе открывается счет на имя Комитета Освобождения Народов России.

В дебет этого счета предоставляются необходимые суммы из государственных средств для непосредственных финансовых нужд Комитета Освобождения Народов России.

Решение об определении размера кредита Правительство Великогермании оставляет за собой.

3. Председатель Комитета Освобождения Народов России назначает финансового уполномоченного с правом подписи, который распоряжается предоставляемыми денежными средствами и является ответственным за финансовое хозяйство Комитета Освобождения Народов России.

4. Комитет Освобождения Народов России обязуется возместить предоставленный ему кредит из русских ценностей и активов, как только он будет в состоянии располагать таковыми. Впрочем, в отношении погашения кредита и нарастания процентов предположено впоследствии заключить соответствующее соглашение.

Изготовлено в двух подлинниках, на немецком и русском языках, в Берлине, 18-го января 1945 года.

За Министерство Иностранных Дел:

За Комитет Освобождения
Народов России:

*

Иоахим Хофман задается в своей книге вопросом, неужели же генералу Власову, его единомышленникам и соратникам не было ясным, что Германия находилась не только в завершающем периоде войны, но и в состоянии предсмертной агонии, что было безумием рассчитывать на возможность изменения хода событий силой нескольких русских добровольческих дивизий? Не было ли согласие Власова принять предложенный ему Гиммлером союз, безрассудным актом отчаяния человека, не видящего больше возможности ни личного спасения, ни спасения тех, кто решился выступить против коммунистического режима? Отвечая на эти вопросы, Хофман, основываясь на досконально изученном документальном материале, на записях и высказываниях участников и очевидцев событий конца 1944-го начала 1945-го годов, пишет:

„...Их уверенность в успехе... основывалась, главным образом, не столько на реальной боевой силе их соединений, сколько на политическо-пропагандной силе мо-

рального воздействия, которую они приписывали дивизиям РОА. Когда Власов в 1943 году обдумывал возможности создания РОА, он исходил, на основании осведомленности о положении в Красной армии, из того, что „незначительное применение силы“ вызовет „в Красной армии и в ближайшем тылу процесс внутреннего разложения“. В то время он выразил даже готовность разработать детальный план, выполнение которого должно было нанести ощутимый удар по противнику, если не привести его к поражению, на участках Ораниенбаума, Петергофа, Кронштадта, престижного для власти Ленинградского фронта... Власов предлагал в 1943 году наладить связь с высокопоставленными военачальниками Красной армии и крупными деятелями советского правительства, которых он считал своими единомышленниками.

Неоднократно он намекал на существование Союза русских офицеров.

„Я дружил с большинством генералов, которые сейчас занимают должности командующих, – говорил Власов своему другу Сергею Фрейлиху, которому он доверял, – я знаю совершенно определенно, как они относятся к советской власти. И генералам этим известно, что я это знаю. Нам не нужно объяснять друг другу что-либо...“ Вероятно, даже в 1944 году делались в этом направлении определенные расчеты. Так, Власов возлагал некоторую надежду на своего друга маршала Советского Союза Рокоссовского, командовавшего в то время 2-м Белорусским фронтом“.*

*О том, что Власову, возможно, было известно о положении в Ленинграде значительно больше, нежели он говорил, косвенно свидетельствует эпизод „Ивана Ивановича Иванова“, о которой, к сожалению, ни словом не упоминается ни в одной из книг о Русском Освободительном Движении.

В начале января 1942 г. на одном из участков Ленинградского фронта перешел к немцам, в сопровождении двух капитанов, военинженер 1-го ранга, назвавшийся Иваном Ивановичем Ивановым. Он потребовал встречи с генералом, командующим немецкими вооруженными силами, осаждающими Ленинград. После разговора с командиром немецкой дивизии, он был представлен прибывшему из штаба фронта уполномоченному командующего. Иванов заявил, что он послан группой заговорщиков, в которую входил ряд лиц командования войск, защищающих

Хофман отмечает, что оптимизм руководства РОА подкреплялся рядом фронтовых событий, имевших место как в 1943, так и в 1944 году. Он описывает некоторые из них.

Русские добровольческие подразделения, которыми командовали немецкие офицеры, лишь очень редко при-

Ленинград, и Балтийского военно-морского флота, фамилии которых он наотрез отказался назвать. Заговорщики подготовили план военного переворота в Ленинграде, платформу создания русского национального военного правительства и намеревались, базирясь на новую столицу России – Петроград – развернуть борьбу с коммунизмом во всей стране. Через И. И. Иванова, заговорщики предлагали немцам перемирие на Ленинградском фронте, но продолжение ими (даже активизацию!) боевых действий на других фронтах и просили оказать им помощь. Помощь должна была заключаться в предоставлении возможности 30-40 русским офицерам, которые перейдут линию фронта, отобрать из пленных красноармейцев 5.000 добровольцев, вооружить их трофейным автоматическим оружием, одеть в советские зимние военные формы и подвести к линии фронта для перехода ее, под руководством посланных из Ленинграда офицеров, в намеченных местах. Подготовка добровольцев должна закончиться в течение 20-25 дней и вестись в строжайшей тайне. Добровольцы займут в Ленинграде все стратегически важные точки, проникнут в штабы отдельных участков фронта, в особые части и, совместно с организованными заговорщиками на местах силами, пресекут возможность сопротивления верных Сталину партийных кадров и органов безопасности. Военинженер 1-го ранга Иванов заявил, что после успешного переворота и развития гражданской войны, заговорщики ожидают отвода немецких войск до границ 1939 года, создания условий для перехода на сторону нового русского правительства населения оккупированных областей и военнопленных. Были изложены также представления относительно основных пунктов мирного договора между Россией и Германией в будущем. В доказательство своих полномочий, Иванов, с разрешения немецкого командования, несколько раз связывался с помощью принесенной радио-рации со своими единомышленниками в Ленинграде и вел с ними зашифрованные переговоры.

Немецкое командование доложило о миссии И. И. Иванова вышестоящим инстанциям. Как и следовало ожидать, „акция Иванова“ была отвергнута, а он сам отправлен в Берлин, где некоторое время находился в особом лагере Вульхейде.

Через два года по окончании войны И. И. Иванов, при загадочных обстоятельствах, был убит в Западной Германии. Судя по высказываемым им самим незадолго до окончания войны опасениям, убийство было организовано его ленинградскими соратниками, опасавшимися, что он может выдать их, попав в руки советских карательных органов.

Пишущий эти строки был лично знаком с И. И. Ивановым (имя, отчество и фамилия – присвоены им для конспирации), его история известна еще нескольким лицам, ныне проживающим в ФРГ и США. О. К.

нимали непосредственное участие в боевых действиях германских вооруженных сил против регулярных частей Красной армии. Но там, где такое участие имело место, оно сплошь и рядом вызывало явное замешательство у советского командования, подчас приводило к добровольной сдаче в плен большого числа красноармейцев. Так, в 1943 г. в наступательной операции местного значения на среднем участке фронта, приняла участие русская добровольческая бригада „Дружина“. Как только красноармейцы распознали, что в атаку на них идут русские добровольцы, они без сопротивления сложили оружие.

На небольшом отрезке фронта в Югославии, который занимала в 1944 г. 1-я дивизия Казачьего кавалерийского корпуса, появились части Красной армии. В октябре 1944 года, на этом отрезке фронта, несмотря на отсутствие крупных военных действий, на сторону казаков перешло 803 красноармейца. Был даже случай перелета 6 советских боевых самолетов в расположение казачьей дивизии вблизи хорватского города Бенавара.

Оптимизм Власова и его окружения подкреплялся даже в последние недели войны. В боевых действиях на Одерском фронте 9 февраля 1945 г. приняла участие группа прорыва РОА, под командованием полковника Сахарова. Эта группа не только блестяще выполнила поставленную ей задачу, но к глубокому удивлению местного немецкого командования, в ходе боевых действий на ее сторону перешло большое число красноармейцев. Конечно, руководство РОА понимало, что на единичных примерах нельзя делать широкие обобщающие выводы, но тем не менее, оно оценивало эти примеры как свидетельство, что еще не все потеряно.

Хофман указывает и на другие причины оптимистических оценок перспектив Русского Освободительного Движения его руководством, даже в конце 1944 года. „Чем дальше на Запад продвигалась Красная армия, – пишет он, – тем явственнее, по мнению руководства РОА, должны были проявиться внутренние противоречия советской общественной системы“.

Помимо всего прочего, оптимизм Власова, его соратников, а также близкого к ним немецкого окружения, объяснялся их иллюзорными представлениями о возможностях, могущих открыться перед Русским Освободительным Движением после военного поражения Германии. Хофман сообщает: „Судя по записям грузинского эмигрантского деятеля Вачнадзе... Власов сказал ему 10 марта 1945 г., что он намерен предпринять все возможное и приложить максимальные усилия для получения средств, нужных для увеличения вооруженных сил, „которые мне будут необходимы завтра“. Поскольку дружественные связи западных держав с Советским Союзом представлялись русским как временные, ограниченные сроками войны, подчиненные определенным целям, они стремились создать боеспособную армию, могущую выступить в момент поражения Германии в качестве „третьей силы“, которая должна была, по их мнению, получить непременно признание англо-американцев“.

Хофман отмечает, что такие надежды руководителей Русского Освободительного Движения свидетельствуют об их неправильных представлениях о международной обстановке в конце войны, а также об идеализации морально-этических основ политики руководства западных держав. Однако, учитывая различные психологические факторы, он приходит к выводу: „Надежда, возлагаемая на западные демократические державы, представляется сегодня наивной, но позволительно спросить, превосходила ли эта наивность ту наивность, на которой государственные деятели США и Великобритании строили свои расчеты относительно наступления после разгрома Германии, эры мирного сотрудничества со сталинским Советским Союзом“.

*

После достижения договоренности между А. А. Власовым и „Рейхсфюрером СС“ Гиммлером, началась спешная подготовка создания Комитета Освобождения Народов России, а также – Русской Освободительной Армии.

Прага, 14 ноября 1944 г. Генерал А. А. Власов оглашает Манифест КОНР'а.

В Праге 14 ноября 1944 года состоялся торжественный акт провозглашения создания Комитета Освобождения Народов России, возглавленного А. А. Власовым. Несколько дней спустя, 23 ноября, на юге Германии началось формирование 1-й дивизии РОА. Однако лишь 28 января 1945 года РОА получила официальный статус вооруженных сил государства, союзного с Германией, временно подчиненных в оперативном отношении верховному командованию германской армии.

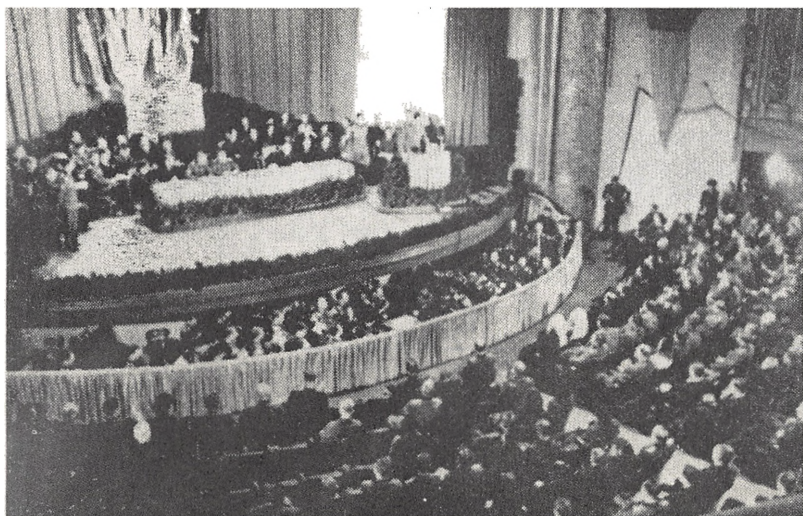
Командиром 1-й дивизии РОА был назначен полковник С. К. Буняченко, бывший командир 389-й стрелковой дивизии Красной армии. Должность начальника штаба ди-

Берлин, «Европа-Хаус» – 18 ноября 1944 г. Митинг, посвященный провозглашению Манифеста КОНР'а.

Берлин «Европа-Хаус», в партере при обнародовании Манифеста КОНР'a – прот. А.Рымаренко, Митрополит Берлинский Серафим, Митрополит Анастасий, первоиерарх Русской Православной Церкви за рубежом.

Берлин «Европа-Хаус», обнародование Манифеста КОНР'a 18 ноября 1944 года.

визии занял подполковник Н. П. Николаев, окончивший академию им. Фрунзе в Москве. Для формирования дивизии полковник Буняченко принял под свое командование личный состав русской добровольческой бригады, созданной в районе города Локоть в 1941 году Каминским*, русские добровольческие батальоны – 308-й, 601-й, 605-й,

Заседание КОНР*а в Праге 14 ноября 1944 года.

* В восточной части Брянских лесов, в районах вокруг городка Локоть в 1941 г. возникла т. н. „Локотская республика“. Немцы, занявшие эти районы, дали широкое самоуправление их населению. Оставив несколько своих офицеров для связи, обложив население налогом, дав ему оружие и боеприпасы, немцы фактически оставили эти районы на произвол судьбы. Под руководством, сначала инженера Воскобойникова, а после его смерти, инженера Каминского „Локотская республика“ зажила самостоятельной жизнью. Русские власти провели земельную реформу, создали сеть школ, наладили выпуск газет, организовали административно-управленческие и судебные инстанции, а также, прекрасно обученные, хорошо вооруженные силы самообороны из 12.000 солдат и офицеров. Жизнь в „Локотской республике“ забила ключом. Появился достаток – обилие продовольствия, товаров широкого потребления, производимых частными предприятиями, повсеместно началось строительство жилых домов, создана сеть внутреннего пассажирского и грузового транспорта.

618-й, 621-й, 628-й, 654-й, 663-й, 668-й, 675-й, 681-й, артиллерийские дивизионы – 582-й и 752-й, а также ряд других подразделений, входивших до этого в состав германских вооруженных сил.

В декабре 1944 г. личный состав 1-й дивизии РОА насчитывал 13.000 бойцов и офицеров, а в начале марта 1945 года, на марше к фронту, он увеличился до 20.000 человек, за счет присоединившихся к дивизии нескольких подразделений и частей русских добровольцев.

Дивизия состояла из четырех стрелковых полков (командиры: полковник Сахаров, подполковники Архипов, Артемьев, Александров-Рыбцов), артиллерийского полка (командир подполковник Максимов) и полка снабжения (командир подполковник Герасимчук).

Касаясь боевых качеств 1-й дивизии РОА, Хофман пишет: „Если 1-ю дивизию РОА, в общем и целом, можно считать дисциплинированным, боеспособным и надежным соединением, то конечно, с определенной оговоркой: она была надежной лишь в смысле Русского Освободительного Движения, но не как послушный инструмент в руках немецкого руководства“.

Созданные в Брянских лесах партизанские отряды получили из центра указание занять оставленные немцами места. Борьба с партизанами „Армии Каминского“, как называли силы самообороны „Локотской республики“, кончилась очень быстро – большинство партизан с оружием, перешло на сторону этих сил.

Весной 1942 года немцы легализовали положение, официально признав за „Локотской республикой“ большие суверенные права. Как этими правами пользовался Каминский, свидетельствует такой инцидент. Летом 1943 г. два немецких военнослужащих, ограбившие одиноко стоящую мельницу и убившие ее хозяина, были пойманы Локотской полицией. Суд „Локотской республики“ вынес им смертный приговор. Несмотря на протесты высшего немецкого командования, приговор был приведен в исполнение в Локоте на площади, на глазах у многотысячной толпы.

Когда фронт в 1944 г. докатился до Локотя, большая часть населения „Локотской республики“ ушла с немцами на запад. За проявление неповиновения немецкому командованию, Каминский поплатился жизнью. Он был убит немцами когда его „армия“, отступавшая вместе с германскими вооруженными силами, находилась на территории Польши.

Мензинген, 10 февраля 1945 г. Генерал А. А. Власов принимает парад 1-й дивизии РОА.

Мензинген, 10 февраля 1945 г. Парад 1-й дивизии РОА.

Мензинген, 10 февраля 1945 г. Парад 1-й дивизии РОА.

Мензинген, 10 февраля 1945 г. Парад 1-й дивизии РОА.

17 января 1945 г. началось формирование 2-й дивизии РОА под командованием полковника Г. А. Зверева, начальником штаба которой был полковник А. С. Богданов. 12 февраля 1945 г. под командованием генерал-майора М. М. Шаповалова, бывшего командира 320-й стрелковой дивизии Красной армии, началось формирование 3-й дивизии РОА.

Одновременно с формированием 1-й дивизии, в двухмесячный срок были сформированы: отдельная противотанковая бригада РОА в составе 1.100 бойцов и 140 офицеров и запасная бригада РОА под командованием полковника С. Т. Койды, насчитывавшая 7.000 человек личного состава.

В ноябре 1944 г. приняла первых курсантов офицерская школа РОА, начальником которой был назначен генерал-майор М. А. Меандров. Преподавательский состав школы состоял из 62 офицеров – из них, 6 полковников, 5 подполковников и 4 майора. Школа успела провести 2 ускоренных курса, на которых прошли переподготовку 244 офицера РОА. 3-й курс, насчитывавший 605 офицеров до апреля 1945 г., т. е. до конца войны, закончен не был.

К концу января 1944 г. закончилась организация Штаба РОА – вооруженных сил КОНР'а, на котором лежали функции военного министерства временного русского правительства в изгнании. Приказом главнокомандующего РОА генерала А. А. Власова от 28.I.1945 г. начальником Штаба назначается генерал-майор Ф. И. Трухин, а его заместителем полковник В. И. Боярский. Генерал-майор Трухин был в 30-х годах профессором „тактики высших соединений“ в академии Генерального Штаба РККА. В начале советско-германской войны он возглавлял оперативный Отдел штаба Особого Прибалтийского военного округа. Полковник Боярский, окончивший академию им. Фрунзе, командовал на фронте 41-й стрелковой дивизией Красной армии.

В книге Хофмана впервые приводится полный список начальствующего и административного состава Штаба РОА. Приведем лишь небольшую часть этого списка.

Полковник А. Г. Нерянин – начальник оперативного Отдела (заместители: подполковники Коровин, Риль, Михельсон); майор В. П. Чикалов – начальник разведывательного Отдела; майор Г. М. Кременский – начальник Отдела военных сообщений; майор А. Ф. Поляков – начальник шифровального Отдела; полковник И. Д. Денисов – начальник Отдела формирований; генерал-майор В. Арцезов – начальник Отдела боевой подготовки (заместители: полковники Таванцев, Черный, Денисенко, подполковник Москвичев); полковник В. В. Поздняков – начальник Отдела пропаганды; майор Е. И. Арбенин – начальник юридического Отдела; капитан А. Ф. Петров – начальник финансового Отдела; полковник Г. И. Антонов – начальник Отдела авто-бронетанковых войск; генерал-майор М. В. Богданов – начальник артиллерийского Отдела (заместители: полковники Сергеев, Кардаков, Перкуров, подполковник Шатов); генерал-майор А. Н. Севастьянов – начальник Отдела материально-технического снабжения; полковник профессор В. Н. Новиков – начальник санитарного Отдела; подполковник А. М. Сараев – начальник ветеринарного Отдела; протоиерей А. Киселев – духовник Штаба Армии.

Приведя внушительный список чинов Штаба РОА, заполнивший 4 страницы книги, Хофман отмечает, что хотя до начала марта 1945 г. далеко не все плановые должности Штаба РОА были заняты, его фактический состав в количественном и военно-профессиональном отношении можно сравнить с военным министерством Германии в 1920 году, когда происходило формирование „Рейхсвера“ – вооруженных сил, разрешенных побежденной Германии Версальским договором.

Хофман указывает также на чрезвычайно важное и существенное обстоятельство: „Почти все перечисленные офицеры Штаба Армии были в недавнем прошлом генералы, полковники и штабные офицеры Красной армии, что свидетельствует о лживости утверждений советской пропаганды о том, что якобы командные должности в РОА занимали никому не известные предатели, неза-

конно и незаслуженно получившие офицерские звания. Так, например, начальник оперативного отдела Штаба РОА полковник Нерянин окончил академию им. Фрунзе и академию Генерального Штаба РККА, был до войны начальником оперативного отдела штаба Уральского военного округа, во время войны был начальником оперативного отдела 20-й армии. Начальник Отдела боевой подготовки Штаба РОА генерал-майор Арцезов командовал бронетанковыми силами одной из фронтовых армий, полковник Меандров был начальником штаба 37-го стрелкового корпуса Красной армии, генерал-майор Богданов командовал дивизией, а генерал-майор Севастьянов командовал бригадой.

Только в начале 1945 г. главнокомандующий Русской Освободительной Армией генерал Власов произвел ряд полковников, соответственно с занимаемыми ими должностями, в генеральские чины, – среди них Боярский, Буняченко, Зверев, Мальцев, Меандров и др.

Хофман подчеркивает, что хотя в руководстве РОА доминирующую роль играли бывшие офицеры Красной армии, Власов привлек в Русское Освободительное Движение многих бывших офицеров Императорской русской армии, среди них были полковники Кромиади и Сахаров, подполковник Архипов. К Освободительному Движению примкнули белые генералы Архангельский, Драгомиров, фон Лампе, Татаркин, Балабин, Науменко и ряд других. Известный русский военный историк, генерал Головин, разработал, незадолго до своей смерти, Устав внутренней службы РОА.

В конце зимы 1944-45 гг. – через 4 месяца после начала формирования 1-й дивизии - Русская Освободительная Армия насчитывала примерно 50.000 солдат и офицеров, входивших в личный состав двух уже сформированных дивизий (1-й и 2-й), находящейся в первичной стадии формирования 3-й дивизии, противотанковой и запасной стрелковой бригад, всех учреждений Главного Командования РОА (5.000) и в состав военно-воздушных сил РОА (5.000). В последние же дни войны, личный состав РОА

почти удвоился за счет присоединения казачьих частей под командованием генерал-майора А. В. Туркула, Казачьего Стана генерал-майора Т. И. Даманова и 15-го Казачьего корпуса под командованием генерал-лейтенанта фон Паннвица.

Получив в сентябре 1944 года долгожданную возможность организации Русского Освободительного Движения, А. А. Власов предполагавший, что вооруженные силы Третьего Рейха продержатся по крайней мере до конца 1945 года, рассчитывал, что за это время ему удастся сформировать 10-12 боеспособных дивизий РОА, т. е. армию, численностью в 200-250 тысяч человек. Это были вполне реальные расчеты, ибо только на территориях остававшихся в конце 1944 года под контролем Германии, РОА располагала значительными людскими резервами, как в добровольческих подразделениях под немецким командованием, так и в лагерях русских рабочих, согнанных из оккупированных областей России.

Особое внимание в своей книге обращает Хофман на взаимоотношения между А. А. Власовым и руководством казачества, находившимся с 1918-19 гг. в эмиграции. Он отмечает, что наряду с явно отрицательным отношением генерала П. Н. Краснова к политической платформе и целенаправленности КОНР'а, подавляющее большинство казачьих генералов – Шкуро, Бородин, Голубинцев, Морозов, Поляков, Полозов и др. – выступало за передачу казачьих вооруженных сил под командование Власова, а генералы Войска Донского Абрамов и Балабин, вошли в состав КОНР'а. Хофман подчеркивает, что расхождения во взглядах Власова и Краснова носили сугубо принципиальный характер, о чем свидетельствует обмен открытыми письмами между ними, цитируемыми в книге „История Власовской армии“.

В газете «Казачья жизнь» от 16.3.1945 г. было опубликовано открытое письмо генерала Краснова генералу Власову, в котором Краснов писал, что „Великогермании“ принадлежит руководящая роль не только в ведении военных действий, но и в определении политического

устройства России в будущем (это в то время, когда ни у кого не оставалось сомнения в поражении Германии! О. К.). Краснов высказывал в своем письме мысль, что территории, населенные казачеством должны стать протекторатом Германии.

Русская газета «Путь на родину» от 16.3.1945 г. опубликовала ответ Власова на это письмо, в котором Власов писал: „Несмотря на то, что РОА находится в союзе с Германией, мы безуданно подчеркиваем, что являемся полноправными союзниками, что боремся за нашу независимую родину, которая никогда не будет протекторатом и под защитой кого бы то ни было, но будет свободной и совершенно самостоятельной“ (обратный перевод с немецкого, О. К.).

Хофман пишет, что не только подавляющее большинство казачьего руководства, но и личный состав казачьих частей и соединений, находившихся под немецким командованием, требовал передачи казачьих вооруженных сил под командование Власова, о чем красноречиво свидетельствует рапорт № 2247/44 от 23.11.44 г. немецкого командования казачьих соединений вышестоящим инстанциям, в котором сообщалось: „90% казаков видят во Власове своего политического вождя“.

*

На переговорах Власова с Гиммлером в сентябре 1944 г. было решено, что после формирования трех дивизий РОА с придачей к ним казачьих соединений, вооруженные силы РОА должны были перенять один из участков фронта, создать на нем как бы пропагандно-агитационный плацдарм для развертывания политического наступления.

Однако, в начале 1945 г. на восточном фронте создалась катастрофическая для Германии обстановка. Потерявшие веру в благополучный исход войны, деморализованные, окончательно лишившиеся своей былой боеспособности, вопреки наличию достаточного количества вооружения и снаряжения, немецкие солдаты и офицеры были неспо-

собны задержать стремительное продвижение советских войск на запад. Командование Вермахта, мобилизующее последние резервы, чтобы предотвратить прорыв советских армий, вышедших к Одеру, вспомнило о существовании РОА и поставило вопрос о ее участии в боевых действиях. Власов не мог уклониться от выполнения этого требования.

6 марта 45 г. 1-я дивизия РОА покинула город Мюнзенген на юге Германии, где она была расквартирована, и в походном порядке двинулась на восток. 26 марта дивизия прибыла в город Либерозе вблизи Одерского фронта, где вскоре произошло ее боевое крещение.

Командир 1-й дивизии РОА, недавно произведенный в чин генерал-майора, Буняченко, получил приказ вышестоящего немецкого командования, которому он обязан был подчиняться в оперативном плане, выбить советские части из сильно укрепленных предмостных позиций на левом берегу Одера.

На рассвете 13 апреля, вслед за мощной артподготовкой, дивизия Буняченко двумя полками пошла в наступление. После первоначального успеха, наступление захлебнулось на сильно укрепленных подступах к советским позициям. Убедившись в невозможности взять, имевшиеся в его распоряжении силами, эти позиции, во избежание бессмысленных потерь, генерал Буняченко дал приказ к отходу. Хофман отмечает, что несмотря на безуспешность наступления 1-й дивизии РОА на Одере, это была последняя наступательная операция против Красной армии в советско-германской войне, зарегистрированная немецкими военными историками.

Генерал-майор Буняченко отказался выполнить требование немецкого командования, приказавшего 1-й дивизии РОА занять отведенный для нее участок обороны на Одере и принял решение, отвечающее известному только ему, секретному плану руководства КОНР'а. Это был план, принятый на последнем заседании Президиума КОНР'а 28 марта 1945 г. в Карлсбаде, предусматривающий в условиях развала фронта и неминуемой капитуляции

вооруженных сил Германии, сосредоточение сил РОА совместно с казачьими соединениями в районе Альпийских гор. В основе плана лежала утопическая надежда на разрыв союзнических отношений между западными державами и Советским Союзом, после победы над Германией, в результате которого Русское Освободительное Движение, опирающееся на солидные вооруженные силы, должно было бы получить признание западных демократий. В самом крайнем случае, делался расчет на возможность объединения сил РОА с югославскими четниками генерала Драже Михайловича и ведения с ними длительной партизанской борьбы. Хофман указывает на наличие некоторых свидетельств, позволяющих предполагать, что на заседании Президиума КОНР'а 28 марта обсуждался также фантастический план прорыва РОА на Украину с целью соединения с Украинской Повстанческой Армией (УПА), представлявшей в то время довольно серьезный военно-политический фактор, и весьма успешно оперировавшей в тылах советских войск.

Наиболее подходящим местом сосредоточения всех сил РОА представлялся район между Будвейсом и Линцем, т. н. „Богемский лес“. Поэтому генерал-майор Буняченко повел свою дивизию, игнорируя приказы немецкого командования, в южном направлении.

К концу апреля 1-я дивизия РОА достигла окрестностей чешского города Козоеды. В штаб дивизии прибыла 2 мая делегация чешских офицеров, представлявшая созданную в Праге чешским генералом Кульвачером, военную команду „Барточ“, планирующую антинемецкое восстание. Чешская делегация обратилась к генералу Буняченко с просьбой поддержать чешское восстание против немцев.

Хофман, основываясь на документальных данных, подробно, во всех деталях, описывает в своей книге „Пражскую операцию“ 1-й дивизии РОА. Это описание внезапно приобрело совершенно уникальное значение, в связи с тем, что недавно в советской печати, впервые за 41 год, прошедший после окончания войны, была опубликована

статья полностью опровергающая официальную версию советских историков событий последних дней войны.

*

Прежде всего, об этой статье. Озаглавлена она – „Освобождение Праги: правда и домыслы“; автор ее – некто В. Козлов, опубликована она в советском журнале-еженедельнике «Новое Время» № 19, 9 мая 1986 года.

Судя по предисловию к статье, написана она с целью опровергнуть утверждение западногерманского еженедельника «Шпигель», который, как пишет Козлов, – „открыл иных освободителей чехословацкого народа банду... власовцев, оказавшихся в Праге в конце войны! Именно эта шайка изменников и взялась якобы спасти чехословацкую столицу“.

Главное впечатление от описания Козловым того, „что же в действительности произошло в Праге весной сорок пятого года“ – крайнее удивление. О причине его речь будет ниже. Сначала о том, что же произошло по версии Козлова?

О происшедшем он пишет: „... 18 апреля чешскую границу по ущельям Эльбы возле Дечина перешли вооруженные банды изменников Советской Родины – власовцы и к командующему американской армией выехал их связной, чтобы выяснить: будут ли они, власовцы, рассматриваться как немецкие военнопленные? Генерал Паттон, проконсультировавшись с Эйзенхауэром, пояснил: нет, власовцы не будут переданы советскому командованию.

Трумэн одобрил решение. Именно эти бандиты и сменят группировку Шернера в роли буфера между советскими и американскими войсками!*

28 апреля изменник Буйняченко (по каким-то причинам фамилия Буняченко пишется так, как писал ее А. Казан-

* Под командованием генерала Шернера находились немецкие вооруженные силы общей численностью примерно 500.000 солдат и офицеров! О. К.)

цев в своей книге „Третья сила“, О. К.), носивший чин фашистского генерал-майора, встретившись под Бероуном, в 60 километрах от Праги, с Власовым, изложил ему ситуацию в стране: чешский политический лагерь разделен на коммунистов, ожидающих прихода советских войск, и буржуазию, которая ждет прихода американской армии. Буржуазные круги – националисты, аграрники (включая эмиграционное лондонское правительство) – рассчитывают на любую помощь, чтобы совершить государственный переворот. Но они не могут взять власть без оружия. А оружие есть у власовцев. Почему бы им не объединиться против коммунистов и... фашистов? Немцы войну уже проиграли, американцы стоят в нескольких десятках километров от Праги. Пока власовцы будут „освобождать“ Прагу (то есть сменят шернеровский гарнизон), к ним „на помощь“ подоспеют, как к „борцам с фашизмом“, американцы.

Власов одобрил план. Это был выход, средство спасения от кары, настигавшей изменников. /.../

2 мая, после известия о взятии советскими войсками Берлина, возникло стихийное столкновение жителей Праги с гитлеровскими солдатами и офицерами.

Через день Франк сообщил Деницу: Чехия стоит на пороге революции, и протекторат уже нельзя удержать ни политическим, ни военным путем. Можно, правда, попытаться найти решение, если объявить Прагу вольным городом и оккупировать ее американскими войсками.

Но для этого немецкий гарнизон следует отвести, а город держать, до прихода американцев. Как? Силами власовцев! /.../

Прага, 5 мая... Около полудня в небе над Прагой появился самолетик, и с него посыпались листовки. Горожане с удивлением прочли, что власть в городе переходит к американцам, приход которых ожидается в течение дня.

Срочно собралась конференция представителей фабрик и заводов для обсуждения положения в городе. Внезапно раздалась стрельба на улице. Напряжение достигло предела. В 12 часов 33 минуты по радио прозвучал сигнал о

начале восстания, и гарнизон Праги – 40 тысяч гитлеровцев – был поднят по тревоге.

К вечеру на городских окраинах показались люди в незнакомой форме. Это и был „авангард“ американской армии – власовцы. Тут же по радио раздались призывы к населению „обращаться с власовцами, как с русскими людьми и советскими гражданами“.

Город бурлил. Вооруженные отряды повстанцев уже вели на улицах бои. Конференция представителей заводов и фабрик обратилась к населению с призывом братья за оружие. Вскоре революционные дружины захватили вокзалы и городскую телефонную связь... Но немецкие танки уже грохотали по тесным улочкам Праги. Их орудия били по зданиям прямой наводкой. Загорелась подожженная снарядом ратуша, огонь охватывал жилые дома... Гитлеровцам уже удалось захватить часть города и его центр...

В этой обстановке 6 мая между 16 и 19 часами главные силы власовцев вошли в Прагу.

Узнав об этом, Эйзенхауер предложил Шернеру военные действия прекратить 8 мая, с утра, рассчитывая за это время посадить в Праге свое правительство. На улицах шли кровавые бои с гитлеровским гарнизоном, а радио неожиданно сообщило: „Совместно вступают в город власовцы и американские части“. Что касается американцев, тут дикторы поторопились, **но власовцами действительно были взяты под контроль все транспортные коммуникации и мосты, ведущие на Запад, железные дороги и составы...** (разрядка моя, О. К.). Американский план замены гитлеровцев на власовцев начал осуществляться.

Одновременно власовская пропагандная служба (у „банды“ пропагандная служба!!! О. К.) распространяла в городе листовки с призывом „воевать против национал-социалистов и коммунистов“, и чешская реакция немедленно поддержала эту идею, видя реальную возможность расправиться со своими политическими противниками руками предателей советского народа, которые рассчитывали на покровительство американской армии...

С рассветом 7 мая немецкому гарнизону от Власова поступило предложение о капитуляции. Это было сделано с двойной целью: во-первых, дать американским войскам формальный повод для вступления в Прагу без вооруженного столкновения с гитлеровцами; во-вторых, провозгласить себя хозяином города, узурпировать права политического органа, которые принадлежали Чешскому национальному совету, и дожидаться появления „демократического правительства“ из американского обоза. По городской радиотрансляционной сети было передано сообщение о том, что делегация ЧНС „вызвана во власовский штаб для переговоров“...

Что произошло в Праге 7 и 8 мая, об этом Козлов умалчивает. В конце же своего повествования, он сообщает: „В ночь на 9 мая завершающим восьмидесятикилометровым танковым броском с севера советские войска достигли стен города. Короткий, стремительный бой с гитлеровцами (которого не было! О. К.), и к 10 часам утра Прага очищена от оккупантов.. Заключительная Пражская операция Советской Армии успешно завершилась. Банда власовцев, пытавшаяся бежать на Запад, была окружена под Прагой танковым корпусом (танковый корпус против „банды“!!! О. К.) генерала Фоминых и взята в плен...“

А теперь, о том, почему же статья Козлова вызвала удивление. Дело в том, что до 9 мая 1986 г. во всех без исключения послевоенных советских публикациях, будь то военно-исторические „серьезные исследования“, много томные труды, включая 12-ти томную „Историю второй мировой войны“, энциклопедии, различные юбилейные издания и военные справочники, многочисленные мемуары советских военачальников, журнальные и газетные статьи, не только умалчивается, что в последние дни войны Прагу освободила Русская Освободительная Армия, но даже ни единым словом не упоминается о какой-либо связи 1-й дивизии РОА с событиями в Праге 6-9 мая 1945 года.

Авторы советских публикаций о последнем периоде войны, коль скоро они заводят речь о Праге, делают вид,

что в начале мая в чехословацкой столице вообще ничего не происходило, а 9 мая 1945 г. Прага была „освобождена“ советскими войсками.

Явно, что до выхода из печати еженедельника «Новое Время» № 19 от 9 мая 1986 г. в Советском Союзе существовал категорический запрет на упоминание в любом контексте, в любой форме, любыми словами, того абсолютно неопровержимого факта, что РОА не только выручила чешских повстанцев в мае 1945 г., но спасла Прагу от грозившего ей, в ходе подавления немцами восстания, разрушения, не говоря уже, о тысячах и тысячах спасенных жизней чехов.

И вот, хотя и в подлых, оскорбительных выражениях, грубо перемешивая правду с гнусной ложью, нагло приписывая американцам намерения, которых у них, к сожалению, не было, Козлов приподнял занавес над тщательно скрываемой „тайной“.

Что это? Своеволие Козлова или редакция «Нового Времени» опростоволосилась?

Конечно, ни то и ни другое! Это – свидетельство, что запрет снят. Причем, снят высокой инстанцией. Почему? Однозначного ответа на этот вопрос нет, однако можно полагать, что спровоцировала на „откровенность“ советского журналиста Козлова вовсе не статья в западногерманском еженедельнике «Шпигель», а осознанная начальством Козлова из Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС необходимость положить конец заговору молчания.

Думается, что необходимость эта осознана в связи с публикацией книги И. Хофмана „История Власовской армии“. Ведь книга стала достоянием не только узкого круга исследователей военной истории, но широкой читающей западногерманской публики. Не исключена возможность перевода книги Хофмана на другие языки, включая русский. Как бы там ни было, сделана попытка нейтрализации правды полуправдой, по излюбленному методу советской пропаганды. Внимание обращено главным образом на иностранцев, особенно на тех, кто

вопреки здравому смыслу, верит коммунистическим вра-
лям.

Советский „политический еженедельник“ «Новое Вре-
мя» нацелен не на советского, а на иностранного чита-
теля. Он выходит не только на русском, но на английс-
ком, французском, немецком, испанском, португальском,
итальянском, польском и чешском языках. Для читателей
еженедельника на этих языках и написана статья Козлова.
Написана по методу – неопровержимый, ставший извест-
ным, замалчиваемый факт надо погуще оболгать и очер-
нить.

*

О том, „что же в действительности произошло в Праге
весной сорок пятого года“, подробно рассказывает объек-
тивный исследователь Иоахим Хофман. Отсутствие места
принуждает ограничиться кратким пересказом.

После выяснения цели прибытия чешской делегации,
возглавляемой майором Мачеком, генерал Буняченко
собрал военный совет дивизии. За исключением коман-
дира 1-го полка подполковника Архипова, все командиры
частей дивизии, а также начальник штаба подполковник
Николаев, высказались за заключение союза с чехами и
оказание им помощи. Принятое решение означало откры-
тый разрыв с немцами, а также отказ от осуществления
плана КОНР'а, требовавшего незамедлительного прод-
вижения 1-й дивизии РОА на юг для соединения с дру-
гими силами.

А. А. Власов не одобрил принятое военным советом
дивизии решение, однако, он все же дал согласие на
выполнение его.

Между чешской делегацией и 1-й дивизией РОА было
заключено письменное соглашение об оказании помощи
чешскому восстанию. К сожалению, этот чрезвычайно
важный документ не сохранился. Однако содержание его
может быть в главных пунктах восстановлено, поскольку

подполковник Николаев ознакомил с соглашением руководителя группы связи немецкого командования с 1-й дивизией РОА, майора Швеннингера.

Как после войны сообщил Швеннингер, это было соглашение между русскими и чехами о совместной борьбе против „фашизма и большевизма“. В этом духе были составлены листовки, в которых командование дивизии призывало по-русски и по-чешски „братьев чехов и русских“ к борьбе как с „национал-социалистической Германией“, так и с „большевизмом“. Весьма существенно, что это подтверждает даже Козлов в своей статье.

Начальник штаба дивизии полковник Николаев считал себя обязанным, откровенно и во всех подробностях, объяснить майору Швеннингеру, что командование дивизии, в преддверии разгрома Третьего Рейха, для спасения личного состава от неминуемой расправы, в случае захвата советскими войсками, не видит иного выхода, как выполнение просьбы национальных чешских кругов о помощи, в надежде на получение пристанища во вновь-созданном чехословацком государстве.

Утром 5 мая в Праге вспыхнуло восстание. Восставшим удалось взять под свой контроль большую часть города. Но 6 мая, расквартированные в предместьях Праги, хорошо вооруженные немецкие части, начали наступление на город, и к концу дня над восставшими нависла угроза разгрома.

Таковой была обстановка когда 1-я дивизия РОА выступила из Бероун-Шухомасты в направлении Праги, до которой оставалось примерно 50 километров. В послеобеденные часы 5 мая разведывательный батальон майора Костенко был послан в район юго-восточной Праги. На правом фланге этого батальона следовал 1-й полк, на левом фланге, по дороге Бероун-Прага двигались 3-й и 4-й полки, а в центре маршировал 2-й полк и остальные силы 1-й дивизии. К вечеру 5 мая части и подразделения дивизии достигли предместий Праги. По пути следования местное население радушно приветствовало бойцов и офицеров РОА, как освободителей.

Ночью с 5-го на 6-е мая в штабе 1-й дивизии, расположившемся в Йонице, совместно с представителями военного командования восставших, были обсуждены и утверждены объекты, которые следовало взять силами дивизии. Было решено также, чтобы солдаты 1-й дивизии, одетые в немецкую форму, прикололи к мундирам, для лучшего их распознавания, бело-голубые-красные банты.

Пражская операция 1-й дивизии РОА началась 6 мая атакой на военно-воздушную базу немцев – аэродром Рузине северо-западнее Праги. Сломив упорное сопротивление подразделений войск СС, защищавших аэродром, батальоны 3-го полка, после длившегося несколько часов ожесточенного боя, овладели военно-воздушной базой. Одновременно с атакой на аэродром начались боевые действия в пражском предместье Смихов. Здесь разведбатальон майора Костенко столкнулся с отчаянным сопротивлением танковых подразделений дивизии СС „Валленштейн“. Получив поддержку 1-го полка, разведбатальон отбросил эсэсовцев за Влтаву. Первый полк захватил южнее Бранина мост через Влтаву.

К 23 часам 6 мая главные силы 1-й дивизии вышли на линию – Рузине-Бржежнов-Смихов-берег Влтавы. В час ночи 7 мая генерал Буняченко отдал приказ начать наступление на Прагу в 5 часов утра. Главный удар предстояло нанести 1-му полку.

Перейдя через мосты в левобережную часть города, батальоны первого полка ворвались в районы Краловски Виногради, Стразнице и Панкрац. Атакующий с севера 4-й полк завладел важными объектами в центре города и занял Петрин. 3-й полк атаковал Градчаны и соединившись с 4-м полком взял Хлесовице. Артиллерийский полк, меняя огневые позиции, в течение дня обстреливал немецкие опорные пункты. После упорного боя 2-й полк вытеснил немцев из Лаховицки у Праги.

Уже в 8 часов утра 7 мая Пражское радио сообщало, что многочисленные немецкие подразделения сдаются в плен власовцам. Переломным моментом боев за Прагу

была капитуляция немецкого гарнизона, укрепившегося в Лобковицком наместье. К вечеру 7 мая, после подавления упорного сопротивления немцев, принуждавшего власовцев, очищая город, брать приступом дом за домом, Прага была занята частями 1-й дивизии РОА. Чешские очевидцы Пражских событий 6-7 мая 1945 г. единогласно отмечали смелость и жертвенность, проявленные бойцами и офицерами РОА в боях за Прагу. Один из очевидцев, доктор Махотка, писал позднее: „Многие из людей Власова шли посреди улицы, не прячась за укрытия, стреляли в окна и чердачные люки, откуда по ним вели огонь немцы... Казалось, они искали смерти в бою с немцами с тем, чтобы не попасть в руки Красной армии...“ Не удивительно, что чехи с благодарностью приветствовали власовцев и, как говорили очевидцы, жители Праги отнеслись к власовцам не только хорошо, но „по-братски“.

Однако, уже в момент начала Пражской операции, командованию 1-й дивизии РОА стало ясным, что для ее участия в освободительной борьбе чехов, не было никаких политических предпосылок. 6 мая главнокомандующий вооруженными силами западных союзников, генерал Эйзенхауер, выполняя требование начальника Генерального штаба Красной армии, генерала армии Антонова, запретил командующему 3-й американской армией генералу Паттону движение на восток с целью взятия Праги. К глубочайшему разочарованию национальных чешских сил, американцы не намеревались протягивать им руку помощи. Рассчеты национально мыслящих чехов и власовцев на возможность победы в Праге антикоммунистических сил, были явно необоснованными. 7 мая появились признаки отмежевания Чешского национального совета от РОА. По Пражскому радио утром 7 мая было передано заявление, в котором указывалось, что с действиями вооруженных сил РОА против немцев, ЧНС не имеет ничего общего.

Когда подполковник Архипов, прибывший на танке в штаб чешского военного командования „Барточ“, потребовал от его начальника подполковника Бюргера объясне-

ния по поводу этого заявления, он получил ответ, что военное командование повстанцев бессильно принимать какие-либо политические решения.

Вечером 7 мая не оставалось ни малейших сомнений в том, что предстоит занятие Праги советскими вооруженными силами. В 23 часа генерал Буняченко отдал приказ об оставлении освобожденной от немцев Праги. К утру 8 мая части и подразделения 1-й дивизии РОА оставили свои позиции, а к полудню колонны власовцев вышли из Праги в юго-западном направлении, чтобы соединиться с остальными силами РОА.

*

После выхода 1-й дивизии из Праги, А. А. Власов, видя безвыходность положения, послал своего адъютанта, капитана Антонова, в Пильзен, занятый американцами, для переговоров о капитуляции. Через некоторое время Антонов вернулся и сообщил, что американцы требуют безоговорочной капитуляции и отказываются от каких-либо гарантий невыдачи военнослужащих РОА в советские руки. Обсудив ситуацию с генерал-майором Буняченко и другими офицерами, Власов, сопровождаемый подполковником Тензоровым, несколькими офицерами и личной охраной, отправился на переговоры с американцами.

Утром 10 мая Власов был принят американским генералом, командующим Пильзенским участком фронта, который повторил требование безоговорочной капитуляции. Власову же он предложил создать благоприятные условия для побега в занятую американцами часть Германии. Власов наотрез отказался принять это предложение (как в конце апреля отклонил план организации его побега в Испанию на легком бомбардировщике ВВС РОА), и заявил, что он до конца намерен разделить судьбу своих солдат. Отправив в штаб 1-й дивизии двух офицеров из своего сопровождения с указанием на необходимость безоговорочной капитуляции, Власов, в сопровождении

американского конвоя, будучи фактически уже американским военнопленным, отбыл вечером 10 мая в городок Шлюссельбург, куда подтягивались части 1-й дивизии.

В переговоры с американским комендантом Шлюссельбурга о процедуре капитуляции и пропуске военнослужащих РОА на занятую американцами территорию, 11 мая вступил генерал-майор Буняченко.

С севера и востока подходили советские войска. Американцы, дав указание о разоружении дивизии, которое было выполнено, так что личный состав дивизии оказался обезоруженным, тянули с разрешением перехода линии фронта. Утром же 12 мая американский офицер сообщил генералу Буняченко, что к 14 часам американские войска будут оттянуты из Шлюссельбурга на запад.

Американцы разрешили встречу Власова с Буняченко в крепости Шлюссельбург, где находился Власов под американской охраной. На встрече Власов приказал немедленно распустить 1-ю дивизию, освободить ее бойцов и офицеров от присяги, дать им возможность искать спасения где кто может.

В полдень 12 мая, собрав командиров частей, генерал-майор Буняченко отдал приказ о роспуске 1-й дивизии РОА. После приказа по подразделениям: „Разойдись!“, сохранявшийся до последнего момента воинский порядок рухнул. Многие офицеры и солдаты кончали жизнь самоубийством, другие впали в состояние апатии. Однако, большинство, маленькими группками устремилось на юг и юго-запад, пытаясь просочиться через линию американского фронта, что кое-кому удавалось, не без доброжелательства простых американских солдат. Командир же разведбатальона, майор Костенко, собрал вокруг себя людей, которые предпочли гибель с оружием в руках, и увел их в лес.

В расположение, обезоруженной американцами, дивизии с востока ворвались советские танковые войска. Бегущих безоружных обезумевших людей расстреливали из пулеметов, давили гусеницами танков... В районе городка Шлюссельбург оперировали, возникшие в пос-

ледные дни войны, отряды чешских партизан. Снедаемые жаждой „героических дел“, они усердно уничтожали безоружных солдат 1-й дивизии РОА...

С ночи 10 мая А. А. Власов находился в Шлюссельбургской крепости на положении военнопленного. В 14 часов 12 мая, под охраной американского конвоя, он был отправлен в вышестоящий американский штаб, якобы для переговоров. Колонна автомашин, в одной из которых ехал Власов, была остановлена в пути, обогнавшими ее советскими офицерами. Под угрозой оружия, они потребовали, чтобы Власов и находившийся с ним генерал-майор Буняченко, пересели в их машины. О сопротивлении безоружных русских, „охраняемых“ американским конвоем, не могло быть и речи. Американские же офицеры и солдаты молча смотрели на происходившее и ни кто из них не попытался воспротивиться самоуправству своих союзников.

И. Хофман считает, что захват Власова произошел не без участия американцев и указывает на факты, свидетельствующие, что заместитель начальника штаба 12-го корпуса американской армии, полковник П. Мартин, играл в нем активную роль.

*

Начальнику Главного Штаба РОА, генералу Трухину, удалось в начале 1945 года убедить немецкое командование в необходимости передислокации всех штабных учреждений на юг Германии, в район города Хейберг, где происходило формирование 2-й дивизии и подготавливалось формирование 3-й дивизии. Здесь находилась офицерская школа, были расквартированы различные вспомогательные части и запасная бригада РОА.

Передислокация штабных учреждений РОА из Берлина в район Хейберга произошла в феврале 1945 г. Собранные в этом районе вооруженные силы РОА, личный состав которых насчитывал примерно 25.000 человек, Хофман в своей книге называет Южной Группой Русской Освободи-

тельной Армии. Северной Группой он назвал 1-ю дивизию с присоединившимися к ней на марше на фронт добровольческими подразделениями.

В катастрофической для Германии, завершающей фазе войны, силы РОА оказались разделенными на две, даже на три, части, при учете, что военно-воздушные силы РОА и ряд других подразделений и армейских учреждений находились в Карлсбаде и Мариенбаде. Для выполнения плана, принятого Президиумом КОНР'а 28 марта 1945 г., генерал Трухин 10 апреля приказал Южной Группе приготовиться к выступлению в восточном направлении. 19 апреля 2-я дивизия и все другие части и подразделения РОА, принадлежащие к Южной Группе вышли из района Хейберга и 29 апреля достигли района города Линца, где в оперативном отношении были подчинены главнокомандующему немецкими вооруженными силами этого района, генерал-полковнику Рендуличу, приказавшему генералу Трухину занять оборонительные позиции восточнее Будвейса.

В начале мая Южная Группа РОА находилась примерно в 150 километрах от Северной Группы, но связь между ними оборвалась. Для налаживания связи с Северной Группой 4-го мая на самолете военно-воздушных сил РОА в Шухоматы, где располагался штаб 1-й дивизии, вылетел генерал-майор Шаповалов.

В этот же день, Главный Штаб РОА принял решение, что в создавшейся ситуации – Берлин был уже взят советскими войсками – вне зависимости от получения возможности соединения с 1-й дивизией, необходимо предпринять попытку связаться с командованием американских войск и предложить капитуляцию вооруженных сил РОА при условии гарантии невыдачи ее личного состава на расправу советским карательным органам. Парламентерами к американцам были отправлены генерал-майор Арцезов и полковник Поздняков.

Вечером 4 мая они выехали из расположения Главного Штаба в Рейнбахе и, преодолев ряд трудностей, достигли фронтовой линии 11-й американской дивизии. Командир

дивизии, бригадный генерал Дагер, согласился принять капитуляцию, но заявил, что он не уполномочен дать требуемую гарантию невыдачи. Полковник Боярский на это ответил, что в таком случае солдаты и офицеры РОА предпочтут смерть в бою с американцами. Угроза произвела должное впечатление на генерала Дагера, опасавшегося ненужных американских потерь в последние дни войны, и он связался с Главной квартирой 3-й американской армии. Получив необходимые инструкции, генерал Дагер сформулировал американские условия капитуляции РОА: до окончания войны выдачи не будет, вопрос о судьбе военнослужащих РОА будет решен после войны на высшем правительственном уровне США. Устанавливался срок принятия этих условий командованием РОА – не позднее чем через 36 часов, считая с 18 часов 6 мая 1945 года.

Ознакомившись с американскими условиями капитуляции, генерал Трухин не считал возможным принять их без согласия на то главнокомандующего РОА генерала А. А. Власова.

До возвращения парламентаров в Главный Штаб РОА, из расположения 1-й дивизии 5 мая вернулся генерал-майор Шаповалов. Привезенные им сведения о предстоящем заключении соглашения с чешскими повстанцами, а также полученное от Власова указание о необходимости немедленного соединения вооруженных сил РОА в Праге, вызвали недоумение генерала Трухина. Для выяснения обстановки, он немедленно послал своего заместителя генерал-майора Боярского к Власову. Боярский уехал в автомобиле без серьезной личной охраны. До 7 мая никаких сведений от него не поступило. Тогда генерал Трухин, несмотря на отговоры ближайшего окружения, решил ехать сам в Прагу для встречи с Власовым.

Перед выездом Трухин подписал документ о капитуляции и приказал передать его американцам, в случае если он не вернется до вечера.

Генерал Трухин не вернулся. Как позднее выяснилось, он был схвачен чешскими коммунистическими партизана-

ми и передан советским офицерам. Этими партизанами был схвачен и генерал-майор Боярский. Он залепил оплечу допрашивавшему его чешскому коммунисту. Произошла немедленная расправа – Боярский был повешен.

7 мая в Главном Штабе РОА стало известно о безоговорочной капитуляции Германии. Это означало, что о выполнении американцами первоначальных условий капитуляции РОА не могло больше быть и речи. Однако, бригадный генерал Дагер дал знать, что условия остаются в силе. Поскольку до вечера 8 мая никаких известий ни от генерала Трухина, ни от генерала Боярского не поступило, генерал-майор Севастьянов по праву старшинства, предложил генерал-майору Меандрову принять на себя командование Южной Группой РОА. Приняв командование, генерал Меандров дал приказ о немедленной капитуляции. Колонна Южной Группы РОА начала переход линии фронта на участке, занимаемом 21-й американской пехотной дивизией.

Штаб РОА, запасная бригада РОА и ряд других подразделений Южной Группы перешли 9 мая на занятую американцами территорию Австрии. Однако, основные части 2-й дивизии задерживались. Как впоследствии сообщил связной офицер немецкого командования при Штабе РОА, майор Кейлинг, встретивший утром 9 мая командира 2-й дивизии генерал-майора Зверева, тот заявил ему: „Мы будем драться“. Что задумывал, на что рассчитывал генерал Зверев – неизвестно. В ночь с 9го на 10-е мая к расположению штаба 2-й дивизии вышли передовые подразделения 297-й стрелковой дивизии Красной армии. Завязался бой, в котором генерал Зверев был ранен и захвачен в плен. После этого начальник штаба дивизии дал приказ частям дивизии немедленно отходить и сдаваться в плен американцам.

*

Много места в своей книге отвел И. Хофман описанию создания военно-воздушных сил РОА. Читатель, даже

хорошо знакомый с историей Русской Освободительной Армии, находит в главе о ВВС РОА множество до сих пор неизвестных фактов и подробностей, делающих эту

Эгер, 4 февраля 1945 г. Генерал А. А. Власов проводит смотр 1-го полка ВВС РОА. Слева, командующий ВВС РОА генерал-майор Мальцев.

главу чрезвычайно важным документальным источником для тех, кто в будущем постарается во всех деталях восстановить один из самых трагических эпизодов в истории России XX-го века.

Приказ о формировании ВВС РОА был отдан 19 декабря 1944 года. Предполагалось по-началу создание одного авиационного полка, состоящего из пяти эскадрилий боевых самолетов, с соответствующими техническими и аэродромными службами, полка зенитной артил-

Справа налево: командующий ВВС РОА генерал-майор Мальцев; летчики: лейтенант Школьный, майор Тарновский, майор Быков (Герой Советского Союза).

лерии и воздушно-десантного батальона.

Командующим военно-воздушными силами РОА был назначен генерал-майор В. И. Мальцев. В 30-х годах Мальцев командовал ВВС Сибирского военного округа. В 1937 году он был арестован, но в 1939 г. его освободили и назначили директором санатория Аэрофлота в Ялте, где он попал во время войны к немцам.

Формирование авиационного полка РОА на базе личного состава русских добровольцев, находившихся с 1943 г. в различных частях ВВС Германии, началось в Карлсбаде. Командовал полком полковник Байдак. Уже 14 января 1945 г. первая истребительная эскадрилья, состоящая из 16 боевых самолетов „Мессершмидт 109-Г-10“, которой командовал майор Быков (Герой Советского Союза!), получила высокую оценку проверяющего летное и боевое мастерство летчиков РОА генерал-лейтенанта авиации Ашенбреннера. Высокую оценку получила также

2-я эскадрилья, состоящая из 12 легких бомбардировщиков „Ю-88“, которой командовал капитан Антилевский, тоже Герой Советского Союза. 10 февраля 1945 г., из-за перегруженности аэродрома в Карлсбаде авиационный полк РОА был передислоцирован в Мариенбад, где продолжалось формирование и обучение остальных трех эскадрилий.

Первая и вторая эскадрильи принимали участие в боевых действиях 1-й дивизии РОА на Одерском фронте.

К началу апреля окончилось формирование, обучение и тренировка превосходно вооруженного парашютно-десантного батальона РОА, которым командовал подполковник Козарь. Формирование и обучение полка зенитной артиллерии, под командованием подполковника Васильева, затянулось из-за невозможности получения зенитных орудий и снаряжения. Поэтому 2.800 человек личного состава этого полка обучались по уставу пехотной службы

15 апреля 45 г. в Мариенбаде состоялась встреча Власова с генерал-майором Мальцевым, на которой было решено перебросить к вечеру 18 апреля боевые самолеты авиационного полка РОА на резервные аэродромы в Чехию. В случае невозможности сделать это, весь личный состав ВВС РОА, расквартированный в районе Мариенбада, должен был выступить походным порядком в район Будвейс-Линц. Переброска самолетов осуществлена не была, и после получения 17 апреля по телефону из Праги приказа Власова, 20 апреля личный состав штаба ВВС, авиационного полка, технических и вспомогательных подразделений выступил, из Мариенбада в походном порядке в южном направлении. На пути к этим частям присоединились зенитный полк, парашютно-десантный батальон, а также остатки 1-го полка добровольческой белорусской дивизии „Баларусь“ в количестве 800 человек.

24 апреля части и подразделения ВВС РОА достигли города Нейерн, куда прибыл генерал-лейтенант Ашенбреннер. На совещании штаба ВВС он сообщил, что даль-

нейший путь на юг перерезан американскими войсками и для соединения с главными силами РОА не существует ни малейшей возможности. Генерал Ашенбреннер рекомендовал немедленно связаться с американским командованием для переговоров об условиях капитуляции. Командир 12-го корпуса американской армии, бригадный генерал Канин, в штаб которого прибыли генералы Ашенбреннер и Мальцев, гарантировал лишь невыдачу до конца войны. 27 апреля 1945 г. более 5.000 солдат и офицеров военно-воздушных сил РОА сложили оружие.

*

Если в книге И. Хофмана речь идет именно об истории РОА, как независимой, самостоятельной военной силе Комитета Освобождения Народов России, и он лишь попутно рассказывает о русских добровольческих соединениях, частях, подразделениях, отрядах тактически и оперативно полностью подчиненных немецкому командованию, личный состав которых достигал миллиона человек, то в главе о выдаче западными союзниками русских людей в руки их палачей, он значительно расширил тему своего повествования. Он рассказывает не только о трагической судьбе солдат, офицеров и генералов РОА, но и всех русских добровольцев, очутившихся в плену у западных союзников.

Невозможно без содрогания читать о выдаче сотен тысяч людей, взявших оружие в руки только потому, что преступления бесчеловечной антинародной коммунистической власти в России, превратили их во врагов этой власти.

Хофман подробно и добросовестно разбирает вопрос о правовой стороне выдачи советским карательным органам попавших в плен западным союзникам, русских добровольцев в немецкой военной форме, (в подавляющем большинстве случаев, добровольно сдавшихся, не сделавших ни выстрела в сторону союзных войск). Он указывает, что согласно международной конвенции об обращении

нии с военнопленными от 27 июля 1929 года, которую подписали западные державы воевавшие против Германии, главным признаком принадлежности военнослужащего, попадающего в плен к тем или иным, ведущим боевые действия вооруженным силам, считается военная форма, в которую он одет в момент пленения, а не его национальность или подданство. На соблюдении этого принципа воюющими сторонами особенно решительно настаивали правительства Великобритании и США, в вооруженных силах которых было немало граждан Германии и Австрии – эмигрировавших или бежавших из этих стран евреев. Бывшие граждане Германии, попавшие в немецкий плен в военных формах британской или американской армий, не подвергались в плену никаким преследованиям, с ними обращались как со всеми другими военнослужащими западных союзнических армий.

Хофман считает, что обвинение в предательстве, на основании которого западные союзники приняли решение о выдаче русских добровольцев советским карательным органам, совершенно беспочвенно и абсурдно уже потому, что предателями могут быть лишь отдельные лица или небольшие группы. Если же в „Великой Отечественной“ войне в общей сложности более миллиона советских граждан взяли в руки оружие, чтобы направить его против ненавистного им режима, то свидетельствует это никак не о предательстве, а о том, что налицо политическое явление огромного исторического значения.

В новейшей истории имеются примеры перехода военнопленных солдат в стан врага для того, чтобы вести вооруженную борьбу за освобождение своей родины. Таким примером служит хорошо известный Чехословацкий легион, сформированный из военнопленных и перебежчиков австро-венгерской армии в последний год первой мировой войны в России. Этот легион, представлявший собою вооруженные силы Чехословацкого Национального Совета, получил полное признание держав Антанты как „самостоятельная, союзная, ведущая боевые действия“ армия. Признание содержалось в официальных заяв-

лениях правительства Великобритании от 9 августа 1918 г. и правительства США от 2 сентября 1918 г., чем был создан исторический прецедент в международном праве.

Соответствующие правительственные инстанции Великобритании и США прекрасно знали, что военнослужащих Русской Освободительной Армии надлежало рассматривать под тем же углом зрения, как и солдат Масарика, если за ними не признавался статус военнослужащих вооруженных сил Германии. Исходя из этого, насильственную выдачу солдат и офицеров как РОА, так и всех русских добровольческих частей под немецким командованием в руки их палачей, следует рассматривать как вопиющее нарушение западными державами международного права.

С какой бесчеловечной жестокостью осуществлялось это нарушение на практике, подробно рассказывает в своей книге И. Хофман. По существу, политическое и военное руководство Великобритании и США, отдав приказ о насильственной выдаче власовцев и других добровольцев в руки их палачей, превратилось из военных союзников Сталина в соучастников массового убийства людей, восставших против ненавистного им режима.

Преступность действий западных союзников Хофман подчеркивает, цитируя сказанное Винстоном Черчилем в 1930 году: „Если суждено России спастись, а я молюсь, чтобы она была спасена, она должна быть спасена русскими. Только русской храбростью и русской доблестью может быть достигнуто освобождение и возрождение этой некогда мощной нации и этой значительной ветви европейской семьи...“

Тех русских, храбростью и доблестью которых, по мнению Черчиля, могло быть „достигнуто освобождение и возрождение“ России, возглавляемое им правительство еще до конца войны начало выдавать их убийцам...

*

И. Хофман, основываясь на документах и публикациях, главным образом советских, подробно рассказывает о

реакции советского руководства на феномен Русского Освободительного Движения. Он пишет, что появление буквально в первые недели войны, русских добровольческих отрядов, а затем частей и соединений крайне обеспокоило высшие советские правительственные инстанции. Особую тревогу Сталина вызвала публикация т. н. „Смоленского Воззвания“ в январе 1943 года, подписанного генералами Власовым и Малышкиным, и „Открытое письмо“ Власова в марте 1943 года. Открытые заявления Власова в Смоленске и Пскове о том, что Германия не выиграет войны без России, а русские не продажны, и если они „не хотят коммунизма, то и не желают жить в немецкой колонии“, создало не только у гражданского населения оккупированных областей России, но и у советского руководства, впечатление, что нацистская верхушка Германии коренным образом перестраивает свою политику на Востоке, и готова примириться с созданием не только самостоятельных русских антикоммунистических вооруженных сил, но и русского антикоммунистического правительства.

Если до начала 1943 г. фронтовые органы советской пропаганды тщательно замалчивали факт существования русских добровольцев на немецкой стороне, то после выступлений Власова в прифронтовой полосе, такое умолчание стало невозможным. В апреле 1943 г. в газетах «За советскую родину», „Ленинградский партизан“, появились инспирированные Главным Политическим Управлением РККА „разоблачительные“ статьи, в которых Власов назывался „предателем“ и „шпионом“. О том, как Сталин и его приспешники реагировали на нависшую над ними опасность в связи с появлением Власова и его идей, по мнению Хофмана, превосходно сказал маршал Советского Союза Чуйков, написавший в своей книге „Гвардейцы“, что один единственный „агент Власова“, был „опаснее целой танковой роты противника“. На фронте был наложен строжайший запрет на распространение каких-либо слухов о Власове и РОА, кстати не существовавшей в действительности, запрещалось, под угрозой военного

трибунала, читать листовки, в которых упоминалось имя Власова.

Хофман совершенно правильно отмечает поистине парадоксальное совпадение отношения советского и национал-социалистического руководства к Власову и той идейной основе, на которой он намеревался объединить разрозненные русские антикоммунистические силы в монолитное мощное Освободительное Движение. В то же самое время, как Главное Политическое Управление Красной армии выступило с так называемыми разоблачениями „изменника“ Власова в статье, опубликованной во многих фронтовых газетах – „Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера“, по приказу Ставки Гитлера была строжайше запрещена деятельность Власова, а он сам был фактически подвергнут домашнему аресту. Гитлер категорически отказался одобрить мероприятия по созданию Русского Освободительного Движения и заявил на совещании с фельдмаршалом Кейтелем, что не допустит никогда формирования самостоятельных русских антикоммунистических сил, ибо это противоречит его военным целям.

Советская же пропаганда шельмовала Власова „наемником“, „презренным блюдолизом“ Гитлера.

Самое эффективное средство нейтрализации влияния Власова, советское руководство видело в решительном переключении агитационно-„воспитательной“ работы в войсках и тылу на национально-патриотические рельсы. В этом деле Гитлер оказал Сталину неоценимую „дружескую“ услугу. Советская псевдо-национальная пропаганда получила мощную поддержку со стороны нацистских оккупационных властей, осуществлявших в России политику, игнорирующую русский народ как исторический, национальный и культурный фактор, видящих в русских людях бесправных рабов будущей германской колонии на Востоке, унижавших и оскорблявших национальное достоинство, что толкало его в объятия коммунистических угнетателей.

Конечно, в центре внимания коммунистического руководства находились самые радикальные средства и методы борьбы со смертельно опасным военно-политическим явлением. Захватываемые Красной армией или партизанами русские добровольцы немедленно уничтожались физически, для ведения разлагающей агитационной работы среди добровольцев, засылалась специальная агентура, организовывались рейды террористов в Германию для убийства генерала Власова.

По окончании войны, для вымарывания из истории России и истории советской власти, события величайшего политического и национального значения, советская пропаганда применила свой излюбленный метод „вычеркивания“ имен и „уничтожения“ фактов. Органы же госбезопасности, по началу занятые поголовным уничтожением или изоляцией всех тех, кто не только участвовал в Освободительном Движении, но имел к нему какое-либо отношение, постепенно переключились на изобретение способов расправы с теми власовцами и добровольцами, которым посчастливилось сохранить жизнь и найти пристанище в западных странах. На это Хофман обращает особое внимание.

*

Вопреки тому, что западные союзники приложили максимум усилий, чтобы выдать советским карательным органам всех сдавшихся на их милость русских людей, некоторым участникам Освободительного Движения удалось избежать выдачи и расправы. Кое-кому вообще посчастливилось не попасть в плен, скрывшись в дни капитуляции. Немало было и бежавших из плена в первые послевоенные недели и месяцы. Были даже такие, кто получил официальное освобождение из лагерей военнопленных, начальство которых не имело четких инструкций об особом обращении с власовцами. В общей сложности, нескольким тысячам (скольким – неизвестно, ибо на этот счет статистических данных нет), удалось сохра-

нить жизнь. Постепенно эти люди смешивались с той частью так называемых „перемещенных лиц“, которой с помощью различных ухищрений удалось избежать насильственной репатриации и найти пристанище в созданных международной организацией УННРА, лагерях беженцев.

„Перемещенные лица“ получили возможность эмигрировать в различные заокеанские страны. В потоке сотен тысяч эмигрирующих, зачастую не без благожелательного „попустительства“ проверяющих комиссий, из Германии за океан выехали и власовцы. Очень многие из них устремились в США – страну свободы, справедливости и материального благополучия, – где были радушно приняты, получили разностороннюю помощь отзывчивого, доброго простого американского народа, устроились на работу и начали постепенно обживатьсь. С годами русские эмигранты становились полноправными гражданами приютивших их стран, и многие власовцы, получившие американские паспорта, стали называть себя „русскими американцами“.

Советским карательным органам было прекрасно известно, что не все участники Русского Освободительного Движения были ими схвачены или переданы им западными союзниками. Получая агентурные сведения из разных стран мира, они знали, кто из спасшихся добровольцев и власовцев, и где, получил возможность начать новую жизнь.

Шли годы, менялась международная обстановка и внутриполитическая ситуация в отдельных демократических странах. Холодная война уступила место разрядке напряженности. Используя эту разрядку, которая в сущности заключается в притуплении на Западе бдительности к разлагающей „буржуазные“ государственные и политические структуры, деятельности советской агентуры, во всех ее видах и обликах, специальные инстанции советских органов госбезопасности начали кампанию опорочивания русских эмигрантов-антикоммунистов, поселившихся в западных странах.

Разумеется, главной мишенью этой компании были избраны бывшие участники Русского Освободительного Движения, которых советская пропаганда начала клеймить как „военных преступников“, „фашистских прихвостней“. Это привлекло к себе внимание некоторых западных политических кругов, особенно в США, не скрывающих своей патологической ненависти к России и русскому народу вообще, а к русским антикоммунистам, в особенности.

Опираясь на эти круги и находя у них поддержку, обнаглевшие карательные органы СССР, т. е. КГБ, стали требовать от прокуратуры и судебных инстанций демократических стран расправы не только с бывшими активными участниками Русского Освободительного Движения, но даже с людьми, имевшими лишь косвенное отношение к нему. Состряпанные на этих людей в кагебистских канцеляриях, с начала и до конца, лживые обвинения в различного рода якобы совершенных ими преступлениях, лансировались в официальные инстанции западных государств, главным образом США. Прицел был взят как на неосведомленность американской общественности и политических кругов США о ставших уже историческими, событиях войны, так и на сохранившееся и поныне в Америке решительное осуждение всего того, что пусть только формально и вынужденно, имело отношение к нацистскому режиму Германии.

Эта тактика КГБ, несмотря на абсурдность сочиненных им обвинений, на отсутствие каких-либо доказательств, на очевидность провокационных намерений, возымела действие. В 1979 году администрация президента США Картера начала осуществлять юридические мероприятия против американских граждан, выходцев из Советского Союза, переселившихся после войны в Америку. На основании лживых „обвинительных материалов“ состряпанных КГБ, министерство юстиции США санкционировало к 1980 году расследования по обвинению 260 бывших участников Освободительного Движения в возможном соучастии в военных преступлениях, „Possible participation in war crimes“.

Хофман задается вопросом, намеревается ли администрация США начать серию судебных процессов против „нацистских военных преступников“ сфабрикованных в КГБ? Он называет представление о том, что официальные инстанции США пошли на открытое сотрудничество с КГБ для расследования дутых „дел“, в которых речь идет о „persecution of person because of race, religion, national origin, or political opinion“ – **гротеском!**

Хофман сообщает, что американские инстанции обратились за помощью к правительству ФРГ, о чем свидетельствуют вербальные ноты посольства США в Бонне № 126 от 28 марта 1980 года и № 31 от 17 марта 1983 года, содержащие просьбу о передаче хранящихся в западногерманских архивах документов, необходимых органам юстиции США в их работе по расследованию „дел“ бывших военнослужащих добровольческих подразделений и частей германского Вермахта, а также РОА, по обвинению их в якобы совершенных ими военных преступлениях.

Какие методы применяются при расследовании этих „дел“ в США и насколько вздорны сами по себе эти „дела“, показывает „дело“ бывшего капитана Калмыцкого кавалерийского корпуса Болдырева, одного из немногих калмыцких офицеров, избежавших выдачи в 1945 году. В вербальной ноте посольства США в Бонне № 31, речь идет об обвинении американскими органами юстиции Болдырева в том, что „в начале 1943 года он принимал участие в военных преступлениях в городе Элиста“.

Это обвинение свидетельствует о степени злоупотребления КГБ американской неосведомленностью, а также об абсолютной некомпетентности американских органов юстиции. Город Элиста, где по представлениям американской прокуратуры, калмыцкий офицер, капитан Болдырев, совершал в начале 1943 года военные преступления, в частности, расстреливал мирных жителей, был 31 декабря 1942 г. занят частями Красной армии. В 1943 году в Элисте действительно происходили массовые расстрелы мирного калмыцкого населения, но преступления эти совершались отрядами СМЕРШ'a и органами советской госбезопасности.

Советское руководство и по-ныне смертельно боящееся не только открытого, честного, правдивого обсуждения причин и обстоятельств, приведших к возникновению в годы войны Русского Освободительного Движения, но и вообще упоминания о нем (разве что, подло и лживо говорится порой о „банде изменников“), трусливо мстит немногим оставшимся в живых власовцам и добровольцам, нашедшим приют в Америке. „Оно демонстрирует, что карающая рука советской власти достаточно длинна, чтобы спустя четыре десятилетия, даже в далекой Америке, дотянуться до одряхлевших своих противников“, — пишет И. Хофман.

*

Создав широкоплановую, основанную на документальном материале, панораму Русского Освободительного Движения, высвечивая главным образом короткий период существования Русской Освободительной Армии, как совершенно независимой, самостоятельной силы, Иоахим Хофман рассматривает ее как фактор русской истории, как ярчайшее проявление сопротивления русского народа коммунизму, как реальное воплощение жертвенного стремления русских людей, ценой собственной жизни, завоевать народную свободу и счастье.

В своем капитальном труде Иоахим Хофман неоднократно подчеркивает, что только абсолютно безвыходное положение, в котором находилась Германия в конце 1944 года, принудило ее нацистское руководство возложить свою последнюю надежду на РОА, пойти на принципиальные уступки А. А. Власову и его соратникам.

С другой стороны и у А. А. Власова не было иного выхода как, невзирая на упущенные сроки и неиспользованные возможности, пойти на союз с Германией. Об этом четко сказано в „Пражском Манифесте“: „Комитет Освобождения Народов России принимает помощь Германии на условиях не ущемляющих ни чести, ни независимости нашей родины. Эта помощь открывает в настоя-

щий момент **единственную реальную возможность** для организации вооруженной борьбы со сталинской кликой“

Внешний мир, наблюдатели со стороны, при оценке значения Русского Освободительного Движения, по мнению Хофмана, придают неоправданно большое значение тому обстоятельству, что оно потерпело поражение.

Сам же Хофман считает: „Замечание, что Русское Освободительное Движение потерпело неудачу /.../ – упускает момент решающего значения. А именно, – что историческое значение национально-освободительной борьбы ни в коей мере не зависит только от ее удач или неудач. Нередко в истории именно неудачные восстания обладали особо притягательной силой /.../, – тем, что несмотря на свою неудачу, они обрели ореол легендарности в глазах потомков“.

Немецкий ученый-историк своим трудом воздвиг величественный монумент Русскому Освободительному Движению, он озарил ярким светом образ Андрея Андреевича Власова, возглавившего это Движение, отдал честь памяти его ближайших соратников, поклонился праху бесчисленных русских героев-мучеников, павших в отчаянной и бескорыстной борьбе за свободу своей родины.

Большое ему русское спасибо!

Прот. В. Зеньковский

Вера и Знание*

Было время в истории человечества, когда религиозное объяснение мира и человека было единственным и всеохватывающим; вера в высшие силы не отделялась от живого ощущения их вседеприсутствия. Но это время прошло давным давно, – рядом с верой, в самые далекие времена, начало развиваться знание – сначала частичное, не очень уверенное в себе, а затем знание стало развиваться все быстрее, все энергичнее и увереннее. Уже в дохристианскую эпоху вера стала **оттесняться** знанием – и этот процесс привел вскоре к такому внутреннему разложению древнего мира, что он стал гибнуть. Христианство спасло мир от этой гибели и внутреннего разложения, возродило человечество тем духовным обновлением, которое оно принесло миру, а вместе с тем оно положило и новые основы для научного и философского исследования. К сожалению, то „обновление ума“ (Римл. 12,2), которое принесло в мир христианство, не дало миру всего, что могло и должно было войти в мир от света, который засиял для мира во Христе. Подлинное и творческое „обновление ума“ как бы сосредоточилось только в области богословия, отдав всецело так называемому

*Из сборника „Православие в жизни“, Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953.

„естественному разуму“ исследование и истолкование природы человека. Это пагубное разделение, чуждое раннему христианству, получило особенно острое свое выражение на заре „новой“ эпохи, т. е. в XV и XVI веках, – и после этого разграничение веры и знания стало как бы „само собой разумеющимся“, можно сказать – традиционным, бесспорным. В нашу же эпоху, христианский мир, не найдя правильного соотношения между верой и знанием, перешел за последнее столетие уже к открытому оттеснению веры знанием. Действительно, необычайные достижения научных исследований во всех областях, головокружительные успехи техники, – все это породило такое умонастроение, такую установку духа, при которой для веры остается ли какое-либо место? У многих людей, особенно тех, кто с жаром и упоением изучает науки, работает в области техники, как бы иссякают самые источники религиозных переживаний, – люди теперь так заняты одной земной жизнью, ее сложными темами, исследованием и техническим овладением сил природы, что только какое-либо трагическое потрясение (как, например, обе мировые войны), или то оцепенение, которое несет с собой в мир смерть, вновь ставит перед всеми религиозный вопрос. Но для тех, кто возвращается к религиозной жизни, или только ищет ответа на религиозные вопрошания, неизбежно возникает необходимость найти такое взаимоотношение между верой и знанием, **при котором одно не вытесняло бы другое.** Не может современный человек отбросить все то, что принесла миру наука, но как же соединить с этим не простое признание „Вышей Силы“, но всю полноту христианской веры, жизни в Церкви?

Этот вопрос слишком важен и значителен, чтобы его решать „кое-как“, „между прочим“. Выяснению его, краткому анализу основных тем, с ним связанных, и посвящен настоящий этюд.

Вводные замечания

1. Нельзя и незачем отрицать того, что для многих людей нашего времени вера и знание кажутся несовместимыми. Конечно, наука не может сейчас, – говорят такие люди, – объяснить всех загадок мира, но сколько загадок она уже объяснила! Как гром и молния объясняются ныне разрядом электрической энергии в атмосфере и нет никакой надобности видеть в них проявление сверхъестественных сил, – так и все другое, что ныне считается необъяснимым и сводится к действию высших сил, – говорят нам, – рано или поздно будет научно объяснено. Знание все время растет и развивается, – и кто может угадать, где и когда это развитие дойдет до своего предела? Если вспомнить, что двести лет назад не знали о возможности пользоваться силой пара, что сто лет назад не подозревали о рентгеновских лучах, о радиоактивности, если прибавить к этому необычайный темп в развитии исследований в наше время во всех областях, то нельзя не верить в прогресс знания, в его, как будто, необъятные возможности.

Конечно, да, – но разве не из веры в Бога, как Творца всей вселенной, развилось учение о единстве природы, о единстве законов ее? Дохристианская наука, за очень редкими исключениями, не признавала единства мира и делила его на разные, независимые одна от другой сферы, а христианство, наоборот, настойчиво выдвигало идею единства мира, исходя из религиозного убеждения, что весь мир есть создание Единого Бога. И вся история научных открытий, научных исследований, как еще недавно хорошо показал выдающийся русский ученый В. И. Вернадский (создатель новой отрасли знания - геохимии), стоит в теснейшей связи как с философским, так и религиозными течениями того или иного времени.*

Мы вправе сказать, что вера в Бога никогда не ставила преград развитию знания. Даже больше: только наивное

* См. его статью: „О научном мировоззрении“ в сборнике В. И. Вернадский, Очерки и речи. Петроград 1922.

сознание, которое неясно различает между верой в Бога и научным знанием, может смешивать эти две сферы духа. Трезвое и зрелое религиозное сознание никогда не будет заранее относить все „необъяснимое“ для разума к вмешательству высших сил. Поэтому мы с самого начала должны решительно отвергать мысль о несовместимости веры и знания. Как вера в Бога не включает в себе никаких затруднений для того, чтобы изучать и исследовать природу, так и знание, если оно серьезно и осторожно строит свои идеи, не может выходить за пределы „познаваемого“ и не может отрицать реальности „непознаваемого“ – не в том смысле, что оно **пока** нами не познано, а в том смысле, что оно вообще не объемлется нашим разумом.

Таково **предварительное** разграничение веры и знания. Мы должны, однако, несколько углубить его и уточнить взаимоотношение веры в Бога и научного знания, но прежде, чем перейти к этому, мы должны отметить и то, что есть все же (и, конечно, навсегда останутся) такие области, на понимание и истолкование которых одновременно претендуют и религиозная вера и научное знание. Можно даже думать, что именно в круге вопросов, которые принадлежат к этим областям и на освещение которых претендуют одновременно и наука, и религиозное сознание, и создается напряженность в отношениях веры и знания. К таким вопросам относится общее понимание мира и связанное с этим учение о возможности или невозможности участия Бога в мире (частную форму этого представляет вопрос о возможности или невозможности „чуда“), – но еще больше вопросов связано с темой о человеке. Не имея возможности разобрать все эти вопросы, в которых будто-бы сталкиваются вера и знание, мы разберем два вопроса – прежде всего вопрос о возможности участия Бога в мире и о чуде, – из группы же вопросов о человеке мы возьмем вопрос о „бессмертии души“, о том, что жизнь наша не кончается со смертью тела.

Учение о Боге, как Творце мира и о Промысле Божиим

2. По христианскому учению мир создан Богом, Который дал миру те законы, которые определяют жизнь мира. Эти законы вечны, потому что исходят от Бога, – в силу того же они неизменны и постоянны. Однако, творение мира Богом не надо понимать так, как будто мир движется, как некий механизм, будто христианское учение не признает в мире его собственной активности, его известной самостоятельности. Уже в библейском рассказе о творении мира мы находим весьма ясное указание на эту самостоятельность мира. Вот что мы читаем в книге Бытия (гл. I стр. 11-12) о третьем дне творения: „и сказал Бог: да произведет земля зелень, траву... дерево. И **произвела** земля зелень, траву, дерево...“ Это замечательное место прямо говорит о собственной активности земли („произвела земля“), хотя и вызванной к жизни словом Божиим. Но, по мудрому указанию св. Василия Великого, „глагол Божий звучит для мира и ныне“, – т. е. и ныне, **по воле Божией**, существует собственная активность „земли“ – та самая активность, которую наука кладет в основу принципа эволюции.

Создав мир и определив его законы, Бог не мог, конечно, предоставить мир самому себе, как бы забыть о нем, – творение мира естественно переходит в „промышление о мире“. И тут мы впервые встречаемся с острым противлением некоторых деятелей науки этому воззрению, – я имею в виду то учение, которое принято называть **деизмом**. Деизм признает, что Бог создал мир, но отвергает всякое участие Бога в жизни мира, т. е. отрицает Промысел Божий. Что это богословски неразумно, это ясно само собой: как можно думать, что Тот, Кто создал мир, что Он по создании мира уже не думает о мире, не заботится о нем, как бы забыл о нем? Это настолько неразумно, что собственно тут нечего и спорить: если признавать, что мир не сам собой существует, а создан Богом, стоящим над миром, то просто нелогично отвер-

гать участие Бога в жизни мира. Но почему же некоторые ученые все же отвергают это участие Бога в жизни мира? Какие мотивы руководят ими при этом?

Деизм есть создание английской религиозной мысли; одним из виднейших защитников деизма был знаменитый Ньютон, создатель новой механики. Ньютон был убежденным христианином, признавал бытие Божие и самую неизменность законов природы выводил из неизменности Божества. Но, будучи одним из творцов „механического понимания природы“, которое видит в механических процессах основной и исходный тип процессов в природе, которое сыграло, несомненно, очень большую роль в развитии научных идей в XVIII и XIX веках, Ньютон исходил из того убеждения, что все в мире объясняется из самого же мира. Всякое естественное явление имеет, по этому взгляду, естественную же причину. Мировая жизнь есть бесконечная цепь причин и следствий, – тут все „естественно“. И именно потому, думают ученые, наука и возможна: если бы в мире действовали какие-либо (сверхъестественные) силы, то научное познание мира было бы невозможно. Но наука не только возможна, но она существует, она прогрессирует и все глубже и дальше проникает в тайны природы, – и это не значит ли, что в мире действуют только естественные силы?

Никто не станет, конечно, отрицать реальности в мире естественной причинности, но разве это исключает участие Бога в жизни мира? Вникнем в этот вопрос глубже, и мы увидим, что из признания действия в мире естественных сил **вовсе не вытекает отрицание Промысла Божия в мире**; не вытекает потому, как увидим дальше, и отрицания чуда. О том, что в мире могут действовать силы, превосходящие „естественный“ строй природы – об этом мы будем иметь случай говорить позже.

Границы причинности (учение Курно)

3. Принцип всеобщей причинности (так называемый детерминизм), как легко убедиться, вовсе не исключает случайности и даже ее создает. Французский ученый Курно (середина XIX в.) впервые показал это с неотразимой ясностью, развив учение о так называемых „независимых причинных рядах“. Возьмем простой пример, иллюстрирующий это: по рельсам железной дороги движется поезд согласно определенному расписанию; железная дорога в одном месте пересекается шоссе, по которому ездят автомобили. Обычно, когда к месту пересечения двух путей подъезжает поезд, шлагбаум опускается и движение по шоссе прекращается. Но, если шлагбаум не опущен или его вовсе нет, может случиться (к сожалению, часто и бывает), что в один и тот же момент должны оказаться в одной и той же точке пространства и поезд, и грузовик, что неизбежно приводит к катастрофе. Ведь движение поезда подчинено своей причинности, а движение грузовика – своей. Обе причинности независимы одна от другой, и их катастрофическая встреча есть чистая случайность, вытекающая как раз из независимости причинных рядов. Но мы знаем, что этой катастрофической встречи может и не быть – либо машинист затормозит поезд, либо шофер приостановит грузовик. В обоих этих случаях ни машинист, ни шофер не попирают закона причинности – ведь самое столкновение поезда и грузовика есть, в данном случае, чистая случайность, которую можно предотвратить, т. е. ее можно избежать, если опасность во-время заметят или машинист, или шофер.

Строгий детерминизм или строгая подчиненность всех процессов в мире закону причинности вполне, таким образом, соединима со случайностью, а, следовательно, и с вмешательством людей в регуляцию этих случайностей **без нарушения законов причинности**. Но если мы, управляя автомобилем, можем во-время затормозить, чтобы не

столкнуться с другим автомобилем, выехавшим из-за угла, – то почему же Бог, Творец вселенной, не может, не нарушая законов причинности, создать такое сочетание событий, которые могут иметь благоприятные последствия для тех или иных людей? Сколько раз в жизни бывало и бывает, что „случайная“ встреча двух людей, ведущая к их взаимному знакомству, начинается с собой целый ряд чрезвычайно важных фактов, в основе которых лежит все же „случайная встреча“. Почему мы не можем предположить, что „случайная“ встреча была, в действительности, делом Божиим? Если родители „подбирают“ знакомых для своих детей в расчете, что это будет иметь доброе влияние на них, почему Бог не может этого сделать?

Но, скажут нам, как отличить, случайную в точном смысле слова, встречу двух рядов от встречи, в которой было действие Божие? Ведь внешне оба типа встреч протекают одинаково, т. е. внешне они оба кажутся случайными; как же узнать, что в одной из них было действие Божие? **Внешне это обычно и нельзя узнать, но каждый человек, если он оглянется на свою жизнь, почти всегда с уверенностью может сказать, что те или иные события в его жизни вовсе не были случайными, а несомненно определялись чем-то высшим, вели к какой-то определенной цели. Вообще нельзя чистой случайности придавать такое огромное значение, какое ей отводят, например, в естествознании; наш знаменитый русский ученый Н. И. Пирогов справедливо высмеивал „обожание случая“, как он выражался. Факты целесообразности в истории живой природы, в развитии людей и целых народов могут быть столь поразительны, что их никак нельзя сводить к „чистой случайности“.**

Пусть так, скажут нам, пусть через регуляцию различных причинных рядов Бог может входить в жизнь мира, пусть в этом случае мы можем признать принципиальную **возможность „чуда“**, но что нам удостоверяет **реальность** чуда, т. е. удостоверяет, что в таком-то определенном случае действовал именно Бог, т. е. что тут была

не „чистая“ случайность, а было целесообразное вмешательство Божие? Если верующие в Бога люди утверждают, что у них нет никаких сомнений, что в данном случае именно Бог создал то сочетание фактов, которое было столь для них целесообразно, – то почему неверующие в Бога этого не видят, не понимают? Или вере присущ особый свет, который помогает почувствовать участие Бога в жизни данных людей?

Войдем для уяснения этого глубже в сущность религиозной веры, но сначала попробуем разобраться в психологии познания.

Психология познания

4. При предварительном различении веры и знания мы указали на то, что они **обращены к разным сферам**. Вера есть обращенность нашей души к Богу, к горнему миру, к невидимой, запредельной реальности, – а знание обращено к миру видимому и осязаемому, оно всецело основывается на опыте, а затем на тех идеях, которые возникают из опыта. Из такого определения веры и знания, как двух сфер духовной жизни, находящихся в разных, так сказать, эстаках, вытекает само собой, что они никак не могут придти в столкновение друг с другом. Все это верно – но лишь при первом приближении к вопросу о вере и знании. Стоит несколько глубже вникнуть в природу веры и знания, как нам сразу представится возможным конфликт между ними – при том в двух разных условиях. Первого типа конфликт мы, для ясности, назовем конфликтом **косвенным**, второго типа конфликт – **прямым**. Разберем оба эти типа – они помогут нам ближе войти в сущность веры и знания – и обратимся сначала к первому типу.

Мы уже упоминали, что знание основывается почти всегда „на опыте“, т. е. оно имеет дело с такими „предметами“ или явлениями, которые доступны нашим внешним чувствам (зрению, слуху и т. п.). Но вследствие этого они доступны одновременно многим людям сразу: если я в

химическом каком-либо опыте вижу, что в жидкости образуется осадок, то это образование осадка может наблюдать сколько угодно людей. Это придает знанию, основанному на опыте, такую **убедительную очевидность**, что этот тип усвоения истины начинает казаться единственным. Действительно, мы уже с детства привыкаем к этому типу усвоения истины, – привыкаем называть знанием именно, то и только то, что „очевидно“, что „доступно всем“. Правда, если какой-нибудь путешественник, забравшийся в неисследованные до него страны, даст описание того, что он видел, то можно ли верить ему? Ведь, он был только один, других свидетелей не было с ним. Верно, но мы хорошо сознаем, что записи такого путешественника может проверить любой новый путешественник. Именно эта **возможность проверки** освобождает ученых от необходимости, чтобы при их различных исследованиях присутствовали другие люди: описание, сделанное одним человеком, принимается за истину, ибо легко может быть проверено другими людьми. В настоящее время существует так много ученых, так много исследователей во всех областях, что проверка, действительно, и производится многими наблюдателями.

Все это создает определенные навыки души, – истина кажется тем бесспорнее для нас, чем она осязательнее, очевиднее, чем легче допускает проверку. Все, что неосязательно, не очевидно с первого взгляда, что нельзя проверить, – легко может быть объявлено фантазией. И так как таких фантазий в истории разных наук было тоже не мало, то в итоге многовековой научной работы у всех, кто интересуется знанием, создается „критическая установка“, создается большая строгость в отношении точности приводимых учеными фактов.

С тех пор (уже больше трех веков), как к изучению физических, позже химических, а ныне, биологических процессов стали применять математику, научный критicism не только окреп, но даже приобрел некоторые черты своего рода сектантства, – так велика стала требовательность и даже придирчивость нашего ума. Само по

себе это явление есть выражение зрелости научной жизни нашего времени, – но, увы, именно достигши зрелости, критическое направление сразу обнаружило и свое **вредное** действие на наше сознание.

Это вредное действие проявляется прежде всего в том, что все, что не очевидно и не может быть доступно проверке, **сразу заподозривается** в своей истинности. Вот, например, до сих пор в науке, существующей уже более 150 лет, а именно в психологии, есть спор, который так и остается неразрешенным, – и именно вследствие **чрезмерного критицизма**. Спор шел и идет о том – существует ли **душа** человека? Что существуют различные душевные явления (образы воспоминаний, мысли, разные чувства, желания), об этом никто не спорит, но о душе, как таковой, сейчас просто не принято говорить (в силу чего уже давно стали говорить, что современная психология есть „психология без души“). Почему? Потому что **прямого восприятия души** (как бы отдельно от душевных явлений) действительно нет; выходит, что слово „душа“ не означает никакой реальности, а есть просто слово, удобное для обозначения совокупности разных душевных явлений. Но такое рассуждение в корне неправильно, – ибо если мы не воспринимаем в себе души **отдельно** от душевных явлений, то и самые то душевные явления предстоят нам всегда в некоем живом целом – **что и есть душа!** Никогда и нигде нам не дано **отдельно воспоминание, отдельно мысль или желание, но все это есть, по прекрасному выражению американского психолога Джемса (James), „поток“** психической жизни. Только чрезмерным критицизмом и должно объяснять „психологию без души“.

Но еще хуже выходит, например, при изучении социальных явлений. Положим, я пошел в гости к своему другу; в течение получаса мы говорили с ним о погоде, о политике, о ценах на продукты и т. п. Неужели **этим** и ограничивается социальное общение, только в этом оно и состояло? Конечно, нет, ибо его подлинная реальность **не** может быть внешне усвоена. Посидев у друга полчаса, я

ушел освеженным словно я внутренне напитался чего-то от него, словно какие-то невидимые, неосязаемые процессы и определили наше „общение“. В этих невидимых, неосязаемых процессах в действительности и заключена самая „суть“ общения, – и глубоко ошибся бы тот, кто счел бы сутью его, наоборот, ту болтовню, которой мы были заняты. Надо поэтому уметь **освобождаться** от привычки считать истинным только то, что „очевидно“, что, доступно одновременно другим, допускает проверку, – надо стремиться к тому, чтобы овладеть и той стороной бытия, которая неосязаема, не очевидна.

Сущность веры

5. Но вредное действие чрезмерного (и упрощенного) критицизма сказывается с особой, можно сказать, роковой силой тогда, когда дело идет о предметах высшего порядка, т. е. о предметах религиозного порядка. То, что принято называть религиозной верой, есть, ведь, тоже своего рода знание, – но знание иное и потому, как оно развивается, и по тому, на чем оно основывается. Мы не должны прилагать к этому „знанию веры“ тот критицизм, который верен (и то с известными, как мы видели, ограничениями) в отношении внешнего мира: предметы веры, если мы следуем внешнему критицизму, **как бы уходят от нас**, становятся уже совершенно закрытыми и недоступными нам.

Для полной ясности будем отличать в вере „знание Бога“ и „знание о Боге“. Было бы еще проще отличать „веру в Бога“ от наших „верований“, т. е. тех учений, понятий, идей, которые входят, например, в состав христианского вероучения. Вера же в Бога или „знание Бога“ есть **живое, непосредственное, непререкаемое чувство Бога, Его бытия**, Его реальность и близость к нам. Французские богословы и мыслители называют это „чувством присутствия“ (sentiment de la presence) Бога. Конечно, такое живое и непререкаемое чувство Бога вовсе не присуще

всем верующим, – у многих, даже искренно верующих, Бог есть лишь некая светоносная **идея**, которая все освещает им, но все же только идея, а не живое „ощущение“ Бога. Между тем первосушность веры в Бога („знание Бога“) есть именно ощущение или чувство Бога, сознание, что Бог для нас **реальнее всякой „видимой“ реальности**, реальнее всего мира. По учению многих богословов, вера в Бога вообще **предшествует** всякому ощущению, познанию видимого бытия. „Самое первое, самое реальное для нас есть Бог“, говорил один западный богослов, – и это верно, но надо иметь в виду, что живое, непререкаемое чувство Бога, столь легко дающееся детям или свыше вдохновенным душам, для нас, пребывающих в плену видимых, осязаемых вещей, **дается лишь в итоге духовной и молитвенной жизни**. Первоначально мы просто „узнаем“ многое о Боге – когда родители, воспитатели говорят нам о творении мира, о Спасителе, распятом и воскресшем, о Божией Матери и святых, – и все это есть „верования“ наши, но еще не подлинная вера. И верования (знания о Боге) нужны душе, – им присуща особая светоносная сила, которой освещается и озаряется весь мир, вся жизнь, – но религиозная жизнь, которая не идет дальше „верований“, еще не дошла до той своей вершины, где не нужно „доказывать“ бытие Божие, но где оно охватывает нашу душу, как правда, как добро, как Перво-реальность.

Вера в Бога, или знание Бога, дается нам обычно в итоге духовной и молитвенной жизни, но она **не создается нами**, она есть откровение Бога в нас. Сам Бог открывается нам, и оттого непререкаемо и невыразимо словами живое ощущение его присутствия. Но Бог не открывается душе человеческой, так сказать, насильно, а только там и тогда, где и когда душа ищет Бога, где она раскрывается навстречу Ему. Бывают, впрочем, такие потрясения (внезапные несчастья, чья-либо смерть, особенно часто на войне), когда душа, уже трепещущая, стоящая как бы на пороге Богосознания, может вдруг с такой силой пережить близость Бога, что она, словно

ослепленная светом свыше, уже не хочет глядеть на мир, ищет только Бога. Но это сравнительно редкие случаи, – вообще же говоря, Бог открывается душе лишь через молитвенную и духовную жизнь. „Блаженни чистые сердцем, сказал Господь, ибо они **узрят Бога**“. Чтобы чувствовать Бога, нужно чистое сердце, свободное от пороков, мелких и больших страстей, любящее чистоту и правду. Но не менее нужно, чтобы ум не мешал движению сердца, т. е. чтобы в нем не было тех или иных неверных идей, учений. Оттого так и важно правильное религиозное воспитание и образование, что они приуготовляют сердце и ум к восприятию Бога, к встрече в Нем, когда придет для этого момент.

Если такова природа религиозной веры, то можно сказать, что она „очевиднее“ для нас всякой внешней очевидности, и в этом смысле она превосходит всякое внешнее знание обилием света, сознанием твердой и непреложной истины. Но вера живет внутри души; извне можно пройти мимо нее, так сказать, не заметив ее, – вера есть та внутренняя жизнь души, в которую извне нельзя заглянуть. Но в вере есть зато нечто иное и большее: **вера может легко передаваться другим людям, – она зажигает в ищущих душах, в чистых сердцах ответный огонь**. Апостолы, проповедуя всем народам Христово учение, привлекали к вере не убедительностью тех или иных аргументов, даже не чудесами, – но огонь веры, живший в них, зажигал ответный огонь у слушателей. Огненная сила, присущая вере, есть сила, перед которой бледнеет всякая иная сила – ума или физического действия. Достаточно прочитать несколько глав из книги „Деяния Апостолов“ (эту книгу можно было бы назвать „пятым Евангелием“, ибо там рассказана история распространения христианского благовестия), чтобы почувствовать, что необычайное распространение христианства по всему миру было связано именно с тем, что огонь веры у Апостолов зажигал ответный огонь у тех, кто внимал им чистым сердцем. Это дивное свойство веры, возможность, что от одной верующей души возгорается свет веры у других

людей, даже не переживших того, что например, пережили Апостолы, и есть тайна Христовой Церкви. И доныне огонь веры возгорается в душах, мы питаем, воспламеняем друг друга – и сердца людей открываются для новой жизни во Христе.

Но свет, который освещает нашу душу благодаря вере в Бога, **по новому освещает нам и весь мир, человека в мире**, – тут именно и совершается то „обновление ума“ во Христе, о котором говорил Апостол Павел (Римл. 12,2).

Косвенный конфликт знания и веры

6. Если мы можем подняться до того, чтобы глядеть на мир „в свете Христовом“, то весь мир предстанет нам как бы пронизанным лучами, исходящими от Бога. В свете веры мир вовсе не живет, какой-то своей отдельной, обособленной жизнью (хотя ему и дана от Бога сила самостоятельности), – мир держится Богом. Св. Отцы часто выдвигают ту мысль, что если бы мир не сохранялся Богом, не находился под Его попечением, т. е. был бы предоставлен самому себе, то он давно распался бы и обратился в небытие. Та картина мира, которую рисует нам современная наука, неверна не в том смысле, что она говорит о чем-то мнимом, нереальном. Нет, все верно в описании явлений, в формулировке законов, управляющих миром, но все это есть лишь повесть о **поверхности** мира, о его оболочке. В научном подходе к миру **не хватает ощущения Божьего присутствия в мире**; Его постоянного участия в мире; наука даже не подозревает часто того, что великий созерцатель духовного мира (Св. Исаак Сириянин) назвал „пламенем вещей“, – той подлинной глубины в жизни мира, где мир пронизан светом Божиим.

В силу этой ограниченности внешнего знания, когда оно создает себя единственной и высшей формой знания, когда оно распространяет свои требования „очевидности“, доступности всем для проверки на то, что для внешнего взора не очевидно, не допускает такой простой проверки,

тогда и возникает то, что мы называли „косвенным конфликтом“ веры и знания. Вера открывает нам бытие настолько глубже, полнее, яснее, что внешнее знание мира, само по себе и цельное, и нужное, должно быть признано **подчиненным** вере – но, конечно, не внешне, а внутренне. Поэтому чувство истины, если **оно развивается на одном внешнем познании мира**, неполно и недостаточно, – и, наоборот, то чувство истины, которое развивается через веру, проникает все глубже, светит ярче, озаряя своим сиянием полноту бытия.

Фактически огромное большинство людей созревает духовно и умственно именно на **внешнем** знании, – и это было бы не плохо, если бы они параллельно вращались в мир религиозной жизни. Но обычно этого нет, или почти нет, вследствие чего наше созревание и определяется почти всецело тем подходом к миру, к истине, который соответствует только внешнему знанию. Даже те, у кого было религиозное воспитание, часто переживают Бога, как нечто отвлеченное, как чистую (увы, не светоносную) идею. Чтобы пробудить в таких людях сознание неполноты и ограниченности внешнего знания, нужен какой-то сдвиг, может быть, глубокий удар. Только тогда может человек сказать себе вместе с Псалмопевцем: „**из глубины** возвах к Тебе, Господи“, – пока он не упадет в эту глубину, он находится во власти внешнего подхода к бытию.

Так и возникает, как видим, – косвенно, – конфликт веры и знания. Мы называем такой конфликт „косвенным“, потому что свет ~~веры~~ оказывается у многих столь ослабленным (в силу внешнего подхода ко всему), что они не могут ничего противопоставить самоуверенному сознанию, созревшему на внешнем знании.

Теперь мы несколько подготовлены к разрешению поставленного выше вопроса о том, как нам убедиться в реальном вхождении Бога в жизнь мира, как убедиться в реальной, а не одной принципиальной возможности чуда.

О реальности чудес

7. Принципиальную возможность чуда мы признали, исходя из анализа случайности. Случайны все „встречи независимых причинных рядов“, – и если нам, людям, возможно, не нарушая закона причинности, регулировать встречи отдельных причинных рядов, то, конечно, это возможно и для Бога. Но **возможность** чуда – это одно, а **реальность** его – совсем другое; как ни важно признать первое, но для религиозного сознания гораздо важнее второе, – т. е. для религиозной души важно почувствовать, что Бог пришел нам на помощь и совершил то чудо, о котором мы Его просили.

Если мы возьмем случай какого-нибудь необычайного исцеления больного, о котором верующие говорят, что это было чудо, т. е. было прямым действием Бога, то надо сказать, что **внешне** такие чудеса всегда могут быть истолкованы, как явления совершенно естественные. Врачи давно привыкли ссылаться на то, что всякое излечение болезни создается *vis medicatrix naturae* („целебная сила природы“). Почему и откуда у природы есть эта „*vis medicatrix*“, врачи не интересуются, они ее просто принимают как факт. Поэтому даже когда врачам приходится иметь дело с поразительным, почти мгновенным исцелением от тяжелой болезни, у врачей всегда остается внешняя возможность сводить и такие случаи к „естественным силам“ организма. В последнее десятилетие было выдвинуто даже особое понятие „исцеляющей веры“, которое будто бы заменяет понятие чуда. Это понятие „исцеляющей веры“ опирается на достаточно в наше время изученное влияние **самовнушения**, действие которого бесспорно может быть очень глубоко и сильно. Внушение может иметь такое огромное, прямо потрясающее влияние, что как будто теперь вместо чуда, надо просто говорить о внушении и самовнушении. Наука в явлениях внушения и самовнушения как будто нашла ключ к „научному истолкованию“ того, что раньше считалось чудом.

Не отрицая огромного влияния внушения и самовнушения на человеческий организм, даже признавая, что еще недостаточно изучена вся полнота того, что здесь может иметь место, мы должны сказать, что сводить все „чудеса“ к действию внушения или самовнушения совершенно невозможно. Но с особой ясностью это выступает в тех случаях, когда мы имеем дело со случаями, при которых невозможно ни внушение, ни самовнушение. Я беру из бесчисленных случаев, сюда относящихся, случай, мне лично хорошо известный, – он относится к чудесному исцелению, имевшему место в моей семье.

Мой младший брат (мы жили тогда в глубокой провинции на юге России) заболел тяжелой формой менингита (мозговое заболевание). Болезнь развивалась очень остро, врачи, бывшие в нашем городе, после тщетных попыток спасти малыша, категорически заявили матери, что на спасение никакой надежды нет. Мать послала телеграмму о. Иоанну Кронштадскому с просьбой молиться об исцелении мальчика, на что последовал ответ о. Иоанна, что он молится, что необходимо отслужить молебен в местном храме. Через день началось внезапное улучшение в состоянии мальчика, через два дня болезнь его совершенно покинула. Когда он вырос, никаких следов от болезни, кроме общей нервности, не осталось.

Исцеление произошло **по молитве** (о. Иоанна), оно было ответом свыше на эти молитвы. В порядке обычного хода болезни исцеление было невозможно, но Бог, услышав молитвы, исцелил мальчика, не отменяя **естественных законов природы**, а лишь дав, очевидно, то направление „естественным силам организма“, которого уже не могли вызвать ни усилия врачей, ни *vis medicatrix naturae*. Естественные силы детского организма были за десять дней тяжелой болезни (с очень высокой температурой) настолько подорваны, что организм сам уже не мог победить тяжелого недуга. И ясно, что в данном случае **не могло быть ни внушения, ни самовнушения**. Нельзя, конечно, молитвенный подвиг о. Иоанна Кронштадского свести к внушению, – но и самовнушения здесь тоже не

могло быть: мальчик, лежавший в агонии, ничего не мог „внушать самому себе“ – он был все десять дней без сознания, было ему только 3 года! Мать, молившаяся у кровати сына все дни, тоже ничего не могла внушать своему мальчику, – и только молитва о. Иоанна, находившегося более, чем тысячу верст от нас, привела к тому, что Господь исцелил больного.

Для очей веры не нужны даже все эти рассуждения, которые должны победить упорство неверия, – для очей веры вся картина, только что нарисованная, говорит просто и ясно, что Господь, по молитвам о. Иоанна, исцелил мальчика. Для очей веры не нужен такой разбор возможных „естественных“ объяснений исцеления мальчика, ибо им открывается **вездеприсутствие** Божие, промысел Божий. Для очей веры вовсе не исчезает понятие чистой случайности, но факты чистой случайности – едва ли не самые темные точки бытия, как бы аккумулирующие излучение мирового зла и противящиеся свету, исходящему от Бога. Во всяком случае для религиозного восприятия „чистая случайность“ **никак не может быть источником добра, целесообразности** именно потому, что за „чистой случайностью“ стоит потемнение вселенной, созданное грехом. На все это строгий поклонник современного естествознания, для которого неизбежно „обожание случая“, по ядовитому выражению Н. И. Пирогова, может, конечно сказать: „То, что вы говорите, есть подлинно чистейшая фантазия“. Да и говорить всерьез об „очах веры“ не захочет он. Но всякий непредубежденный человек поймет, что все это уже только отговорки.

В одном из малых своих очерков Л. Толстой, говоря о молитве, высмеивает молитву и говорит, что она сводится к следующему: „Боже, сделай, чтобы дважды два было не четыре, а пять“. Смеяться можно, конечно, над чем угодно, но о молитве можно сказать, что она есть самое высокое, благоговейное устремление человеческого духа ввысь и никогда не может иметь тот нелепый характер, который ей приписывает Л. Толстой. К сожалению, реальность учения Бога в жизни мира, Его вездеприсутст-

вие, Его помощь людям навсегда могут остаться закрытыми для людей „помраченного духа“, как говорит Апостол Павел, т. е. для тех, чей взор скользит лишь по поверхности бытия, не замечая того, что стоит за этой поверхностью.

О „прямых“ конфликтах веры и знания

8. В разъединенности того, что открывается вере, и того, что считает реальным воспитанный на внешней „очевидности“ ум, мы видели косвенный конфликт веры и показали его неосновательность. Перейдем теперь к „прямым“ конфликтам их. Но существуют ли они на самом деле? Легко показать, что такая „прямая“ противоположность того, что утверждает знание, и веры, относится собственно не к науке в строгом и точном смысле, а к разным научным теориям, к научно-философским обобщениям и гипотезам. Эти теории и гипотезы, эти научно-философские обобщения вполне законны и часто очень полезны, как полезен бывает полет фантазии для работы ума. Но в том то и дело, что это есть **фантазии**, гипотезы, а не наука. Гипотеза Дарвина о том, что человек развился путем естественной эволюции из обезьяны, есть как-раз пример такой научной фантазии, которая может иметь весьма полезное значение для научных исследований, но которую никак нельзя **отожествлять** с наукой (в точном смысле этого слова). Те, кто хотя бы немного знакомы с тем, что называется „кризисом трансформизма“ (т. е. теории Дарвина об эволюции), знают, что основательные и серьезные ученые горячо стоят за **принцип** эволюции, но ныне почти все признают, что гипотезу Дарвина невозможно сейчас научно защищать. Я говорю об этом лишь мельком, хотя вопрос о происхождении человека имеет самое существенное значение для понимания „загадки человека“, а еще больше для всего религиозного сознания. Но вопрос этот так сложен, что здесь разбирать его нет никакой возможности. Для изуче-

ния „прямых“ конфликтов веры и знания я избираю более легкий для анализа вопрос – о „бессмертии души“, тем более, что для религиозного сознания он имеет еще большее значение, чем вопрос о происхождении человека.

Душа и тело человека

9. Верование, что со смертью и разложением тела человек не исчезнет, что душа его приобщается к вечности, – есть одно из самых распространенных верований человечества. Иногда эти верования имели наивный характер, иногда более серьезный, но некое настойчивое стремление человеческого духа к утверждению жизни за гробом мы найдем всюду, вплоть до великих философов (как известно, величайший греческий философ Платон посвятил особый диалог „Федон“ вопросу о бессмертии духа). Нередко религиозные и философские школы учили о решительной противоположности души и тела и видели в смерти, т. е. в отделении души от тела **освобождение души**. По-иному учили индусские религиозные верования: для них была ясна необходимость тела для жизни души, и они учили о том, что после смерти душа, покинув тело, в котором она жила, переселяется в другое тело, чтобы в нем жить и действовать. Это учение о „душепереселении“ или „реинкарнации“ не может быть принято, но оно стоит как бы у порога той великой истины, которую принесло миру христианство – а именно истины о **воскресении в теле**. Христианство признает в своем благовестии о воскресении, что в будущей жизни человек воскресает, как индивидуальность, в полноте душевной и телесной жизни. Христианство твердо учит о том, что за гробом душа продолжает жить, но жизнь эта – неполная, ущербленная, – полная же жизнь настанет тогда, когда мы воскреснем в теле. Этим учением христианство возводит тело на такую высоту, придает телу такое значение, какого мы не находим ни в одной религии, не находим и в науке, тяготеющей к так называемому материализму.

Если сопоставим здесь научные фантазии с тем, что дает христианство, то нам сразу будет ясно, насколько глубже и полнее учение христианства.

Исследователи человеческой природы любят говорить: мы не знаем никакой жизни человека вне тела. Это верно и неверно: верно в том смысле, что жизнь души после смерти закрыта для нас, что нам дано знать человека, его природу, лишь в единстве души и тела. Но может ли наука серьезно утверждать (как это особенно серьезно проповедуют защитники материализма), что с распадом и разложением тела человек исчезает совсем, что никакой жизни души за гробом нет? Такое утверждение будет не научным утверждением, а **чистой фантазией** – по той прежде всего причине, что мы и в живом человеке не имеем прямого восприятия его души. На каком же основании мы можем утверждать, что со смертью тела душа не живет, раз мы чужую душу прямо не воспринимаем? С другой стороны, простое рассуждение показывает нам более, чем вероятность, но можно сказать, неизбежность жизни души после смерти. В самом деле, – мы можем отнимать от тела те или иные его органы (руки, ноги, глаза и т. п.), а от души мы **ничего отделить не можем, – она остается вся в своей неделимости и целостности.** Нельзя куда-то устранить мысли, оставив чувства, или наоборот, ибо душа целостна, неразложима. Явление памяти, с другой стороны, освещает нам тот факт, что прошлое продолжает жить в нашей душе – и даже то, что казалось совсем забытым, может в ней неожиданно вспомниться. Как же может замереть душа, если она не знает в себе „частей“, неделима, неразложима?

Но, скажут нам, – наше сознание справедливо называют „мозговым“ сознанием, – и если мозга и нервов нет, какое может быть сознание? Да, „мозговое сознание“ после смерти невозможно до воскресения, но разве в обмороке, когда мозг, лишенный крови, не дает места сознанию, – душа теряется или что-либо теряет? Разве когда мы „приходим в себя“ не раскрывается вся та же полнота души?

Как в глубоком сне душа живет, но не сознает себя, не так ли и после смерти (которую всегда сравнивают со сном) душа живет, не обладая „мозговым“ сознанием. Я не хочу усложнять своего изложения вопросом о том, не является ли само „мозговое“ сознание проявлением и функцией более глубокого нашего самочувствия, в лоне которого „возникает“ наше „мозговое“ сознание. Рассмотрение этого вопроса показало бы нам, что „мозговое“ сознание действительно **не является первичным, исходным** в жизни и в самочувствии души, и что временное (до воскресения во плоти) **затухание** „мозгового сознания“ не означает, что душа, так сказать, засыпает и замирает (до воскресения). Этот вопрос, в известном смысле даже решающий, в отношении темы о „бессмертии души“, не может быть надлежаще освещен и решен без целого ряда психологических анализов, которые здесь невозможны.

Итак, если мы соберем воедино все, что может противопоставить научное знание о человеке христианской вере в то, что жизнь продолжается за гробом и закончится воскресением, то кроме скромного положения, что здесь на земле душевная жизнь предстоит нам связанной бесконечными связями с телом, науке нечего сказать. Из этого положения решительно никак не вытекает, что душа не может жить после распада и разложения тела; единственно, что могла бы сказать наука об этой жизни за гробом: мы ничего не знаем и не можем ничего ни утверждать, **ни отрицать**.

А между тем, какое огромное, исключительное значение для всей нашей духовной жизни имеет само-по-себе верование в жизнь после смерти и в воскресение! Даже в индуистском учении о „карме“ выступает уже во всей силе убеждение, что наши дела небезразличны для нашей судьбы после смерти, а в христианском учении, где нет места для перевоплощения (как в индуизме), каждый человек несет за собой в иной мир все, что он сделал в жизни. Эта мысль о реальности будущей жизни впервые бросает свет на смысл нашей жизни на земле, указывая на то, что мы призваны к вечной жизни.

Таким образом в вопросе о „бессмертии души“ научное знание не может позволить себе ни скептического отношения к вопросу о будущей жизни, ни, тем более, прямого отрицания будущей жизни. Но нельзя отрицать, что наше сознание, как бы скованное нашими внешними восприятиями, нашей погруженностью в мир вещей, оста-навливается с недоумением перед великим христианским благовестием о воскресении человека в целостности его душевно-телесной жизни. Между тем, именно идея воскр-есения, а не просто „бессмертия души“ (как часто думают) собственно и есть христианская идея. Душа бес-смертна, это верно, но это есть лишь часть более общего и более важного учения о том восстановлении **всего** чело-века, которое и есть воскресение. Необходимо сделать несколько разъяснений по этому вопросу, – тем более уместных, что в воскресении мы действительно уже выходим за пределы „естества“, как оно предстает нам в опыте. Тем самым мы можем коснуться последней нашей темы – о соотношении знания и веры там, где вера ведет за пределы того, что принято считать „естественным“.

Участие Бога в жизни мира, как нарушение законов „естества“

10. Среди чудес, которые творил Господь на земле и которые ныне творятся во имя Божие по молитвам нашим, огромное большинство их, как мы говорили, вовсе не нарушет законов „естества“, как они нам известны. Все исцеления, даже воскрешение Лазаря, который после этого чуда, прожив некоторое время, умер, – происходили в пределах „естества“, – и ключ к понима-нию того, что здесь нет нарушения закона причинности, мы нашли в соотношении понятий случайности и при-чинности, которое было развито нами выше. То, что Гос-подь, как Владыка неба и земли, изменял обычный ход событий, не означает ли просто, что Ему, как Господу, были ведомы такие свойства „естества“, которые для нас недоступны?

Может быть, – но есть в христианстве такое событие, притом имеющее для него **коренное** значение, в котором мы находим явное нарушение законов естества, можно сказать, их решительное подчинение некому высшему началу. Мы говорим – о воскресении Самого Господа, о том преображении человеческой Его природы, о котором говорят Евангелия в главах, посвященных явлениям Христа после Его воскресения. В этих событиях перед нами предстает подлинное **изменение** человеческого естества, не имеющее никакой аналогии с тем, что мы наблюдаем в доступном нам мире. Научное знание должно здесь, повидимому, отступить и предоставить „очам веры“ давать те основания, которыми можно было бы изъяснить великую тайну Воскресения. О том, что воскресение Господа есть основное и центральное для христианства событие, от которого и пошло само христианство, – нужно ли об этом много говорить? Вера в Воскресшего Спасителя есть основа всей нашей веры, всей нашей жизни, – без этой веры нет и не может быть христианства. Но если знание отступает здесь перед столь глубоким веросознанием в христианстве то надо сказать, что и само христианство со всей силой утверждая **реальность** Воскресения Господа, вовсе не берется разгадывать тайну того, как оно было возможно. Если в вопросах о чудесах, в которых не совершается нарушение законов природы, не так трудно было принять принципиальную возможность таких чудес, и центр тяжести вопроса заключался в том, можно ли принять реальность того или иного чуда, как действительного вхождения Бога в мир (а не просто „чистой случайности“ в сочетании „независимых причинных рядов“), то в вопросе о воскресении Спасителя, наоборот, труден вопрос о самой **возможности** его, а вопрос о его подлинности и реальности, как мы сейчас увидим, решается просто и категорично. **Возможность** воскресения умершего по плоти Спасителя остается „метафизической тайной“, превышающей силы нашего разума, но реальность Его воскресения предстает перед нами с такой силой, что в свете ее евангельское

благовестие о всеобщем воскресении перестает быть трудным для принятия его всей нашей душой.

Реальность воскресения умершего по плоти Спасителя засвидетельствована тем, что она не только всецело завладела умом и сердцем последователей Его, но особенно тем, что она вошла в душу учеников Господа в своем победном сиянии с такой силой, что их проповедь зажегла неугасимым донныне огнем бесконечные массы людей. Эта сила веры в Воскресение живет донныне в человечестве, покоряя себе все чистые сердца, – и конечно, основанием всего этого безмерного в своем объеме роста христианства может быть только одно – то, что Христос действительно воскрес.

Если вчитаться в главы, посвященные в Евангелии воскресению Христа, то становится ясным, что, несмотря на многократные предупреждения Спасителя о Его смерти и воскресении, ученики никак не могли понять смысл этого. Когда Христос умер на кресте и Его тело положено было в гроб, не кончилось ли для них все? Растерянность, глубочайшая смущенность были у них так велики, что когда жены мироносицы, бывшие у гроба Христова, сказали им, что тела Христова во гробе нет, что Ангел возвестил им о воскресении Спасителя, они не поверили им: „Слова их показались им пустыми“ (Лк. 24,11). Когда Господь явился ученикам, „они, смутившись и испугавшись подумали, что видят духа“, и Господь сказал им: „осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите Меня“ и „взяв пищу, ел перед ними“. Недоверие Апостолов, столь реально здесь изображенное, лучше всего показывает, что ни о какой „галлюцинации“ в этом явлении Христа не может быть речи, – а недоверие Фомы, как известно, длилось 7 дней, пока он сам не увидел Господа.

Если не быть во власти предубеждений и относиться к тексту Евангелий и Деяний Апостольских с открытой душой, то для сомнений в реальности воскресения Христа не остается никакого места. Апостолы не просто „поверили в это“, но они жили тем святым вдохновением,

которое родилось в их душе, когда они убедились, что Христос „воистину воскрес“, – и от этого их вдохновения родилось и все христианство, зажегся тот пламень, который доныне пылает в сердцах верующих.

Пусть остается и останется тайной, как была побеждена смерть в воскресении Спасителя, но реальность этого преодоления законов нашего естества переживается и ныне со всей силой. Кто не знает песнопения (на утрени), которое начинается словами: „воскресение Христова **видевши**...“? Да, Церковь **видит** его во всем блистании Божества, и свидетельствует о реальности воскресения Христова, – очами веры это дано видеть без колебаний и сомнений.

Заключение

11. После всего сказанного мы можем утвердить ряд положений, которые резюмируют рассуждение о соотношении веры и знания:

1) Христианская вера не только не противится знанию, но она легла исторически в основание важнейшей научной идеи о единстве вселенной, о вечности законов, которым подчинена жизнь.

2) Закон всеобщей причинности, лежащий в основе знания, создает возможность случайности, – разумея под случайностью встречу двух причинных рядов, – встречу, которая сама по себе не подчинена какому-либо закону.

3) Как для людей возможно, на этой основе, предотвращать „встречи“, могущие иметь катастрофический характер, так и Бог входит в жизнь мира, регулирует ее, не нарушая Им же созданной причинности явлений.

4) Это ведет к признанию принципиальной возможности чуда.

5) Чудо, как таковое, остается для внешнего взора простой случайностью. Чтобы узреть чудо, как таковое, нужно глядеть на мир „очами веры“.

6) Слабое развитие духовной жизни, чрезмерное внимание к внешней очевидности является причиной косвенных конфликтов веры и знания. Эти конфликты рассеиваются сами собой по мере того, как мы возрастаем в духовной жизни.

7) И в „прямых“ разногласиях веры и знания мы имеем обычно дело с необоснованными утверждениями деятелей науки, в которых повинна не сама-по-себе наука, а те научные гипотезы и фантазии (сами-по-себе допустимые), которые усваивают себе ту авторитетность, которая присуща лишь точному знанию.

8) Во всех (мнимых) расхождениях веры и знания дело идет о естественных силах, власть над которыми принадлежит Богу и проявляется в чудесах. Но есть чудо основное для христианской веры, в котором действительно преодолевается „естество“ – чудо воскресения Спасителя.

9) Но если тайна воскресения Спасителя остается для нас закрытой, и мы не можем сказать, как оно возможно, то самая реальность его остается бесспорной по той силе веры, которая воспламенила души Апостолов, и от их веры зажгла огонь веры, который остается донныне неугасимым.

10) Великая ценность знания не может быть оспариваема, но знание не в состоянии за оболочкой бытия разглядеть вездиприсутствие Божие. Только очам веры доступно это вездиприсутствие Бога, Который заботится и промышляет о мире.

О. Поляков

О любви к отечеству и вермонтской березке

Более полгода прошло с тех пор, как Роман Днепров напечатал в «Русской Жизни» статью „Право называть себя русским“. В статье высказано много интересных и верных мыслей о праве называть себя русским, о трудностях в западном мире быть русским, о том, как Запад к русским эмигрантам-антикоммунистам относится в зависимости от международной конъюнктуры: когда начинается любезничание с советской властью, то тогда русская эмиграция виновата в том, что она против „своей“ – в понимании Запада, – страны; когда же Советский Союз нападает где-либо, то опять на русских эмигрантов градом сыплются упреки – мол, „это сделали русские, люди той же национальности, что и вы“...

Но, несмотря на все прекрасные качества статьи, у меня осталось неясное, не очень понятное чувство неудовлетворенности. Что-то казалось ошибочным, где-то несколько странно были расставлены акценты. Некоторые моменты были ясны с самого начала, другие же прояснились значительно позже. Вероятно, представляет интерес то, что прояснение наступило после разговоров, вернее, споров, с несколькими молодыми русскими, в значи-

тельной мере американизировавшимися, о России, о служении ей, о русском самосознании. У этих молодых людей все проблемы, которые меня мучили в связи с упомянутой статьей были выражены ярче, выпуклее и яснее.

Но сперва о том, что было ясным с самого начала. Роман Днепров пишет: „Но никто не может забрать у нас права называться „русскими“ или же, это делаю я, „россиянами“. Мы заслужили это право в боях за Россию, а не за Советский Союз, мы заслужили это право в муках годов выдач и насильственных репатриаций. Мы заслужили это право гордой и молчаливой непримиримостью к поработителям нашей родины. И мы носим светлый образ Свободной России в нашем сердце...“ Да, замечательно, когда в национальном, политическом и моральном „багаже“ русского человека имеются ценности, о которых пишет Роман Днепров. Замечательно, но, по моему мнению, недостаточно, чтобы называть себя „русским“ – не этнически русским, а русским по духу, по сознанию, по стремлениям. А многое из перечисленного необязательно.

Прежде всего я имею в виду прошлые заслуги. Не они определяют лицо человека. Человек не то, кем он был, а то, кто он сейчас. И, более того: кем он хочет быть в будущем, кем должны быть, по его мнению и желанию, его дети, какому Богу он поклоняется и какому народу он служит ныне и в будущем.

Не секрет: многие, очень многие brave белые воины, многие некогда жертвенные члены национальных русских организаций, многие из тех, кто стал под знамена генерала Власова, сейчас не только не хотят служить России, но и русскими не хотят быть. Из Мельниковых превратились в Милеров, из Журавлевых в Крейнов, дети их американцы, французы, немцы, не говорящие по-русски и зачастую меньше знающие о России, чем коренные американцы или французы. Что стоят бывшие подвиги этих людей? Они – эти люди – соль, потерявшая свою силу, они дезертиры, они просто ренегаты – не будем деликатничать, назовем вещи своими подлинными именами.

Ведь своим поведением они не только перечеркнули всю свою прежнюю деятельность, но и **признали де факто** советскую власть в России. Какие же они имеют права называть себя русскими?

Но не только они. Сколько среди нас, русских эмигрантов, теплопрохладных: на словах стоящих горой за Россию, отрицающих большевизм и коммунизм, желающих освобождения России от советской власти, – но ничего не делающих для этого. Они считают себя безупречными русскими – но так ли это? Не хуже ли эти теплопрохладные чем те, кто открыто отрекся от России? Ведь они обманывают, убивают волю к борьбе, к действию, своими рассуждениями, вроде: „Плетью обуха не перешибешь“, или „Мировой капитализм помогает большевикам, нам их не осилить“, а когда их спрашиваешь, почему их дети не говорят по-русски, почему они совсем обамериканились или онемечились, отвечают, что, мол, „такова среда, бороться с нею невозможно...“ Нет, это тоже уже не русские, люди, потерявшие волю к служению!

Не в былых заслугах право называться русским, а в том, что написал Роман Днепроv, – в хранении в сердце светлого образа Свободной России. В служении, активном и жертвенном, этому образу. Пусть наши силы малы, но без служения России нельзя быть русским, – разве что только внешней своей оболочкой, но не духом.

Второй вопрос, по которому я сразу был не согласен с Романом Днепровым, это его рассуждения о подданстве и о членстве в Конгрессе русских американцев. Я четко различаю „русских американцев“ и „русских в Америке“. „Русский в Америке“ – это именно подлинный русский, волей судеб, злым роком – вернее, злой преступной властью вынужденный жить за рубежом, но всем сердцем своим, – даже если он родился не в России и не видел ее – там, на родных просторах, готовый служить своей родине по первому зову.

„Русский американец“ – это уже не русский. Он **американец**, как само определение говорит. Американец русского происхождения, и только. Такой же, как американец китайского, немецкого, турецкого происхождения. Он

бывший русский, потому что жизнь свою, крепко и навсегда, связывает с Америкой. Россия для него прошлое, может быть и дорогое и светлое прошлое, но не будущее, за которое он готов положить свою голову.

Конечно, между этими двумя крайностями есть масса промежуточных нюансов, и может случиться, что тот, кто сейчас кажется незыблемым русским столпом, в трагические, решающие минуты „уйдет в кусты“, американские кусты, а к тому, кто сейчас кажется американцем и только американцем „ворвется в сердце ветер снежный“ и пойдет он умирать за, казалось, забытую им Россию, доблестно, по-русски... Но тенденции ясны, и что конечные цели разные, не подлежит сомнению. Однажды я слышал, как один из руководителей Конгресса русских американцев сказал, что „и нам, и нашим детям жить тут“ – то есть, в Америке. Может быть, оно и так, но избави меня, Господи, от такой судьбы!

Я не хочу сказать, что Конгресс русских американцев не нужен. Но так и для этого он не нужен. Во всяком случае мне. Нужен он для того, чтобы в рамках американских привычек и американскими методами облегчить политическое и социальное положение **русских**, подлинных русских, облегчить их борьбу, создать новые возможности для этой борьбы. Но не быть соблазном, поводом на пути денационализации и американизации русских людей. А такие тенденции есть. Об этом свидетельствует приведенное выше высказывание (кстати, подкрепленное критикой русских эмигрантов, „полвека сидящих на чемоданах“), да и само название: „Конгресс русских американцев“. Перебирая в памяти названия различных „этнических“ организаций, обнаружил, что очень немногие так откровенно в своем названии подчеркивают свой американизм, как КРА. А соблазн огромный! Так легко и удобно из простого русского превратиться в „этнического русского“, русского американца, и обманывать себя, что будучи таким „этнически русским“ не порвал свою духовную (а в случае будущих перемен в России

к лучшему – и физическую) связь с Россией, не стал для нее чужаком.

Вся эта „этническая деятельность“ – большая западня, и меня удивляет, что такой патриот, как Роман Днепров, в своих рассуждениях о преимуществах американского подданства перед каким-либо другим, не понимает этого. Это та сахарная оболочка, которой покрыта горькая пилюля денационализации, для того, чтобы легче было проглотить эту пилюлю. Цель всего – „плавильный котел“, в котором все должно сnivelироваться, в котором все должны быть приведены к единому американскому образцу. Правда, в последнее время в этом котле получается довольно непрезентабельное варево, но в свое время действовал он превосходно: все, кто в него попадались, приводились к общему знаменателю англо-американского пуританского типа, а кто не поддавался „варке“, погибал, уходил в шлак. Для того, чтобы не так боязно было лезть в этот котел, чтобы все происходило незаметно и формально добровольно, придумана и поощряется эта „этническая деятельность“ в результате которой человек забывает свою исконную родину, а свою национальную, точнее, этническую принадлежность утверждает чисто внешне, обычно, в форме предпочтительных удовольствий – например, многие русские из-за „национального самосознания“ не пьют виски, а только водку, а, скажем, итальянцы не вылезают из пиццерий.

Но, как ни странно, больше всего меня огорчило замечание Романа Днепров, что „У нас здесь, в Мэйне или Вермонте, березки, право, не хуже“ – то есть, не хуже, чем в России. А также огорчило замечание, что: „Перекрестить лоб я смогу и (выделено мною) в маленькой церкви на русском кладбище под Нью-Йорком...“

Прежде всего, странный для меня и непонятный оборот: „У нас здесь“. „Здесь“ – понятно: в Америке, в Мэйне, в Вермонте. „У нас“ – у кого? У американцев? У „русских американцев“? Для меня „у нас“ – это означает „у нас в России“, „у нас, русских“, особенно когда речь идет о России, о русских.

Но особенно меня огорчила сама суть высказывания о вермонтской березке. Сначала мне казалось, что у меня просто обида за русскую березку – как-никак, она до некоторой степени неофициальный символ России. Но случившийся несколько позже, уже упомянутый мною, разговор с несколькими русскими молодыми людьми дал мне понять, почему я так плохо внутренне воспринял это, на первый взгляд безобидное и объективно справедливое замечание.

У этих молодых людей, запутавшихся в понятиях „родина“ и „национальность“ (ведь какой-то переусердствовавший американизатор русской молодежи убедил ее, что „родина“ – это только место рождения, и ничего более, а то, что американцы официально называют национальностью „nationality“, во всем мире называется подданством), тот порок, который только намечен в рассуждениях Романа Днепрова о березке из Вермонта, выражен несравненно отчетливее, ярче: они **сравнивают и выбирают**. Выбирают себе родину.

Они любят Россию, далекую и незнакомую, во многом малопонятную, несколько отвлеченной, привитой родителями (или русскими молодежными организациями), невыстраданной любовью. А рядом близкая, знакомая, привычная, во многих отношениях тоже любимая Америка. Вот они и мечтают, пытаются решить разумом то, что решается только чувством, сравнивают, взвешивают, что и где лучше, выбирают...

Я не осуждаю этих молодых людей – такова нелегкая судьба детей оторванных на много лет от своей родины эмигрантов. Но я не могу принять этот принцип: „По хорошу мил“. В вопросе моей национальной принадлежности, любви к родине-России и русскому народу я **не произвожу никаких сравнений** с другими народами и странами. Я просто чувствую себя русским и это неотъемлемо от меня, и я люблю Россию, русский народ и все русское – в том числе и русскую березку – **независимо** от того, хороши они или плохи. Это несколько иррационально, но национальное самосознание и любовь к

родине могут быть только такими. Любая любовь может быть только такой, потому что любовь по выбору – это уже расчет. Конечно, я вижу разницу между Россией и другими странами, между русским народом и другими народами, плюсы и минусы как одной, так и другой стороны. Когда России и русскому народу хорошо – я радуюсь, когда плохо – я горюю, когда Россия на высоте – я горжусь ее величием, когда она не права в чем-либо, когда она делает зло – мне больно, и я стараюсь это исправить. Но поколебать моей любви к родине это зло не может.

Это, как улица с односторонним движением – величие и добро моей родины укрепляет мою любовь к ней, и смысл моей жизни – служить ей, умножая это величие и добро. Но несчастья, обрушившиеся на мою родину, и даже зло, которое она может нанести другим, не **разрушают этой любви**, даже усиливают ее, так как я начинаю сознавать, что мое служение родине получает новый, обостренный смысл – освободить от беды, отучить от зла. Эту любовь можно сравнить с любовью матери к своему ребенку – она видит его недостатки, но это не мешает ей любить его.

Любовь по выбору – это не любовь, а коммерция. Нельзя „выбирать родину“, или менять ее, потому, что она красивее, богаче и вообще лучше, как нельзя выбирать себе мать, уйти к другой маме, потому что у той каждый день на обед пирожные. Нельзя вычислить, кого любить. Этого не может сделать самый современный компьютер, да если бы и мог, это была бы уже не любовь. Такая любовь несет в самой своей сути измену – станет плохо в одной стране, лучше в другой, так что, менять родину?

Поэтому и не понравилось мне высказывание Романа Днепрова о вермонтской березке. В нем есть какая-то доля выбора по сравнению. Если сравнивать русскую и вермонтскую березки с ботанической точки зрения, или даже с эстетической точки зрения – какая красивее, – то, возможно, вермонтская и лучше, но когда дело касается

вопроса русского самосознания, русская березка несравненно милей русскому сердцу не только чем береза из Мэйна или Вермонта, но и дороже любого дерева из райских кущ. По мне, любой пыльный придорожный куст дороже и милее любой зарубежной березки потому, что он свой, русский, из России, частичка моей России.

Не согласен я с Романом Днепровым в вопросе о том, где лучше перекрестить лоб. Конечно, искренняя молитва угодна Господу где бы она ни совершалась. Но помимо прямого обращения к Богу имеются и привходящие моменты – святость места, праздничность дня, память о мучениках и святых. Отдавая должное Ново-Дивееву, я не могу сравнить его с Троице-Сергиевской Лаврой, со святынями Кремля, с храмами Новгорода, Углича, Костромы, с бесчисленными – даже после великого советского разорения – храмами Святой Руси. Там перед духовным взором возникают образы, буквально осязаемые, Сергия Радонежского, Серафима Саровского, патриархов Московских и всего сонма российских святителей, там душа наполняется сознанием, что на этом месте, в этом храме, перед этой же иконой, молились тысячи и тысячи русских людей, не только за себя, но и за страну свою, за ее счастье и благополучие, за сокрушение врага и супостата... Только бледный отблеск всего этого можно почувствовать в любом зарубежном храме.

Но Роман Днепров, помимо всего, противоречит сам себе. В конце своей статьи он пишет о том, что настоящие русские люди хранят под иконами горстку русской земли для того, чтобы ее опустили в их могилу. Но чем лучше русская земля земли в Мэйне, Вермонте или в Ново-Дивееве? Только тем, что она **русская**, родная русскому человеку частица России. Так и русская березка для русского человека лучше любой другой. В рассуждениях Романа Днепров есть что-то, созвучное басне Крылова „Лисица и виноград“ – раз русские березки, русские храмы недоступны, так и не нужны, здесь им найдется замена. Так нельзя рассуждать, это уже шаг к капитуляции перед денационализацией. Ничего нет плохого в том, что рус-

ские люди тоскуют по русским березкам и тянутся к российским храмам – пока в душе их есть это стремление и эта тоска, они будут бороться, чтобы сделать и березки, и храмы доступными для них. Не нужно пугаться того, что кто-то добудет для себя эту доступность путем сговора с советской властью. Были такие в истории русской эмиграции, – но значительно больше было таких, которые, по их мнению, нашли достаточную компенсацию своему национальному чувству за рубежом и постепенно перестали быть русскими, в лучшем случае превратились в „этнически русских“, а то и вовсе в американцев.

От редакции. Статья О. Полякова публикуется в дискуссионном порядке. Категоричность некоторых его высказываний и суждений, порой субъективные оценки, затрагиваемых в статье явлений, а также спорность ряда формулировок могут вызвать возражения. Мы надеемся, что эти возражения, равно как и выражения согласия с позицией О. Полякова, будут сообщены редакции в форме писем читателей или статей, на основании которых на страницах альманаха «Вече» может состояться дискуссия по вопросу о возможностях сохранения русскости, русского патриотизма, любви к России в условиях изгнания, длящегося почти семь десятков лет.

РУССКИЕ КНИГИ

на складе парижского издательства

ЛЕВ

01 АГНИВЦЕВ Н. – „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ – Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. – Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. – Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. – Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. – Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. – Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. – Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. – Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. – Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. – Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. – Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. – Шалапин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. – Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. – На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. – За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. – Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. – Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. – Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. – Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. – Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. – Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. – Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. – Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. – Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша – Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша – Румяная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша – Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша – Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. – Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. – Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ – Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

CHOCHOLOUS Vlad. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

ДВЕ СТАТЬИ

„Месгрэйвский обряд“*

В чтении я придерживаюсь „принципа всеядности“. Можно уставить полки серьезнейшими книгами, от Марка Аврелия до Эмиля Чорана, и все же, при случае, чтение Марлитт считать не лишенным приятности, если и старомодной. И я читаю даже „Рецепты тети Маши“, и даже вырезала рецепт знаменитого курника, которым Авдотья Яковлевна Панаева потчивала Александра Дюма. Вообще же, именно в рецептах попадаются совершенно неожиданные перлы. Как-то, на обложке пластинки легкой музыки для „парті“, в качестве украшения этой „парті“, предлагался... русский борщ, прилагался и рецепт. Сам-по-себе факт борща на балу удивил. Но еще больше удивил рецепт, который начинался так: „Влейте в кастрюлю стакан уксусу...“ Еще интересней был „рецепт с Гавайских островов“ – оленье рагу с экзотическими фруктами. Он наводил на грустную мысль, что факт миграции оленей на Гавайские острова, да еще вплавь! от науки непростительно и безвозвратно ускользнул.

В сравнении с такими прискорбными упущениями, особо радует исключительная прозорливость, научная, (хотя и несколько ретроспективная, в отношении собы-

* „Месгрэйвский обряд“ – один из рассказов К.-Дойля о Шерлоке Холмсе, где гениальный сыщик спасает из плена забвения старинное фамильное сокровище.

тий, имевших место 12 веков назад!), в статье, помещенной в издающемся в Лос-Анжелесе альманахе «Панорама» (№ 248, 1986). Название статьи – „Гипотезы“

Дело идет о возникновении Киевской Руси. Больше – и о возникновении самих русских, как народа. Говорится в статье, что эти вопросы „крайне темны“, и темнят их – сами русские, по психологии бастардов, подозревающих, болезненно и смутно, „незаконность“ своего рождения. И вот уже двенадцать веков морочат русские всему миру голову! Журнал «Панорама», решил пролить свет на эти щекотливые обстоятельства.

Первым делом – разнесена в щепы „Повесть временных лет“, а за нею и былины. Все это – домыслы, вдобавок, затуманенные националистическими чувствами. И вообще, – мало ли что можно написать!

И сразу же, в интонации таинственности, ребром ставится вопрос: – почему русские так ненавидели х а з а р? Почему? (Вплоть до того, что в конце-концов и вообще их уничтожили... Но об этом речь ниже). Ведь „**нельзя же**“ (?) объяснять ненависть военно-политической враждой, взимаемыми поборами-данями, и т. п.

Почему бы и нельзя? Вспомним у Пушкина:

„Как ныне собирается вещий Олег,
Отмстить неразумным хазарам.
Их села и нивы, за буйный набег,
Обрек он мечам и пожарам.“

Так нет же! Из обстановки всеобщей межплеменной войны, какой была древняя история, автор статьи переносит в атмосферу некоей могильной жгучей „ключевой“ тайны. Проницательный автор – тайну открывает, опираясь на недавно опубликованные труды единомышленников, и тоже провидцев. Все вместе проливают они свет на непроглядные темноты.

Оказывается, именно хазары стояли в центре истории не только древней Руси, но и всего мира. И именно хазары, как гуси, „Рим спасли“, защитив и Европу, и самих русских от исламизации. (А, как известно, за добро человек никогда не бывает благодарен! И русские – пе-

чальное подтверждение этого правила...)

И дальше идет самая „изюминка“, – „довольно революционная теория“, предложенная недавно израильской исследовательницей, репатрианткой из Советского Союза, Ирмой Хайнман.

Она опубликовала книгу о происхождении слова „Русь“. Где появляются и злополучные хазары, в первой и сольной роли. „Что за абсурд, – пишет исследовательница, – распространять название **Русь** на огромную территорию, только потому, что около какой-то захудалой речушки Рось жила горсть славян! Древняя Русь, как известно, была громадным историческим образованием“.

Автор статьи: „Дальше идет почти детективная история“.

И действительно, исследовательница с величайшим усердием бросается, пользуясь методом дедукции, как Шерлок Холмс, на поиски решения загадки. (Автор же статьи – при ней в роли д-ра Ватсона). Она исследует пепел папирос, рассматривает в лупу образцы грязи на подошвах, исследует составы ядов на отравленных стрелах... В медитативных паузах, играет на скрипке заунывные хазарские мелодии, или поет хазарские романсы на языке иврит, для восстановления couleur locale. Отбрасывая, разумеется, все исторические данные, как только запутывающие ясность и простоту. И метод дедукции дает блестящие результаты, их можно было бы изложить в действительно увлекательном детективном рассказе, вроде „Месгрэйвского обряда“. Скажем, что-нибудь вроде: „Двенадцать веков молчания и Лига Рыжеволосых“, или „Пять апельсиновых зернышек вероотступникам“, или „Шесть Наполеонов и жемчужина истины“.

А теперь – вот она, теория, жемчужина истины: Хазары – вовсе не хазары! А самые настоящие евреи. (Очевидно, они держали это в тайне и от истории, и от остальных евреев, которые поэтому столь немаловажный факт, как распространение собственного народа, в течение трехсот лет, на неоглядных равнинах будущей Российской Империи, проглядели. И если бы не Ирма

Хайнман – так бы оно и осталось! „Хазарский каганат – был иудейским царством, уникальным образованием древности“. По какой-то причине, часть этих кровных евреев не приняла еврейского вероисповедания. И за это была из каганата изгнана. Образовав некую сектантскую общину (!) она осела в Тьмутаракани. Хазары (сиречь евреи) называли их **р а ш а**, что на иврите означает „вероотступник“. Позже это **р а ш а** преобразовалось в „**Р у с ь**“, под каковым скромным именем они и вошли в историю, дав начало русскому народу. Непонятно, только, – почему были изгнаны лишь эти евреи, в то время, как в Хазарском каганате было великое множество людей нееврейского вероисповедания; еврейское исповедание было принято только верхушкой, по чисто политическим мотивам. (Об этом скажем ниже, в заключительной исторической справке). Горстка изгоев еврейского общества распространилась на Днепр, осела также в Новгороде и проникла даже в Скандинавию. (Очевидно обладала она необычайной плодовитостью, если так стремительно увеличилась, – создав „громадное образование – древнюю Русь“, по словам автора теории). Или действовал какой-то непостижимо-таинственный закон этнической энтропии?

Между тем, в то же самое время, хазары посылали в Киев наместников, для сбора дани (**не** хазары-вероотступники, а истинные правоверные хазары-иудеи; вероотступники, повидимому, и сами должны были уже платить дань?..) Отбросив жесткий **факт**, что хазары были **м о н г о л о - т ю р к а м и**, и приняв **теорию**, что они были евреями, получим: вот эти-то наместники первыми киевскими князьями и были, а вовсе не летописные „фальшивомонетчики“-самозванцы. Ясно – как день! „Киев поначалу был не более, чем торговым форпостом Хазарии на Днепре. Правили в нем назначенные хазарским каганом еврейские наместники“.

„Рассказы летописца о происхождении Киева и его первых князьях – поэтический вымысел. Такое часто встречается, когда стремятся задним числом приукрасить родословную династии или племени. Ничего унизитель-

ного для русской истории и русской гордости в этих **открытиях**, разумеется, нет“, – пишет, нам в утешение, автор статьи, то бишь „д-р Ватсон“ (назовем его так, потому что он выступает „инкогнито“).

Позже, „Новгородская Русь“, т. е. те же хазары-иудеи, стала инициатором призвания на помощь „Руси“ скандинавских единоверцев и единоплеменников (какой веры были эти изгои, отказавшиеся от вероисповедания иудейского, автор не говорит!), и они вместе и основали древнюю Киевскую Русь!

Дальше добавляется еще одно революционизирующее исследование: рассматриваются запутанные части древней летописи, где упоминаются названия Днепровских порогов. Ларчик и здесь открывается просто: оказывается, все эти, кажущиеся бессмысленными, слова просто-напросто из иврита! Бессмыслица осмыслена, и наконец-то можно вздохнуть с облегчением.

Д-р Ватсон говорит (и не в бровь, а прямо в глаз!): „Значит ли это, что история Киева поставлена с ног на голову?“ Но оказывается, – еще не совсем! Следуют новые открытия. В русской истории такие завалы сознательной и бессознательной лжи, фальсификации и домыслов, что так скоро с ними не покончить. Безусловно, последуют новые исследования.

Установив такое близкое и трогательное родство, Ирма Хайнман дает теперь и психологическое объяснение неприязни-ненависти евреев к русским: за грехопадение-вероотступничество. Цитата: „Весьма логично теперь можно истолковать многое, прежде непонятное. /.../Связь (русских с евреями) была длительной и **интимной**. Как оно часто бывает у людей, чрезмерная и длительная близость переросла в **такую ненависть**, которую не испытывают просто к врагам или посторонним. Только к бывшим своим“.

„**Бывшие свои**“ – это мы, русские. И ненавидят **на с**, в чем откровенно и признаются. Правда, под довольно неожиданным соусом. Но спасибо за откровенность!

До сих пор русских упрекали в ненависти. А теперь – вопрос об антисемитизме – сам собой отпадает! Представить себе: семейная душераздирающая сцена – прямо как в „Без вины виноватые“, где русские – в роли артиста Незнамова, „без роду, без племени“, а безутешная мать узнает сына по амулету на шнурочке. Все выяснено, и вчерашние враги, смешивая слезы радости, падают друг другу в объятия... Этот мелодраматический сюжет, во все времена, был в большом ходу; такие неугомонно-вездесущие сюжеты в литературоведении называются странствующими. В других вариантах, – это не сын, а дочь, и не мать, но – отец, но опять же, предусмотрительно повешен на шею амулет на шнурочке, открывающий тайну. Отец, воздевая руки, восклицает: „Благодарю тебя, о, небо! Это – моя дочь!“

Как видим, этот трогательный сюжет соблазнил исследовательницу глубины веков. Единственно только – „благодарение небу“ – отсутствует. Оно заменено жгучей ненавистью метрополии к нам, „бывшим им“, тьмутараканцам-отступникам. Как говорится, – спасибо на добром слове.

А что при всей этой операции просто испарились миллионы турок, арабов и христиан, на деле составлявших Хазарское царство, – ну, это уже мелочь. Издержки производства. Или – как в опере: сегодня статисты – татары, завтра – они же гугеноты, послезавтра – участники Вальпургиевой ночи... Никакая сущность от такой перестановки не меняется, а „сумма слагаемых“ остается чисто условной игрой воображения.

*

„Да, скифы мы...“
А. Блок.

Историческая справка. (Если не срежет редактор!). Факты, как говорил И. В. Сталин, – упрямая вещь... Поэтому, стоит привести некоторые, освещающие „непро-

глядную глубь истории“ сведения. Из наиболее компетентных и заслуживающих внимания источников.

С глубокой древности, на просторах будущей Российской Империи обитало множество народов, и их весьма динамичные миграции и есть первооснова и начало русской истории. На равнинах жили сарматы, вытеснившие, и, по большей части уничтожившие, скифов. Сарматы состояли из нескольких племен, которые были все славянского происхождения, – невры, кимры, анты, роксолане, словены. Центром их был громадный город Танаис. Жило в Сарматии также множество греков. Сарматов, по инерции, продолжали называть „скифами-пахарями“.

Римляне захватили Сарматию, но в III-м веке ушли. Ворвались готы, разграбили и разрушили страну, сожгли Танаис. Таким образом, готы сыграли только отрицательную, разрушительную роль. Позже, разбитые, они вместе с греками ушли на Запад.

После изгнания готов, появились в VII веке хазары. Это были тюркские племена, частью оседлые, частью кочевники. Пришли они с Урала. Византийские историки называли их „восточными турками“. Арабский писатель Ибн-Эль-Этир считал их племенем скифского происхождения.

Хазары занимались по преимуществу торговлей, но не брезговали и набегами. Государство их простиралось от Буга до Урала. Всех соседей облагали они данью, и крымских готов, и славян.

Городами их были Саркель (Белая Вежа), Баланджар (на Волге), Семендер (на Кавказе), Итиль (Каспий). Верхушка хазарских ханов (каганов) из политических расчетов перешла в иудаизм. Это не было редкостью, иудаизм с первых веков нашей эры распространялся в восточных государствах, от Йемена до Абиссинии. Хазария и была северным пределом этого динамического распространения.

Но хотя правящая хазарская верхушка исповедовала иудаизм, народ придерживался магометанства. Были и язычники. И христиане, тоже (были даже христианские

церкви!). Христианство было даже широко распространено. Иудейское вероисповедание верхушки хазарского общества было маневром, чтобы выстоять между „двумя огнями“ – исламом и христианством. Впрочем, хазары даже изъявляли желание принять христианство, и с этой целью были приглашены ученые философы, братья Константин и Мефодий – будущие свв. Кирилл и Мефодий. Хазарский каган разрешил своим подданным креститься в православную веру.

В X-м веке хазары были разгромлены. В то время Русь имела уже три области: Киевскую, Новгородскую и Тмутараканскую (приазовскую), нынешнюю Тамань. Она захватывала территорию между Кубанью и Доном.

Сначала Хазарию расшатали печенеги, шедшие с Востока. Святослав их добил в 964 году, взял их главные города Саркель и Итиль. Тогда к Киеву присоединилась и Тмутараканская Русь, которая до того управлялась самостоятельно.

Россия, в том числе и Русь древняя, создавалась руками славян. Ни готы, ни норманны не были ни завоевателями, ни созидателями культуры. Также и хазары. Варяги же, в большинстве случаев, были западными славянами из области Эльбы (существовала и Русь западная, среднеевропейская). Несомненные же скандинавы, если и были на Руси, то играли роль подсобную, несамостоятельную.

Небольшая часть хазар оставалась только в Крыму. В 1016 г. греческий полководец Мелисен, с помощью русского князя Тмутараканского Мстислава, окончательно уничтожил Хазарию. Последний хазарский каган был христианином.

Что же касается слова „рус“, то оно очень древнего происхождения и встречается уже в первых веках нашей эры. Например у Тацита (98 г. н. э.). Слово „рус“ относилось к сарматам. Упоминалось оно часто и греческими, и римскими историками, и арабскими, и армянскими. В Зальцбурге, в катакомбах при церкви св. Петра, существует могильная плита, на которой по-латыни упоминается имя Одоакра, вождя русинов, в связи с датой: 477 год.

Сирийская хроника 455 г. упоминает существование народа „рос“, или „рус“, к северу от Азовского моря. Грузинский пергамент-манускрипт из церковного музея грузинского экзархата упоминает об осаде и штурме Константинополя в 626 году, „сквирами, которые суть русские“. Рукопись существует. И она, что очень ценно, старше „Повести временных лет“.

Арабский писатель Ат Табари писал о правителе Дербента, Шахриаре, что тот в 644 г. заявил: „Я нахожусь между двумя врагами. Один – хазары, другой – русы. /.../, а воевать с ними никто не умеет“. Это опровергает теорию, что русы были скандинавами. Свидетельство Шахриара относится к 644 г., т. е., почти за сто пятьдесят лет до появления викингов в Европе. Область, где жили эти русы, вероятно, Тьмутараканская Русь. Житие св. Георгия Амастридского повествует о „нашествиях варваров руси...“, около 820 года. Западная хроника 839 г. говорит о существовании народа „рос“. В 860 г. росы напали на Царьград.

Христианство распространялось через греков, у которых был заимствован и первый алфавит. „Роускими письмены“ были написаны Евангелие и псалтирь, найденные св. Кириллом в 861 г., в хазарской миссии. Таким образом, св. Кирилл даже не изобретал кириллицы, а лишь усовершенствовал ее. И в 863 г. применил этот алфавит для перевода богослужебных книг.

Все это доказывает, что корни истории русского народа уходят к началу нашей эры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В капитальном труде Иоганна Майера по истории еврейского народа, есть глава, озаглавленная „Несбывшаяся надежда“. Речь идет о хазарах. Чтобы не зависеть зависимой от одной из враждующих сторон, между которыми находилось Хазарское государство, – Византии и Ислама, – хазарская верхушка обратилась в иудейское вероисповедание, что в то время и в тех местах не

было в новость (середина VIII века). В соседней Армении с античных времен существовали еврейские поселения. Во всем еврейском рассеянии это было встречено с величайшим энтузиазмом. Ожилились мессианские надежды, и пробовали связать хазар с десятью племенами израиля, соединение которых означало бы исполнение мессианской надежды спасения: Испано-еврейский нотабль и дипломат Хассай-Ибн-Шапрут завязал даже связь с хазарским каганом, и еврейский теолог Йегуда Халлеви написал свой труд о преимуществах еврейской религии, в форме разговора между каганом хазар с христианским и исламским собеседниками.

Но звезда хазар закатилась. С Востока – печенеги, с севера – русские, уничтожили хазарское царство.

По всей видимости, еврейство только крайне поверхностно смогло вторгнуться в жизнь хазар, хотя в преизобилии существовали тенденции, утверждавшие далеко идущие связи. „Игра“ хазар с еврейским исповеданием носила только чисто политический характер.

Как рождаются великие открытия

„Жрецы науки, к которым вы себя причисляете через свои умные факты...“
Чехов. „Письмо ученому соседу“

Еще одна статья-теория привлекает внимание яркой самобытностью и глубиной мысли. На этот раз, не из области истории, но – психологии. Или, как определяет свою науку автор – психо-антропологии. И здесь помогает уже не дедукция, но – кибернетика. Это – статья В. Лефевра „Алгебра совести“ во «Времени и мы», № 79. Издаваемый в Западной Германии журнал «Страна и Мир», доброжелательно помещает следующую статью Лефевра, более развернутую, на ту же тему – „Разговор об идеологии и морали“ («Страна и Мир», № 6, 1985 г.).

Не дилетанту критиковать статьи о столь высоких материях. Но, с другой стороны, не для Академии же наук пишутся подобные „труды“.

С самого начала, В. Лефевр, с обезоруживающей прямотой, заявляет о себе: „Я – не моралист!“ Но об этом узнаешь, практически, и без декларации.

Чеховский Семи-Булатов был „конфузлив очень“. В отличие от Семи-Булатова, автор все что угодно, только – не конфузлив.

В. Лефевр извиняется за то, что при изложении новой, революционизирующей науку теории, ему плохо удастся сохранить бесстрастно-академический тон. Вероятно, такие же извинения, нужно принести теперь автору, при изложении мыслей по поводу его труда...

*

Спрос рождает предложение. О д н о й этики в мире стало недостаточно. Пытливый ученый призадумался – и вывел новый лысенковский гибрид: вторую этику.

В отличие от распространенного и устаревшего метода – выводить теории из связывающихся в систему фактов, исследователь пошел путем обратным: прежде всего, он **построил** теорию, и тогда уже начал эксперименты, роль которых заключалась в попытках эту теорию опровергнуть. Но – куда им! Интуиция не обманула ученого. Пользуясь своей алгеброй совести, он нашел искомое.

Его достижение: удалось построить такую математическую модель, которая **предсказала** существование двух этических систем. Математика выступает в роли дельфийского оракула (или авгуrow...). Какая свежесть новизны! При этом – ремарка автора: „Обычному здравому смыслу такое никогда не удалось бы“. Вероятно, и правда!

А дело было непростое. Это вам не то, как в какой-нибудь палеонтологии – по остаткам кости восстановить скелет динозавра. Тут работа тоньше: по и д е е кости – получить живого рептила.

При этом, все постулаты и „действующие лица“ автором были выражены... алгебраически. Попробуй-ка, опро-

вергни! – и действительно, „экспериментам“ – это не удалось. Всю смесь пропустили, добавочно, через кибернетическую машину, вопрошая:

Свет мой, зеркальце, скажи,

Да всю правду Расскажи,

Я ль на свете всех умней?..

Кибернетическая машина покраснела, у нее забегали глаза. Но она, все же, едва слышно ответила: „Да...“ И так родилась новая, потрясающая научная истина, новая „магическая формула“, существования двух этических систем. По революционизирующему значению ее можно поставить наряду с $E = m \cdot c^2$

Автор добросовестно проверял свою систему. О глубине труда могут свидетельствовать проведенные специальные научные эксперименты и опросники. Поцелуй Джимми Картера... Отношение врача к пациенту... Отношение к хулиганам... Можно ли подсказывать... И так далее и (тому подобное!). Американцы и советские эмигранты давали разные ответы... Ура! При проверке на образе Павла Корчагина, который „не лез“ в систему, у исследователя возникло подозрение, что „дело обстоит серьезно“. И здесь он воскликнул: „Эврика!“ Система вошла в жизнь.

Математическая модель „выдает“ строго-чеканные формулы для четырех типов личности: святой, герой, обыватель, лицемер. В кибернетическом калейдоскопе все это выглядит адски-научно.

Итог: система № 1 – на Западе – цель не оправдывает средства. И система № 2 – в Советском Союзе – цель оправдывает средства.

При этом – ремарка-оговорка: В каждом большом обществе реализуются обе системы, но одна – преобладает. Автору нужно было доказать существование академика Сахарова. Но это, только „субкультура“, так сказать „социальная оплошность“.

Но попытаемся, все-таки, вникнуть в суть данного научного открытия. В древнем Риме, авгуры толковали волю богов по полету птиц. Гадали и по внутренностям

жертвенных животных. Теперь для этого употребляют кибернетические машины! И вот – машина выполнила отведенную ей роль. Она (цитируем) „...п р е д с к а з а л а определенные выводы...“ „С помощью современных методов математического моделирования удалось (sic!) обнаружить неожиданную связь между оценкой комбинации добра и зла и тем, как выглядит 'достойный человек' в данной культуре“. Здесь, оказывается, все дело в склонности к компромиссам или конфликтам, которые и определяют оценки комбинаций „добро – зло“. Как просто!

Лефевр пишет: „Пока все наши рассуждения основывались только на построенной нами формальной модели. Попытаемся теперь соотнести ее с реальностью. Модель подсказывает нам, что все разнообразие культур должно распадаться на два класса, соответствующие двум этическим системам. И тут у меня возникла мысль: 'А что, если Советский Союз и Запад имеют различные **этические** системы?'“

Теория создана. Кибернетическая машина апробировала, уважаемый журнал – напечатал. „Чего ж вам больше? Свет решил, / что он умен и очень мил“. И все бы хорошо. Но только одно: этика не имеет ничего общего с кибернетическими машинами. Гора родила мышь. И эту мышь выдают за научную революцию! Лефевр „создает“ „математическую модель этического сознания“. (А красиво как звучит!). Один из способов проверки „модели“ заключается в анализе „нормативных героев“ художественной литературы. Оказывается, что у Раскольникова две личины! – т. е. оба вида этики! Казалось бы, факт ниспровергает остроумную теорию... Но автор несколько не смущен подобным „гибридом“, и, вопреки очевидности, посвящает формальному анализу героев Достоевского целую главу. Величайшим путаником оказался также Гамлет. Чуть ли не кнутом пришлось загонять его на место, отчаянно упирался. Павел Корчагин, тоже, „не лез“ в систему № 2... (Герои-то все больше на Западе...). Пришлось его в подкультуру сунуть.

Люди плохие и хорошие, по Лефевру слишком примитивное деление, он ведь – не моралист. И он заключает:

„Люди по просту устроены различно“. То-есть неравноценны. Так ведь. это не ново! На этом-то и была построена расовая теория Гитлера, равно, как и его мораль! По Лефевру, некие дьявольские системы определяют поведение народов, но народы **эредитарно** обладают порочной этикой (№ 2!). Вот и в Камбодже теперь народ перешел на эту систему этики! Так и непонимания между Советским Союзом и Западом на глубоком психо-антропологическом уровне. Именно на этом уровне и определяет Лефевр „советскую культуру“. С позиций психо-антрополога. **Многоговорящая дилемма**, здесь: или – за десятилетия существования „советской культуры“ человек претерпел очевидные антропологические изменения, или – „советская культура“ существовала-бытовала в России с незапамятных времен. Поэтому, особо интересна глава, посвященная политике Запада и Советского Союза, в свете нового открытия. Цитируем: „Когда говорится о трудностях, возникающих во взаимоотношениях Советского Союза и Запада, то обычно имеют в виду прежде всего политические и идеологические различия между ними, между тем, в меньшей, а может быть и большей степени, это проблема психологическая, и даже – психо-антропологическая“. (Вот как!). „Именно – эта система и реализована сегодня в мире“, – заключает автор. Примечательно, что ни в одной строчке своей работы автор не видит в сегодняшнем мире массово и мощно попираемой этики, вообще, как и разгула самой страшной идеологии... И особо подчеркивает Лефевр, что непонимание надо рассматривать не на уровне правительств, а на „уровне так называемого простого человека“. Этот разнесчастный простой человек! Ведь вот, что ему еще на плечи взвалили!

Вся фундаментальная фальшь теории Лефевра и ее примитивизм выявляются блестяще на одном, взятом им, примере: при оценке сбития южнокорейского самолета. Лефевр определяют поведение западного человека как поголовное возмущение. А ведь – не совсем... Было много страха – „как бы чего не вышло“, и дрожания за себя. Так же, как теперь события в Чернобыле развязали на Западе истерию, психоз страха за себя, и только за

себя! В Западной Европе не осталось ни одного непроданного счетчика Гейгера, раскупили йод и вообще вели себя так, словно это им в первую голову угрожает, а не тем, кто там... У Лефевра: „В сознании западного человека никакая высокая цель не способна облагородить плохое средство“. И, **наоборот**, – в сознании человека советского. (Бедный, тысячекратно расстрелянный советский человек!). Итак, в Советском Союзе, оказывается, человек, узнав о происшествии с самолетом, первым делом, поставил вопрос: „Выполнял ли самолет (с 269 людьми на борту!) шпионское задание?“

Как **пропитан** Лефевр примитивными штампами комсомольского воспитания! Неужели он не знает, что советский человек, которому только и остался, что презираемый Лефевром „здравый смысл“, н и к о г д а не верил во все эти примитивы шпиономании. Они вызывали **смех**. Народ всегда оценивал их по достоинству. Вспоминается одна остроумная, еще довоенная карикатура в «Крокодиле»: „Диверсант под видом овцы“ – шпион на четвереньках переходит заветную границу – разумеется, с Запада в Советский Союз, надев на себя овечью шкуру. Может быть, Лефевр, в пионерском прошлом, и декламировал: „Я видел избушку... Заброшенный дом...“ – это из репертуара пионерского „Чтеца-декламатора“, о поимке шпиона сознательным мальчиком. Но мне лично, не пришлось видеть не только ни одного человека, но и ни одного ребенка, в подобное верящего!

Народ ведь, далеко не так прост, как нравится иным о нем понимать... Но может быть, Лефевр жил там в башне из слоновой кости? Или – отшельником?

Если психологу Лефевру непонятно, что человек в Советском Союзе – жертва Порядка, массово штампуемого свой „образ и подобие“, со всеми аннексами поведения и внешней, видимой „психологии“, то лучше ему психологией не заниматься. По поведению убийцы судить о его жертве – не психологический прием... Как и объяснять поведение лидеров (со времен революции?) не особой сущностью этих лидеров – имеющей обратное отношение к этике, (только к этике „старого толка“, а не гибридо-лысенковской „этике“ Лефевра), а „антропо-пси-

хологическим типом народа“, вырабатывающим „культурный стереотип достойного поведения“ – тяжкий психологический деликт.

А Лефевр предлагает взглянуть „холодным взглядом психо-антрополога“ на сталинский террор... (А может быть, даже и „с холодным внутренним смехом“, как писал в подметном письме любитель-информатор у Чехова?). Сталинский террор... Что же видит „холодный лефевровский взгляд“? Ну, разумеется, – ту же антропологию.

А для какой же страны типичен Ленин? Для России, которую он ненавидел, на которую ему было „наплевать“ и которую он распял? Или – для клуба якобинцев, вне времени и пространства? А вот комментатор «Времени и мы», на статью Лефевра, определил, что „русская этическая культура вызвала деятельность Ленина“, и вместе с Лефевром заклеил эту вредную этику № 2! А ведь, не говоря о том, что и этническая принадлежность Ленина загадочна, загадочно-непостижима и его уникальная в истории аморальность, не подходящая ни под какие нормы! И тот же комментатор („От редакции“...) немедленно применил на практике новорожденную теорию Лефевра, и разделил и всю эмиграцию из Советского Союза тоже на две этических „принадлежности“. Себя, вероятно, отнеся к „первому сорту“?

Залитые кровью страницы истории революции... Как малому вы людей научили! И как дорого придется людям (всем!) за это заплатить!

Трудно удержаться, чтобы не привести одной цитатки из Ленина. „Нельзя в оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец, может быть, для нас тем и полезен, что он мерзавец... У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится“. Золотые слова!

Продолжатель дела Ленина, Сталин, провозглашает „...никаким законом не ограниченное, голое насилие...“ (пролетариата над буржуазией), но каждый знает – какого „пролетариата“, и над какой „буржуазией“. „Т и п и ч н о“ – для создавшей Сталина „этической культуры“?

Во всех „порождающих я с н о с т ь“ примерах, Лефевтр

ставит рядом примеры, как сбитие корейского самолета, и убийство, скажем комара. А вот, – к какой системе отнести, действительно типические примеры: ялтинский договор и послевоенные выдачи? Никаких гамлетовских колебаний Запад при этом не проявил... Не было ли это простым примером утери человеческой совести? „В сознании Запада никакая высокая цель не способна облагородить плохое средство“, – позволим себе повторить формулу Лефевра... На сознании Запада Ялта лежит смертным грехом, вот уже почти полстолетия, но и посейчас – не тревожит... Куда отнести „политический детант“, дитя и продукт Ялты? Или – Хельсинки? А ведь, Запад никто не душил за горло, война ему не грозила, все делалось добровольно, по „этике № 1“ Лефевра.

Какое „изящество мысли“: „Камбоджа была недавно страной буддийской и христианской культуры. После кровавого опыта „Красных кхмеров“, это уже совсем другая культура...”

К у л ь т у р а? Неужели, Лефевр ничего не слышал об уничтожении культур и стран? И – не физической силой, но – идеологией, которая человека превращает в свое собственное отрицание? Можно ли ставить на одну доску, культуру и этику дореволюционной России, с тем, что теми же словами называет Лефевр под господством коммунизма? Или – то же самое, во Вьетнаме, Камбодже, Корее? Где, по словам Лефевра, „восторжествовала новая этика и новая культура“? Не топили ли там этику в океане, среди акул, вместе с гибнущими беженцами из страны, какой ее создал Господь-Бог? По Лефевру же, культура – это что-то вроде платья! Снял одно и надел другое. Жизнь и смерть культур (да еще древнейших!) – не по образцу: „Le Roi est mort, vive le Roi!“

Такая уж метафизическая суть у культуры: она не умирает скоропостижно, но растворяется в своем будущем. А „смены“ тысячелетних культур, – это и есть рецепт, практика и вера **идеологических нашествий**.

Извивы мысли и „логики“ Лефевра просто поражающе бесконтрольны. Но вся система, и все примеры его, как радиоактивные элементы, подвержены самопроизволь-

ному распаду. И себя сами уничтожают, в соприкосновении с самым простым здравым смыслом.

Говоря о теории-системе Лефевра, можно только и сказать: Что за монстр! Сама постановка вопроса о „двух этиках“ безответственна и фундаментальным камнем делает безнравственность. Работы этого типа построены на подмене и отмене смыслов и понятий, общей фальсификации и „легкости в мыслях необыкновенной“. Какой винегрет квазинаучного пустословия...

И если „этика Старшего Брата“ – тоже этика, и его культура – тоже культура, – то почему же западным интеллектуалам и не „сосуществовать“ с ним? Что они, впрочем, успешно и делают, не обременяя себя философией. Этика лефевровского инкубатора превращается в свою противоположность: антиэтику.

Оценивать же народы и „отдельных маленьких простых людей“, по анкете психо-антрополога – это значит, идти точно по стопам и пути Гитлера!

„Позиция психо-антрополога исследует корни социальных катастроф, близка к позиции медика: чтобы предотвратить бедствие надо сначала понять его причину“. Лефевр безгранично льстит себе, потому что причину он как раз зачеркивает. И работает именно на катастрофу. Лефевр не психолог. Он – антипсихолог. Социально-кибернетический лысенковец. Что же касается пресловутой разницы между людьми, то при всем разнообразии рас и цветов, между людьми гораздо больше сходства, чем – различий. Нет теории отвратительнее, чем расизм, в какой бы форме ни высказывалась.

Что же касается социально-кибернетической нормализации, математизации психо-физиологии, то здесь Лефевр не новатор. Именно о „математизации психо-физиологии /.../ для того, чтобы оперировать коэффициентами настроений“, писал еще в начале 20-х годов А. Гастев, приверженец идей В. Муравьева. Это был период „прометеизма“ непосредственно после революции.

Всякое объявление этики не неделимой и основополагающей ценностью интегрального мироощущения – ведет прямым ходом в область „все дозволено“. Чем и руководство-

вались в своих действиях Ленин, Сталин, Гитлер и иже с ними.

Кроме же всего: **Этика – не функция, но – основа.**

Обращаясь к кибернетике, Лефевр соединяет две совершенно несоединимые области. Он лишает этику единственной ее „родины“ и места обитания: души живого человека. Модели психологических процессов в лучшем случае, только модели. А как функция сознания – не может служить пищей для кибернетических машин. Все мыслимые и немыслимые информации, не стоят к живой человеческой душе, ни в какой пропорции. Просто – иное ведомство. Применять электронные машины и формальные схемы к области психологии и психики, все равно, что „мерять воду аршином“.

Компьютеру доступны формальные аналоги. Но недоступна мысль. Доступно одномерное логическое построение. Но недоступен „творческий беспорядок“ человеческого мышления. Компьютер не может „мыслить“ ассоциативно.

А насколько сложнее мысли – человеческая душа, со всей ее мульти-иррациональностью! Она просто неохватна, даже для самого „носителя“ этой души. И эту неохватность втискивают в колодку произвольного суждения и компьютерной логики-цепочки!

Один автор очень хорошо назвал компьютерные исследования в области социологии „социальной неэвклидовой геометрией, каковая и приводит западных либералов к оправданию сталинских преступлений“.

Идея „алгебры совести“ не нова. Ее выразил еще Ленин на III съезде комсомола, сказав: „Морально, нравственно то, что полезно пролетариату“. Другое дело, что говоря о пользе, Ленин демагогически и бессовестно лгал.

Так что же? Придется начинать все с начала, как на острове доктора Моро, затверживая: „Нельзя ходить на четвереньках...“, „Нельзя лакать воду языком...“? Это очень насущная опасность для мира сегодня! И здесь помочь могла бы только та **единственная** этика, при которой в человеке не „работала своеобразная вычислительная машина, определяющая для него степень полезности добра и зла“, – по Лефевру. Но когда человек видел

„звездное небо над головой“ и ощущал „этический закон в груди“, по определению философа. А манипуляции сегодняшних „философов“ всяческого прагматизма – это погашение „света, который в тебе“.

Как бесчеловечны системы подобные системе Лефевра! Они таят в себе безграничные возможности зла. И заново можно пересмотреть и всю историю, и культуры, а какие футурологические возможности! Сколько можно написать ненужных и вредных книг! Может быть и напишут...

При написании этой статьи мною руководило чувство: защитить Человека – от лефевров. И прежде всего, человека „по ту сторону“, находящегося в страшном обвале существования. В воронке всех возможных безвыходностей. Человека, которому такие, как Лефевр, еще лепят и ярлыки, глядя „холодным взглядом психолога-антрополога“.

Когда и как совершается, при эмигрировании, перерождение-переход из „они“ – там, в „мы“ – здесь? Вот о таком перерождении, переходе „из одной этической системы в другую“, действительно интересно было бы узнать. Интересно – психологически. А какой-то закон-закономерность здесь есть, потому что „траектории“, во множестве случаев, поразительно схожи.

Интересно, все же, к какому из четырех типов человека (святой, герой, обыватель и лицемер) относит себя самого Лефевр? Может быть, – к героям? Все не выходит из головы характеристика „так называемого маленького человека“ там. Обидно за этого человека. И кто дал право, Лефевру, из его далекого, заокеанского, неуязвимо благополучия (по схеме № 1!) – еще и оскорблять тех, которые и защититься не могут, зачеркивать единственное, что у них еще остается – само лицо человеческое?!

Этические оценки в мире происходят не по системе Лефевра („по вмонтированной в человека кибернетической машине, определяющей степень полезности (!!) для него добра и зла...“). Но нельзя мешать ему, разумеется, оценивать по-своему свой мир („По Сеньке – и шапка!“). Относительно же сотен миллионов „маленьких людей“ в мире, над которыми он проводит „эксперименты“ – считаю нужным предупредить их о новой опасности, объявлением: S. O. S. – лефевры!

Булат и золото

„Все куплю, сказала золото!
Все возьму, сказал булат!“

В № 5 альманахе «Вече» (1982 г.) напечатана статья А. Федосеева „Благодетели“. Статья эта представляет собой подборку фрагментов из более обширного труда, подготовленного к печати известным в зарубежье политологом и экономистом А. П. Федосеевым. В том же году она была напечатана и в «Новом журнале» (№ 147), с той разницей, что некоторые главки, напечатанные в «Вече», редактор «Нового журнала» опустил, вставив, однако, несколько главок, которые в «Вече» напечатаны не были. Во вступительной заметке («Новый журнал») автор статьи пишет: „Статья написана по материалам американских и английских опубликованных исследований и опровергает миф, что коммунизм Западом не понят. В действительности, социализм-коммунизм является лишь частью общего плана таких организаций финансистов-монополистов мира, как Council on Foreign Affairs (Concil on Foreign Relations), Bilderberg Society, Trilateral Commission и др., направления которых указывают одну общую цель: создание мирового тоталитарного государства под управлением картеля финансистов-монополистов мира“.

Статья эта была напечатана в разделах „Проблемы для обсуждения“ («Вече») и „В порядке дискуссии“ («Новый журнал»), но, насколько нам известно, дискуссия в прессе не состоялась: опровергать Федосеева – трудно, а защищать – опасно!

В настоящей краткой статье мы задались целью бросить луч света на то, как нам представляется генезис той психологии, которая столь характерна для „благодетелей“, а также свойственна тем, кто сознательно или бессознательно им способствует.

*

Власть, власть, власть! Она может быть видимой („булат“!), но может быть и невидимой („злато“!), т. е. скрытой, тайной, безличной. Видимая власть основывается на силе, невидимая – на умении. Власть может быть только формальной (английская монархия), а может быть и существенной (трейд-юнионы, синдикаты, „общества“). Раньше, как правило, власть добывалась „булатом“, к концу же нашего эона, особенно в нынешнем столетии, с „булатом“ начинает успешно соперничать и капитал. „Булат“ создавал имперские сверх-системы на путях внешнего покорения и подчинения, „ад экстра“; „благодетели“ же завоевывают власть на путях „интер“ и „инфра“, с сохранением формальных государственных и национальных структур. У „благодетелей“ оружием является интеллект, а не меч, но „воины“ могут быть использованы ими как одно из средств их мощного потенциала методов воздействия на актуальных и предполагаемых противников; своих сотрудников они привлекают заманчивой идеологией и перспективой обретения материальных благ; инакомыслящих они либо заставляют на себя работать, либо выталкивают экономически, публицистически и социально с поля житейской конкуренции.

Каков же склад ума людей, выполняющих роль ветра, дующего в „благодетельские паруса“?

Отвечая на этот вопрос, начнем несколько издалека. Люди делятся на различного рода типы, обыкновенно парно-противоположного характера: правые и левые, консерваторы и радикалы, монархисты и демократы и т. п. С точки зрения психологии известна квалификация на флегматиков, холериков, меланхоликов, сангвиников. В миро-

воззренческом аспекте отметим существование идеалистов и прагматиков; в экономическом – теоретиков и практиков и т. д. и т. п. В нужной нам перспективе мы представим три психолого-поведенческих типа, какими они образовались уже в иудео-христианской среде, культура которой столь сильно повлияла на образование нашей „западной“ цивилизации. Для этого заглянем в Библию и в историю Ветхого Завета.

К началу нашей эры в еврейском народе выделились три главные ориентации: ессе́йская, фарисейская и саддукейская.

Ессеи (ессены, ессеяне), сравнительно малочисленная часть еврейского народа, по своему образу жизни и по мировоззрению наиболее сродная первым христианам, в Библии не упоминается. Мы узнаем о них из трудов Филона, Плиния старшего и Иосифа Флавия. Они представляли собой общины, живущие по определенному, можно сказать, монастырскому, уставу, в предместьях провинциальных городов или в тогдашних „кибуцах“ (да простит читатель сей анахронизм!) – в пустынях. Население было смешанное, мужское и женское, но браки между членами общин были запрещены. Ессеи, при вступлении в „орден“, давали обет целомудрия и нестяжательства, занимались земледелием, носили особые белые одежды. Новые члены принимались после длительного и строгого новичиата. Имущество было общим. Любовь к ближнему считалась добродетелью. Строгое соблюдение Закона сочеталось у них, иногда, с „символическим“ его толкованием: так, например, они запрещали приношение животных в жертву, упоминание имени Бога всуе и всякого рода клятвы, за исключением вступительной присяги. Сродными, по духу, ессеям были последователи секты „Новый завет“, возникшей во II-м веке до Р.Х., перед преследованиями Антиоха Епифания. Они восстали против фарисеизма и книжничества и, будучи изгнанными, осели в Дамаске. „Новозаветники“ не разрешали разводов, верили в грядущего Мессию и бессмертие душ. На мировоззрении обеих этих сект сказалось в некоторой

степени влияние мистических учений персидского зороастризма и греческого пифагоризма (VI век до Р.Х.). В начале нашей эры секты эти уже не выступают на исторической арене; возможно, что члены их слились с ранним иудео-христианством.

Фарисеи (ивр. „параш“ – отделенные, выделенные), секта, образовавшаяся вскоре после возвращения из вавилонского пленения. Дело было в том, что остатки израильтян, не увиденные в плен, постепенно религиозно вырождались, денационализировались, вступали в браки с язычниками-соседями, забывали Закон. Жизнь вдали от Храма в Вавилонском царстве тоже способствовала тому, что люди постепенно отвыкали от традиций, перенимали некоторые чужеродные обычаи, в практической жизни руководствовались не Заповедями, а удобством, погоней за прибылью и т. п. Все эти грехи обличались пророками и псалмопевцами. По возвращении из пленения, такие государственные и духовные вожди, как Ездра и Неемия, например, задались целью восстановления в народе чистой веры и набожности и весьма энергично проводили в жизнь свои намерения. Часть общества пошла по этому пути (хасиды – набожные люди) и отделилась не только от нечистых по крови евреев (напр. самарян), но и от своих, чистокровных израильтян-**грешников**. Фарисеи исключительно строго придерживались всех предписаний закона и всячески блюли ритуальную чистоту. В эту группу вошли юристы и грамотеи тех времен, „книжники“. Они были горячими патриотами и верили, что Бог восстановит и сохранит израильскую теократию. Они верили в бессмертие души и воскресение умерших. Со временем они выродились в набожных ипокритов, гордецов, формалистов и национальных расистов.

Саддукеи, выведившие свое название якобы от Садока, первосвященника времен Соломона, были аристократическо-священническим слоем израильского народа накануне нашей эры. Они были в сильной степени эллинизированы и к религии, как это ни парадоксально, относились прохладно и формально. Главным их требованием к

народу было выполнение внешних обрядов и предписаний, изложенных в Торе. Они отвергали всякие дополнения к ней и толкования, исповедываемые фарисеями. Саддукеи обращали мало внимания на нравственность народа, как таковую, если внешне ритуальные приличия соблюдались. Они не были ревностными патриотами и стремились лишь к тому, чтобы в стране, даже под чужим владычеством, господствовал правопорядок, дающий возможность преумножать блага земные. Если вера в божественное возмездие (награды или кары после смерти), личное бессмертие и воскресение из мертвых, вера в ангелов и духов и т. п. были характерны для фарисеев, то саддукеи все это отрицали. Они были духовными имманентистами и скептиками. Характерно сравнить отношение саддукеев и фарисеев к пенитенциарной проблеме. Фарисеи в своей судебной практике склонны были к презумпции невиновности, тогда как саддукеи требовали строгих наказаний и быстрого исполнения приговоров. Заметим, кстати, что Анна и Кайафа, вынесшие смертный приговор Иисусу Христу, были саддукеями.

Вот, что сказано о людях саддукейского мировоззренческого типа в Книге Премудрости Соломона:

„Неправо умствующие говорили сами о себе: коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада.

Случайно мы рождены и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших – дым, и слово – искра в движении нашего сердца.

Когда оно угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдет как след облака, и рассеется как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный теплотой его.

Ибо жизнь наша – прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается.

Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; преисполнимся дорогим вином и благоговениями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни; увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли; никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; везде оставим следы веселия, ибо это наша доля и наш жребий.

Будем притеснять бедняка праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца.

Сила наша да будет законом правды...“ (Премудр. 2, I-II. Выделено мною, Е.В.).

Саддукейский тип мировоззрения присущ и современным „хилиастам“ (милленаристам), склонным к прагматическому, утилитарному толкованию XX-й главы „Откровения“ („Апокалипсиса“). Там сказано, что перед концом истории человечества, который совпадет с концом нашей планетарной системы в ее настоящем виде, наступит **тысячелетний** („хилиас“ – греч., „миллениум“ – лат.) период благоденствия на земле: зло будет „связано“ на это время и царствовать будет Иисус Христос с теми праведниками, которые будут удостоены „оживления“. Текст этот нуждается в символическом толковании, так как относится к той грани, которая проходит между историей и метаисторией (см. об этом в книгах прот. С. Булгакова „Невеста Агнца“ и „Откровение св. Иоанна“, Изд. ИМКА-Пресс). Однако современные „имманентисты“ (и некоторые „федоровцы“), отрывая это пророчество от всего христианско-религиозного контекста последней книги Библии, принимают это пророчество в узко-буквальном смысле и считают, что человечество в естественном порядке эволюционирует к „новому райскому состоянию“; они игнорируют другие тексты того же самого „Откровения“, в котором говорится о прогрессивном умножении зла на земле и предсказываются различного рода бедствия – в предостережение человечеству о том, что эту земную жизнь надо использовать не для плотских удовольствий („carpe diem“), а для приобретения сокровищ жизни будущего века, т. е. после смерти.

К „имманентистам“ принадлежат такие писатели-утописты, как Т. Мор (заглавие книги которого и дало начало этому термину), Т. Кампанелла, Г. Фойньи, Фенелон, Фонтанель, Ретиф, Дешан и др. Среди философов следует упомянуть отчасти Платона, затем Канта, Фурье, Гегеля, Фейербаха, Маркса и его последователей, отчасти Н. Ф. Федорова и целиком таких его последователей, как В. Муравьев, П. Боранецкий, А. Гастев и др.

И в этой группе можно заметить некоторую поляризацию: одни мыслители и писатели представляют собою тип теоретиков-идеалистов, мечтающих на свой лад, о

счастье человечества, другие же являются циничными прагматиками, стремящимися к власти и благоденствию для себя и своих соратников.

К группе „идеалистов“ принадлежит мало известный русскому читателю английский писатель Морис Р. Бак (M. R. Buck), книга которого „Сверхсознание“ издана была впервые в 1901 году и с тех пор удостоилась двадцати пяти переизданий. В ней есть много интересного материала вообще, но мы выделим один отрывок, который является иллюстрацией к тому, под чем охотно подписались бы и „благодетели“, ибо Баком нарисованы те условия, в которых превосходно осуществились бы их идеи.

„Непосредственное будущее человечества подает прекрасные надежды. Перед нашим лицом возникают возможности трех революций, из которых даже наименьшая несоизмеримо превышает своим значением самые великие переломы предыдущей истории. Вот они: Материальная, толчок к которой даст развитие воздушных средств сообщения, экономическая и социальная революция отменит частную собственность и освободит земной шар от двух великих зол – богатства и бедности; физическая революция ознаменует обретение человеком высшего этажа сознания“.

Эта третья революция, – мнил автор книги, превысит своим значением первые две в сотни и тысячи раз. А все три, вспомогав друг друга, создадут дословно новое небо и новую землю.

„Перед воздушной навигацией исчезнут национальные и таможенные границы и, возможно, сотрутся различия языков. Огромные города (метрополисы) утратят свой „резон д’этр“ и растают. Жители теперешних городов будут проводить лето в горах и на морских побережьях, создавая жилища в ныне недоступных местах с чистым воздухом и прекрасными видами вокруг; зимой же будут обитать в коммунальных домах среднего размера. Перенаселенность исчезнет, равно как и изолированность и обособленность землепашцев. Не будет проблем, связанных с преодолением пространства или принудительным одиночеством.

Под сокрушающим млатом Социализма рухнет тяжкий труд, тревоги, обидное и деморализующее богатство, все зло, связанное с бедностью, и проблемы эти станут лишь темой исторических повестей.

В атмосфере космического сознания исчезнут все теперешние религии и верования. Душа человеческая будет революционизирована. Религия (новая, прим. Е. В.) овладеет всем человечеством. Она не будет основана на предании. Она не будет ни предметом веры, ни объектом безверия. Она перестанет быть частью жизни, приуроченной к определенным часам, временам и случаям. Она не будет заключена в храмах и собраниях, освобождается от форм и уставов. Она не будет зависеть от определенных отк-

ровений, от слов богов, сошедших для поучений, от Библии и библий. В ней не будет миссионеров, спасающих людей от грехов или обеспечивающих для них восшествие на небеса. Она не будет учить о будущем бессмертии, ибо бессмертие и вся слава будут „здесь“ и „теперь“. Доказательство бессмертия будет жить в каждой душе, наподобие того, как каждому глазу естественно свойственно зрение. Сомнение в существовании Бога и жизни будущего века, т. е. бессмертия, будет столь же невозможным, сколь невозможным является сомнение в актуальном нашем существовании. Религия будет естественно и непосредственно наполнять каждую минуту каждого дня всей жизни. Храмы, священники, формы, символы, молитвы, все деятели, все посредники между индивидуальным человеком и Богом будут навсегда заменены непосредственным и непрерываемым контактом. Грех перестанет существовать и исчезнет надежда на спасение – за ненужностью. Человека не будет беспокоить ни мысль о смерти, ни забота о будущем и о том, что станет с нами после прекращения жизни нашей земной плоти. Каждая душа будет чувствовать и знать, что она бессмертна, будет чувствовать и знать, что вся вселенная с ее благом и красотой принадлежит ей и будет принадлежать вечно. Мир, населенный людьми, обретшими космическое сознание, будет столь отличаться от теперешнего мира, сколь он сам отличается от того, каким он был, когда люди еще не имели сознания, как такового“ (стр. 2-3).

Что же можно сказать об этой прекраснотушной утопии? Ее несостоятельность в экономическом и политическом плане очевидна в свете опыта нашего столетия, а относительно ее религиозного аспекта – невольно приходят на память слова Иисуса Христа: „Но Сын Человеческий пришед найдет ли веру на земле?“ (Лук. 18,8).

Скажет кто-нибудь: „Да, но все это было написано на переломе XIX и XX веков!“ Ответим на это вопросом же. А разве человечество, испытав все перипетии нашего столетия, значительно поумнело?

Недавно вышла в свет, в издательстве „Ардис“ книга Михайла Михайлова „Планетарное сознание“. Хоть иным языком, автор ее постулирует те же идеи: уничтожение национальных своеобразий, снесение государственных границ, установление сверх-конфессиональной религии, введение единого языка, обеспечение интернациональных демократических свобод, свобод, свобод!!!

А ведь все это – вода на мельницу саддукеев-„благотелей“!

Представители „саддукейского“ мировоззрения и мироотношения встречаются среди всех народов, в той

или иной степени, среди же евреев – чаще всего в превосходной степени. Еврейский народ явил в истории человечества, по тем или иным причинам, в тех или иных обстоятельствах, две характерные способности: религиозность и „экономичность“. Верность своей вере и умение обращаться с деньгами, закодированные в генах этого народа, дали ему возможность сохранить свое существование в таких условиях, в которых иной народ навсегда исчез бы с лица земли. Евреи же, как феникс из пепла, после периодов гонений, притеснений и физического уничтожения, воскресают и начинают преуспевать в такой степени, что это приводит к опасениям среди них самих, Следует, однако, отметить, что элемент религиозности начинает постепенно сдавать свои позиции элементу экономичности. В это самое время у других народов этот процесс отхода от веры направлен скорее в сторону „гедонистичности“. (Это, конечно, обобщения, проистекающие из наблюдения длительных эволюционных периодов).

Об этом хорошо сказал раввин М. Картцер: „Вера в Библию, чудеса, бессмертие – это все второстепенное, сравнительно с нашей верой в могущество человека ТУТ. Евреи теперь не верят в воздаяние. А что следует понимать под бессмертием души, знает один Бог... Мы более концентрируем наше внимание на ЭТОМ мире, чем на будущем, и хотим построить идеальные условия жизни на земле“ (см. его книгу „Кто такие евреи?“, стр. 28, 34; цит. по книге В. Н. Малова „От Каина ко Христу“, Санта Барбара, 1974 г.).

Конечно, не все евреи так думают, но так как статистика этого явления не объемлет, то нам остается руководствоваться впечатлениями и субъективными оценками. А они именно таковы...

*

Вышеописанные три типа – ессеи, фарисеи и саддукеи – встречаются везде и во все эпохи. „Урожай“ на ту или иную группу зависит от того, в какой фазе находится дан-

ная цивилизация. Итак, например, средневековые („фаза рыцаря и монаха“, по Бердяеву) созвучно было эссеистскому типу, настоящая же фаза („заката западной цивилизации“, по Шпенглеру) благоприятна размножению типа саддукейского. Каковы наиболее характерные черты этого периода? Отход от религии, секуляризация, упрощенчество, стремление к наслаждениям невысокого уровня, исчезновение патриотизма, преобладание гомогенизации, отрыва от традиции, беспринципность и при всем этом – небывалая концентрация капитала денежного и технического.

Шпенглер, как и Данилевский, считает, что всякая культура проходит через фазы человеческого роста: детство, молодость, зрелый возраст и старость... Всякая культура после периода творческого расцвета, накануне смерти преобразуется в **цивилизацию**. А характерные черты последней суть следующие: космополитизм и мегаломания, наукообразный атеизм и мертвая метафизика вместо религии „сердца“, интернационализм вместо патриотизма, деловитость вместо благоговения и традиции, „естественные права“ вместо теонómии, деньги и абстрактные ценности вместо плодородной земли и животных, „массы“ вместо народа, „секс“ вместо родительства, плебейские развлечения („хлеба и зрелищ!“) вместо церковных и фольклорных церемоний, империалистическая экспансия и урбанизация вместо самососредоточенности культурных и хозяйственных усилий, культ количества, вместо уважения к качеству, синкретизм, жажда власти и классовая борьба вместо гармоничности, иерархичности, традиционности...

Именно такая почва благоприятствует „благотельской“ политике.

*

Современные историки опровергли еще недавно столь модные мифы о постепенном, но неуклонном, линейно-поступательном развитии человечества. Мы являемся сви-

детелями параллельного возрастания добра и зла в нашей плачевной юдоли. И какое причудливое переплетение этих двух элементов явит грядущий зон – знать нам не дано. Одно можно сказать с большой степенью достоверности: при кажущейся несомненности преобладающего капиталистическо-технического уклона, в современном мире уже начинают прорастать здесь и там семена новой социо-культурной реальности. И по аналогии с историей предыдущих цивилизаций можно ожидать, что роль гробовщика одряхлевающего Запада сыграет... „булат“.

НАШИ ВЕСТИ

**Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным**

**Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко**

**Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов**

Подписку направлять по адресу:

**NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA**

НОВАЯ КНИГА!

Музыкальным издательством Ем. Катцбихлер, в Зап. Германии, выпущена редкая книга:

Песнопения древне-русского осьмигласника, включая Евангельские стихиры

Автор, сотрудница Института истории искусств при Румынской Академии Наук, **Стелла Сава**, посвятила много времени и труда, чтобы, посетив места расселения староверов, особенно же их монастыри, в духовном центре части староверческого рассеяния, Белой Кринице, собрать многочисленные списки рукописных октоихов.

Книга – два тома – представляет собой их воспроизведение, транскрипцию, классификацию и комментарии. Тексты представлены в факсимиле, так что слависты, интересующиеся палеографией, могут пользоваться ими как оригиналом.

Цена книги – 160 нем. марок (Два тома)

Книгу можно заказать по адресу:

Dr. EMIL KATZBICHLER
Musikantiquariat, Musikverlag
Wilhelming 8201 Frasdorf, Bundesrepublik Deutschland
Tel. (08051) 25 95

Ф. Ф. К и р х г о ф

В Ставке Верховного Главнокомандующего

(Окончание. Начало см. «Вече» №№ 19, 20, 21)

3 марта было получено распоряжение Начальника Штаба офицерам Штаба, свободным от службы, прибыть на вокзал для встречи Государя. Около 8 часов вечера, я, с другими чинами Комендантского Управления, приехал на автомобиле на вокзал, куда вскоре начали приезжать офицеры других Управлений Штаба.

Была холодная, ветряная, с мелким снегом, погода, которая усугубляла мрачное настроение. Прибыли генералы и среди них генерал Алексеев. Из-за непогоды все собрались в помещение управления коменданта станции и молчаливо ожидали прибытия царского поезда, уйдя в свои грустные мысли. Поезд опаздывал.

Через некоторое время комендант станции сообщил о приближении поезда. Все вышли на перрон и выстроились по Управлениям по старшинству чинов. Вот, отдаленные огни поезда, вот и царский поезд с длинными синими вагонами, на которых вензель Государя. Невыносимая тоска щемила сердце и в голове бессвязные мысли: „Нет больше Царя, его не стало еще при его жизни. Сейчас выйдет „бывший“ Государь... Россия – не Империя...“

Поезд остановился. С площадки царского вагона соскочили два конвоира и приставили, как и раньше, обитый ковром трапик. Государь вышел в сопровождении министра Двора, генерал-адъютанта графа Фредерикса, и направился к генералу Алексееву, которого обнял и поцеловал, а затем начал медленно обходить выстроившихся офицеров, молча подавая им руку. Вид Государя был подавленный, он сильно осунулся и как-то посерел. Подавая руку Государю, я его уже не видел – мои глаза были полны слез, как у Государя. Невыносимая тоска и грусть сдавила мое сердце.

Поздоровавшись со всеми встречавшими, Государь с генералом Алексеевым вошел в вагон. После этого офицеры стали разъезжаться. Потрясенный всем виденным, я пошел к автомобилю, а в голове мысли: „Царя нет, Царь отрекся. Без сопротивления отдал свою, Богом ему данную, власть...“

Поздно вечером Государь из поезда переехал во дворец. Утром, 4 марта, мне, находившемуся на дежурстве в Управлении, телефонировали о том, что Георгиевский батальон без офицеров, вооруженный вышел из казармы и направляется в город. Я немедленно доложил об этом по телефону Коменданту Главной Квартиры, который приказал срочно подать ему автомобиль, на котором очень скоро он приехал к начальнику Штаба. Выйдя от него, Комендант приказал мне немедленно ехать навстречу Георгиевскому батальону и от имени генерала Алексеева направить батальон, минуя Губернаторскую площадь, на которую выходил дворец, по другим улицам на Сенную площадь, куда приедет Начальник Штаба.

Вскочив в автомобиль Коменданта, я поехал выполнять приказ. Через несколько минут я услышал звуки оркестра, игравшего марсельезу, а еще через несколько минут увидел и сам батальон, солдаты которого привязали на штыки своих винтовок красные лоскутья.

Выйдя из автомобиля и подойдя к ведущему первую роту прапорщику, я передал ему распоряжение Начальника Штаба о месте сбора всего гарнизона и о маршруте

следования. Прапорщик принял мое обращение и ответил согласием. Ожидая возражений, я был успокоен этим, т. к. следование Георгиевского батальона, минуя Губернаторскую площадь, уберегало Государя от неприятностей. Передав распоряжение Начальника Штаба в каждую роту, марширующего батальона, я отправился в другие части гарнизона, где уже было известно о месте сбора. В этих частях я обнаружил некоторый порядок, так как при частях были офицеры и красных лоскутьев не было.

К собравшемуся на Сенной площади гарнизону приехал генерал Алексеев и прочитал Манифест об отречении Государя. Генерал Алексеев пропустил мимо себя собранные войска церемониальным маршем, при чем делал замечания о воинской выправке, равнении и пр. Войска строем вернулись в свои казармы, опять тем же маршрутом, минуя Губернаторскую площадь.

Встретив на улице командира Конвоя Свиты Его Величества генерал-майора графа Граббе, я был очень удивлен, не увидев на его погонах вензелей Государя. Он их снял.

* * *

Утром, как обычно до этого, Государь принял доклад генерала Алексеева в оперативном отделении. А днем уже стали поступать донесения от главнокомандующих фронтами о начавшихся в разных воинских частях фронта и тыла беспорядках, о прибывающих вооруженных шайках, которые, с присоединяющимися к ним солдатами, обезоруживают офицеров, грабят обывателей и тыловые войсковые склады. На это последовало распоряжение генерала Алексеева захватывать эти банды и предавать их военно-полевому суду.

5 марта днем прибыла из Киева в Могилев вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Государь ездил ее встречать вместе с генералом Алексеевым и свободными от службы чинами Штаба. В последующие дни пребывания вдовствующей Императрицы в Могилеве

Государь ездил к ней в поезд завтракать и обедать и возвращался из поезда своей Августейшей Матушки к себе во дворец поздно вечером.

Настроение у всех очень тоскливое, а с фронта поступают донесения о случаях неповиновения войсковых частей начальникам, о избияниях и убийствах офицеров.

Генерал Алексеев обратился к военному министру Гучкову с заявлением, в котором предлагал для предохранения армии от разложения и для успешного продолжения войны, издать приказ о том, чтобы все распоряжения, касающиеся действующей армии, исходили только от Верховного Главнокомандующего, а кроме того выпустить от имени правительства воззвание к войскам о том, чтобы свято хранить дисциплину и чтобы никакие делегации не имели права вводить какие-либо перемены в определенные законом нормы воинской жизни. Это обращение генерала Алексеева было сделано по распоряжению Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, пока сохранявшего свой пост. Временное правительство издало такое воззвание, но вопреки ему шли самочинные действия Совета рабочих и солдатских депутатов и армия продолжала разлагаться.

Генерал Алексеев искренно болел за Россию, из всех своих сил старался сохранить боеспособность армии, но это ему не удавалось, т. к. натиск слева, со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов был очень сильным и таил он в себе много соблазнов для широких солдатских масс.

7 марта, будучи дежурным по гарнизону, я поехал вечером в объезд города и для проверки караулов заехал на вокзал. Тут мне пришлось быть невольным свидетелем прощания Государя со своей Августейшей Матушкой. Около 10 часов вечера из вагона вышли Императрица-Мать и Государь. Они тихо беседовали и, зайдя за находившееся вблизи железнодорожное строение, остановились. Государыня благословила своего сына, а затем Государь, припав к руке своей Матушки, долго ее целовал;

Государыня отвечала поцелуями головы Государя. Затем, проводив обратно в вагон Императрицу, Государь сел в свой автомобиль и направился к себе во дворец.

Календарная дата 8 марта, останется на всю жизнь как бы выжженной в памяти и сердце всех чинов Ставки. Этот день полон скорби. Этот день полон трагизма. В этот день Государь Император прощался с чинами своего Штаба, а через них со всей русской армией, которую он сильно любил. Все мы видели и слышали в последний раз в своей жизни Государя.

Трудно передать словами переживания этих минут. Невыразима тяжесть сознания этого прощания навсегда. Уход от нас, тоже навсегда, Царя, в лице которого олицетворялась вся необъятная Родина. И видя в те минуты Государя, одиноко стоящего среди нас, я ощущал душою глубочайшую драму этого одинокого, глубоко страдающего человека. За все революционные дни – этот день был наиболее жуткий.

К одиннадцати часам, по распоряжению Начальника Штаба, все чины Ставки собрались в зале помещения Управления Дежурного Генерала и построились по старшинству чинов вдоль стены буквой П. Нижние чины, по одному от каждого Управления, построились с правой стороны входа. В зале присутствовали Великие Князья Сергей и Александр Михайловичи. Вскоре пришел генерал Алексеев, который, поздоровавшись за руку с Великими Князьями и своим помощником генералом Клембовским, сделал общий поклон всем присутствующим. Через несколько минут генералу Алексееву доложили, что Государь вышел из дворца и вскоре с лестницы слышался ответ солдат на приветствие Государя: „Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!“

В зале наступила тишина, которую прорезала команда генерала Алексеева: „Господа офицеры!“ – и он встретил Государя, который несколько задержался у входа и затем, войдя в зал, поздоровался за руку с Великими Князьями, генералами Алексеевым и Клембовским и, сделав общий поклон собравшимся генералам и офицерам, повернулся в

сторону солдат и поздоровался с ними, на что они ответили: „Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!“

Государь был одет в серую черкеску и в левой руке держал коричневую папаху. Выйдя на середину зала, он начал свою прощальную речь тихим, задушевным голосом и волнуясь, что было заметно по частым поглаживаниям, его обычным жестом, усов и частыми паузами.

„Сегодня я вижу вас в последний раз. Такова воля Божия и следствие моего решения. Судьба отечества вверена ныне временному правительству. Служите ему верой и правдой. Эта небывалая война должна быть доведена до конца, до последней победы. Надо сломить коварного, жестокого и упорного врага. Он уже надломлен. Много пролито крови, много сделано усилий, чтобы победить. Величие и благородство России обязывает всех сделать последнее усилие. Кто думает сейчас о мире, кто желает купить его ценою уступок, ценой позора и бесчестия – тот не сын России, тот изменник и предатель. Я твердо верю, что не упала в ваших сердцах беспредельная любовь к Родине. Пусть вас ведет к победе Георгий Победоносец. А о себе скажу словами моего великого предка: Мне лично ничего не надо, лишь бы в славе и благоденствии жила матушка Россия...“

Обратившись к солдатам, Государь сказал им: „Передайте вашим товарищам, что я благодарю их за службу и желаю скорой победы над врагом.“

При последних словах в голосе Государя послышались рыдания, правая рука его дергалась. В зале все время стояла гробовая, давящая тишина, которую не нарушал никакой звук. Все, не мигая, смотрели на Государя, сознавая, что видят его в последний раз.

Окончив говорить, Государь поклонился. Генерал Алексеев, приблизившись к Государю, растроганным голосом пожелал ему счастья в новой жизни. Государь обнял и крепко поцеловал генерала Алексеева. Потом, поцеловавшись с Великими Князьями, Государь подошел вплотную к офицерам и пристально смотря им в глаза, начал

пожимать каждому руку. В это время начали раздаваться всхлипывания офицеров, которые перешли в рыдания и истерические выкрики...

Стоящий наискосок от меня полный полковник Конвоя Его Величества Киреев во весь свой высокий рост грохнулся на пол, справа и слева от меня так же шумно упало несколько офицеров. Государь продолжал обход и у него в глазах стояли слезы. Нервы не выдерживали, по щекам многих присутствовавших катились слезы. Многие из солдат тоже рыдали. Никто не стыдился...

Сильно взволнованный Государь, не закончив обхода, резко повернулся и, поклонившись, вышел из зала. Все офицеры, углубленные в свои переживания, расходились по своим Управлениям и долго не могли взяться за дело. Оно валилось из рук...

Около 4-х часов дня на вокзал был подан поезд Государя, в котором его „сопровождали“ представители временного правительства Бубликов и другие члены Государственной Думы. Фактически, это был арест Государя.

На перроне собрались провожающие: лица свиты и свободные от службы чины Ставки во главе с Начальником Штаба. Теперь господами положения были новые люди. Они назначили лиц, сопровождавших Государя, они отдавали все распоряжения. Тут же на вокзале эти лица воспретили ехать с Государем его флаг-капитану Нилову.

После трогательного прощания со своей Августейшей Матушкой в ее поезде, Государь направился в свой поезд, молчаливо прошел мимо провожающих его лиц, которые не имея сил сдерживать свои чувства, молча стояли со слезами на глазах. Вслед за Государем в его вагон вошли гофмаршал князь Долгорукий, генерал Нарышкин, флигель-адъютант герцог Лихтенбергский и лейб-хирург Федоров.

Провожая в этот день Государя, я видел его в последний раз в жизни. Эти проводы были проводами Царя в еще не осознаваемый его трагический уход навсегда. Династия рухнула и ушла столь роковым образом. Рок давил на последнее царствование, начиная с его первого

дня. Здесь в Могилеве была могила династии.

Одновременно с нашими прощальными взглядами вслед удаляющемуся поезду Царя, смотрели на него еще другие скорбные глаза, полные слез. Это были глаза матери, провожающие своего сына в неизвестное, трагическое будущее.

Перед отъездом из Ставки, Государь обратился к любимой своей армии с прощальным приказом, который он написал лично в ночь на 8 марта.

„В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от Престола Российского, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия.

Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага.

В продолжении двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная с своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последние усилия противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его, – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит.

Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

Николай.“

По распоряжению военного министра Гучкова, этот приказ был остановлен в передаче войскам и армия не

услышала прощального слова своего Императора. Тем же Гучковым было запрещено обнародование приказа Великого Князя Николая Николаевича о вступлении его на пост Верховного Главнокомандующего. Великий Князь Николай Николаевич, назначенный Государем перед отречением Верховным Главнокомандующим, прибыл в Могилев, но пробыл там недолго, т. к. временное правительство, опасаясь популярности Великого Князя, „просило его во имя блага родины“, передать этот пост генералу Алексееву, что и было им исполнено.

**Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:**

**RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)**

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

New York, N. Y. 11379

Tel. (212) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

Сергей Г - т

ШТАЛАГ № 320

Прошло более сорока лет со времени пережитого мною в немецком плену во время второй мировой войны. Казалось бы, времени было достаточно, чтобы зажили телесные и душевные раны. Ведь, говорят, время – лучший доктор. Так ли это? Не берусь судить. Во всяком случае ко мне это подходит лишь отчасти. Время не вылечило меня полностью, до сих пор меня иногда навещают воспоминания о выстраданном, будь то во сне, или наяву. Спустя четыре года после окончания войны, я часто бредил во сне, видя один и тот же кошмар: во время бомбежки, на меня падала каменная стена. Спасаясь от нее, я вскакивал с кровати, в ужасе бросался куда-то, натыкался на мебель, опрокидывая ее, пока не просыпался от боли от ушибов или падения. Однажды (это было в Париже), я подбежал к открытому окну, собираясь выброситься с высоты этажей, но почувствовав режущий край оконной рамы под коленом, я достаточно проснулся, чтобы удержаться от прыжка.

И все же, время вылечило мой крайне восприимчивый организм от воспоминаний ужасов бомбардировок, в которых **моя** жизнь подвергалась опасности, но оно не избавило меня от воспоминаний кошмарных картин немецкого плена, – страданий сотен тысяч людей, которые

были повинны только в том, что не пустили последнюю пулю в себя по повелению „великого кормчего“.

Проходят годы. Ежегодно страны-победители второй мировой войны празднуют День Победы. Гремят пушечные салюты, люди идут поклониться могилам Неизвестного Солдата, возлагают венки. В Советском Союзе чувствуют увешанных орденами и медалями героев (и не героев) второй мировой, но... никто не вспоминает погибших в лагерях военнопленных. А ведь, лишь в первые 6 месяцев войны в немецком плену очутилось 3.800.000 красноармейцев и командиров. Всего же за годы войны 5.240.000 советских военнослужащих попало в немецкий плен. Из них, по одним свидетельствам, в плену погибло 2.100.000, а по другим данным, более 3.000.000 человек. Более половины военнопленных, попавших в плен в первые месяцы войны умерло от голода, холода, болезней, от отсутствия мало-мальски человеческих условий существования, было замучено, забито до смерти в страшную зиму 1941-42 гг.

А среди них **тоже** были герои, имена которых чтут и помнят, знавшие их. Заслужили ли эти люди забвения? Или даже презрения со стороны тех, кто в плену не был, уж не говоря о верных сталинцах, о тыловиках, о снабженцах и прочих тоже густо увешанных орденами „героев“? Почему нет могилы Неизвестного Военнопленного? Почему никто не возлагает цветов на бесчисленные братские могилы военнопленных?

Потеряла ли тема немецкого плена свою актуальность спустя более сорока лет со дня окончания войны?

Мне хотелось бы крикнуть на весь мир – нет! Мне хотелось бы поведать всем людям Земли о тех страданиях, которые мы, бывшие советские военнопленные, перенесли в немецком плену. Мне хотелось бы призвать все народы бережно хранить мир, напомнить им еще и еще раз о великих страданиях войны – любой войны – на фронте, в тылу, в плену и не допускать их повторения, не допустить новой войны!

Нет, эта тема не потеряла актуальности, как не

потеряла актуальности тема о татарском нашествии, о Великой Отечественной войне 1812 года, о первой мировой войне и других катаклизмах мировой истории.

И вот, более чем сорок лет спустя, воспоминания о войне и плене так и остались незажившей душевной раной и появилось желание, превратившееся постепенно в жгучую необходимость, поделиться с другими этими воспоминаниями.

Написанное ниже – очерк, который мог бы быть главой книги о Плене. Я намеревался написать ее после войны, но не нашел тогда ни времени, ни сил.

Написанное – чистая правда, без прикрас и преувеличений.

Эти воспоминания писал я с помощью дневника плена, который мне чудом удалось сохранить и пронести сквозь огни и воды.

В крепости

Эшелон теплушек, набитый до отказа советскими военнопленными, прибыл в Двинск (Латвия) холодной дождливой осенью 1941 года. Нас привезли из Луги и поезд тащился пять дней, во время которых многие пленные умерли от истощения (нас не кормили в дороге), болезней и холода. В начале этапа лежать было невозможно из-за отсутствия места, но позднее, благодаря умершим, мы могли лежать на боку, в одном направлении. Пробираясь к параше, стоявшей у двери теплушки, люди неизменно наступали на тела, вызывая трехэтажную ругань.

По прибытии в Двинск, нас согнали в Двинскую крепость, расположенную на краю города. Из многих воспоминаний об этой крепости особенно ярко врезался в мою память эпизод с лошадиным копытом. Мой тогдашний приятель по плену („напарник“ на нашем жаргоне), однополчанин плотник Емельянов и я, решили попробовать сварить лошадиное копыто, найденное нами на свалке у

кухни. С наивностью голодных мы рассчитывали, что внутри его есть что-нибудь съедобное. Разведя огонь из щепок на каменном полу каземата, мы принялись вырезать хрящевые части из середины копыта. К нашему огорчению, многочасовая варка не размягчила хрящей и нам пришлось глотать жесткие, пахнущие столярным клеем кусочки, не утолявшие голода.

Картофельная команда

Вскоре нам с Емельяновым посчастливилось попасть в рабочую команду. В ней было человек тридцать, и каждое утро немецкий конвой водил нас по дороге на Каунас, километров пять от лагеря, на ферму с милым, звучащим почти по-русски названием „Романишки“.

Хозяйка фермы, видимо интеллигентная латышка, прекрасно говорила и по-русски, и по-немецки. Работой был сбор картошки. Вместе с нами работали и батраки фермы, с которыми мы быстро подружились, ведь в Латвии многие говорят по-русски. Ненависть к русским, возникшая после оккупации советами Прибалтики, как-то улетучилась у этих простых людей, настолько жалок был наш вид доходяг.

Хотя хозяйка относилась к нам очень сдержанно, однако давала нам по кружке молока или плошку молочной похлебки и разрешала печь в поле картошку. Это было неплохое время.

За хорошее поведение и работу, нашу команду немцы решили роздать на поруки латышским крестьянам и однажды рано утром, нас разбудили и приказали строиться. Я плохо чувствовал себя в то утро и не смог быстро собраться и выскочить. Когда я вышел во двор крепости, никого из моих товарищей я не увидел, – их увели строем за ворота крепости. Никакие просьбы, обращенные к часовым, да еще при незнании языка (в то время я не говорил по-немецки), мне не помогли, как я ни старался объяснить, что отстал от картофельной команды. К не-

счастью, в то время немцы нас отсчитывали как скот, по единицам; буквально никакой регистрации пленных в крепости в то время не было, не было ни удостоверений, ни опознавательных знаков. Мы были просто единицами, штуками унтерменшей. Регистрация была, правда, проведена в Дулаг'е перед отправкой в Германию.

Среди „картофельников“ попал к крестьянам и мой напарник – плотник Емельянов.

Я становлюсь конюхом

Снова потянулись тоскливые, голодные дни на каменном полу крепости.

И вот однажды появился немецкий переводчик, и спросил, кто умеет ухаживать за лошадьми.

В плену не принято церемониться. Если вы санитар, то назовете себя по крайней мере фельдшером, если хоть немного знаете устройство автомобильного мотора, непременно запишетесь автомобильным механиком. Я никогда в жизни не имел дела с лошадьми, однако сумел бы отличить удила от шлеи, поэтому я смело вышел вперед и назвался чуть ли не профессиональным конюхом.

Так мне посчастливилось попасть на работу в конюшню, где содержались лошади-битюги немецких солдат-возчиков, обслуживающих крепость.

Среди этих солдат было несколько военнопленных из немцев с Поволжья. Естественно, они были на особом положении, им доверяли выезд за пределы крепости, они получали солдатский паек и пользовались некоторыми другими привилегиями.

Я быстро научился нехитрому делу ухода за лошадьми. Унтер-офицер, ведавший конюшней, узнав, что до войны я был студентом, окрестил меня кличкой „штудент“, а иногда называл меня „профессор“. Естественно, что бедному „профессору“ не доверяли работу возчика и я, как и другие русские пленные, сделался простым конюхом.

Спали мы тут же, в конюшнях, на сене. Возчики-немцы

добывали для нас пленной баланды из общей кухни, но со дна котла, так что кое-как мы перебивались, и почти не голодали.

Отправка в лагерь

Сгубили меня „витамины“. Один из пленных-возчиков немцев, за лошадьё которого мне выпало ухаживать, похитил где-то с килограмм лука и дал несколько луковиц мне. Как раз в этот день немцы произвели обыск и нашли у меня лук. Не желая выдавать товарища, я придумал какую-то маловероятную историю, когда унтер-офицер пытался дознаться откуда у меня лук.

В результате, я получил страшное наказание: перевод из крепости в Шталаг № 320.

Впервые я увидел это жуткое место – огромный лагерь, обнесенный рядами колючей проволоки. Лагерь был построен примерно в двух километрах от Двинска и, по слухам, был рассчитан на 30.000 душ. Но, по причине большой смертности, в нем вряд ли было более десяти тысяч пленных.

Площадь лагеря была покрыта бараками, до самой крыши врытыми в землю. В бараках длиной метров в двадцать, по обе стороны прохода были сколочены грубые двухэтажные нары. В центре барака находилась маленькая печурка, вокруг которой обитали привилегированные пленные. Окон с боков не было вовсе, только спереди и сзади у дверей было по маленькому оконцу, освещавшему лишь концы барака. В середине же была крошечная тьма, только слабо озарявшаяся огнем из печурки, когда она топилась. На нарах лежали пленные, в большинстве доходяги.

Облик военнопленного

Я настолько ясно вижу образ типичного русского военнопленного второй мировой войны из разряда доходяг,

что хотел бы быть художником, чтобы увековечить этот образ в назидание потомству.

Я запечатлел бы на полотне существо, одетое в серую, мятую и грязную шинель, подпоясанное куском веревки (ремни немцами отбирались), или вовсе без пояса, – полуживотное-полускелет. На веревке подвешена закопченная консервная банка, служащая котелком. За плечами – солдатский вещевой мешок, почти пустой, или сумка от противогаза, с жалкими пожитками пленного, через плечо. На голове – летняя пилотка с опущенными на уши бортами, что делает лицо особенно жалким. Из-под пилотки глядят глубоко ввалившиеся, безразличные глаза. Скулы – землистого, темно-грязного цвета; воротник шинели всегда поднят, голова втянута в плечи. На ногах – опорки, редко кирзовые сапоги, или ботинки с обмотками. Шинель висит мешком на острых плечах доходяги (или кандидата в такового), всегда поднятых от холода. Руки обмотаны тряпьем или в остатках перчаток. Вещевой мешок пленный всегда носит с собой: оставишь в бараке – не увидишь больше.

П о л и ц а и

Лагерь был разбит на блоки, отгороженные друг от друга одним рядом колючей проволоки. Немецкие солдаты охраняли лагерь снаружи, внутренняя же охрана была поручена „полицаям“ из числа пленных. Они жили в отдельном бараке, много лучше и теплее полубараков-полуземлянок, где ютились рядовые пленные.

В то время, мне казался странным факт, что русские (этнически), в числе полицаев Шталага № 320 были исключением. В массе своей полицаи состояли из ингушей и чеченцев и, вероятно, из других кавказских народностей.

Очевидно немцы намеренно подбирали полицаев из нацменьшинств, в большинстве своем ненавидящих великороссов, как „поработителей“. Оправдывался расчет „службы со злостью“.

Полиции носили кожаные куртки или черные флотские бушлаты, синие диагональные командирские (слово „офицер“ тогда еще не было возвращено в армию) брюки-галифе и хромовые сапоги с короткими голенищами.

Вооружение некоторых полицейских состояло из плеток со свинцовым шариком на конце, другие предпочитали кусок толстого резинового шланга, а наиболее свирепые – кусок свинцовой трубы.

В этих людях не оставалось уже ничего человеческого, кроме внешнего облика. Чтобы быть полицейским в лагере военнопленных, нужно было быть полужверем, садистом, ненавидящим пленных, презирающим грязных, забитых, измученных голодом и лишениями доходяг.

Мне вспоминается случай, когда один из доходяг в очереди за баландой решил „спикировать“, что на жаргоне пленных означало попытку получить черпак баланды во второй раз. Очередь охранял один из самых свирепых полицейских. Заметив „пикировщика“, он вышиб ударом ноги банку-котелок из рук доходяги, баланда разлилась по снегу. Доходяга бросился на землю и стал лизать остатки баланды. Увидя это, полицейский двинулся на него со страшным, искаженным яростью лицом. Ему ничего не стоило настигнуть слабого доходягу, но он не торопился с расправой и стал играть с несчастным как кошка с мышью. Расставив руки, полицейский делал вид, что хочет поймать его. „Пикировщик“ метался из стороны в сторону. Полицейский наступал на него, делая броски в стороны с отвратительной маской на лице человека-зверя. Я до сих пор помню страшное выражение лица инквизитора. Оно состояло из бешенства, сочетающегося со сладострастием садиста, предвкушающего усладу расправы, удовольствие от терзания жертвы. Игра эта длилась минут две, пока свинцовая труба не опустилась на лицо несчастного.

Я так и не узнал, выжил ли бедняга, но помню, было много крови и его лицо выглядело кровавым месивом.

Ограду из колючей проволоки между блоками было поручено охранять украинцам. Немцы создали в крепости

батальон из пленных украинцев, с целью разжигания национальной розни и внушения им ненависти к покорившим их „москалям“. Украинцев держали в крепости отдельно, кормили лучше и заставляли маршировать по крепости и петь национальные украинские песни. Жестокость странным образом сочеталась в немецких солдатах с сентиментальностью и любовью к песне. Из наиболее расторопных украинцев немцы и создали внутреннюю охрану проволочных оград между блоками Шталага. Они получили ватные штаны, шапки-ушанки и даже оружие – русские армейские винтовки.

Пленным было запрещено подходить к проволоке и общаться с соседями по блоку. Мы были предупреждены, что если приблизимся вплотную к колючей проволоке, украинцы будут стрелять. Но многие из пленных не верили, что украинцы, вчерашние товарищи по плену, смогут выстрелить в своего брата-пленного и подходили к проволоке, разговаривали, занимались лагерной коммерцией: выменивали закурку на полбанки баланды, опорку – на пайку хлеба и т. д. Или только выкрикивали: „Рязанские есть?“, „Воронежские есть?“, „Казанские есть?“

Пленному, особенно колхознику, почему-то всегда хотелось узнать, нет ли поблизости его земляков, как будто это было важно для его существования.

И вот однажды вдруг раздался выстрел. Пленные у проволоки с недоумением увидели, как один из них упал с простреленной головой.

Не знаю, были ли подобные случаи в других блоках, пишу только о том, что видел собственными глазами. Странно, что мы не чувствовали ненависти к этим украинцам: голод может атрофировать у человека много чувств...

Лагерь смерти

Полагаю, что мне следует пояснить или напомнить читателю, что слово Шталаг (Stalag) означало Stammlager, т. е. основной, стабильный лагерь. Существовали также

рабочие лагеря (Arbeitslager) и временные, пропускные, сортировочные лагеря (Dulag или Durchgangslager).

Шталаг № 320 был по сути дела лагерем смерти, местом физического уничтожения пленных голодом, которое можно было уподобить уничтожению „унтерменшей“ в концентрационных лагерях Великого Рейха. Рабочих команд в нем почти не было, за исключением, разве, рабочих бригад внутреннего обслуживания, – бригады могильщиков и бригады „латринщиков“, о которых расскажу ниже. Поэтому и питание лагеря было рассчитано на медленное умирание. На нем стоит остановиться подробнее.

Баланда „вдоволь“

Утром раздавали „чай“ – типичный немецкий армейский настой из липового цвета, или из перечной мяты, только жиже и, конечно, без сахара. В обед – один черпак баланды. Вечером – самое главное – кирпич черного хлеба на 10 человек с таким же, как утром, чаем.

Поздней осенью 1941 года в баланде еще были лошадиные кости и молекулы конины, но с наступлением морозов питание стало катастрофически ухудшаться. Наконец, в конце января 1942 года, баланда стала почти несъедобной. Ее варили из совершенно гнилых и мороженых овощей, причем я видел сам, как повара бросали гнилую морковь в котел не только не чистя ее, но даже не моя, прямо с налипшей на нее землей. Тогда я впервые узнал, что из гнилых овощей самый плохой – картошка, ее жидкая гниль издает отвратительный смрад.

И вот, в это время в лагерь приехало начальство, видимо из Управления лагерей. Около раздаточных чанов с баландой, от которых шла нестерпимая вонь, была поставлена железная бочка. Хотя к тому времени мы уже едва передвигались от слабости, вызванной голодом, однако многие пленные выливали баланду в эту бочку, настолько она была несъедобна и вызывала у многих дизентерию или, в лучшем случае, расстройство желудка.

Немецкие офицеры инспекционной комиссии, присутствовавшие при раздаче баланды, думали видимо, что пленные сливают недоеденные излишки, а это значит, что питания больше, чем достаточно.

Могильщики и „латринщики“

Помню, в конце декабря 1941 года, смертность в лагере достигала 495 человек в день, или скорее, в ночь, т. к. почти все умирали именно ночью. Число умерших за ночь заносилось немцами мелом на черной доске, которую мы видели, когда нас выводили из блоков на главную дорогу для получения пищи.

Цифра 495, увиденная одним утром, сохранилась в моей памяти, но я не знаю, была ли она максимальной. Не удивительно, что лагерь никогда не мог наполниться.

Как я уже упоминал выше, в лагере было, помимо поваров и кухонных помощников, две рабочие команды: могильщики и „латринщики“.

В нескольких сотнях метров от лагеря были вырыты грандиозные братские могилы, метров 5 в ширину и метров 20 в длину каждая.

Попасть в команду могильщиков считалось за счастье, – им полагался лишний черпак более съедобной, чем наша, баланды и рабочая пайка хлеба, размер которой мне остался неизвестен.

В одном бараке со мной был молодой армянин Миша. До войны он был начинающим художником. Миша говорил мне, что если он выживет до конца войны, то непременно напишет картину, изображающую лагерных могильщиков за работой.

Представьте себе двухколесную тележку с бортами, наподобие тачанки с вынутым задком, на которую горой навалены голые трупы. На них нельзя было смотреть без содрогания: полускелеты, обтянутые желтой кожей, проваленные животы, лица, напоминающие скорее черепа, синие отмороженные ступни...

В оглобли тачанки впрягаются двое пленных, а с боков их товарищи привязывают обмотки за прутья повозки и тянут за них, низко пригибаясь к земле, как бурлаки на известной картине Репина.

Мечтой Миши-художника было изобразить море страдания на лицах пленных, тянущих повозку, сделать этой картиной нечто вроде символа немецкого плена...

Осуществил ли Миша свою мечту, мне не суждено было знать; я потерял его из вида перед отправкой на этап в Германию.

Другая рабочая бригада была команда „латринщиков“. Латринами немцы называли (и мы за ними) ящики вроде гробов, только глубже, с жердями по бокам для переноса, как у носилок. Эти переносные нужники ставились в конце каждого блока и ими пленные должны были пользоваться, т. к. уборных в лагере для пленных не было вовсе.

На морозе эти латрины обрастали желтым льдом и делались невероятно тяжелыми.

Никогда не забуду как однажды среди ночи мне потребовалось освободиться от выпитого на „ужин“ чая с добавкой, и я поплелся к латринам. Накануне выпал снег, было тихо, и ярко светила луна. Около ближайшей к бараку латрины я увидел торчашую из снега голую руку со скрюченными пальцами. Зрелище было поистине жутким.

В последующие дни я узнал, что некоторые пленные замерзали около латрин, особенно те, которые страдали поносом. Кроме того, многих умерших в бараках сами пленные просто сволакивали к латринам и оставляли там. Трупы постепенно засыпало снегом и про них забывали.

В этом был нехитрый расчет: поскольку учет умерших (единиц) велся по числу трупов, вывезенных на повозке могильщиками, стащенных к латринам не учитывали, и старшой барака получал на них хлеб, который выдавался ему на весь барак по числу „живых“ единиц. Лишний хлеб он, конечно, присваивал, уделяя долю своим помощникам-корешам.

В нашем бараке был такой случай: одного доходягу приняли за мертвого и, моментально раздев его, выволокли голым к латринам, а ночью он приполз обратно, видимо, очнувшись от холода. Как я уже упоминал, умерших вытягивали из бараков нагими: живые соседи бросались на умерших и вмиг раздевали, чтобы их одеждой спасти себя от холода. Зима 1941-42 гг. была ведь особенно суровой.

Позднее, уже в лагерях Германии, я слышал от пленных, вывезенных из Двинска весной, что когда снег начал таять, в лагере поднялось неимоверное зловоние от трупов вокруг латрин и от самих заброшенных латрин.

Курение – смерть

Одним из самых страшных врагов пленных был табак. Сколько десятков тысяч людей погибло в плену из-за курения, подсчитать трудно. Каждый день мне приходилось видеть закоренелых курильщиков, которые выменивали и без того жалкие пайки хлеба на щепотки махорки, обрекая себя этим на более быстрое истощение и смерть. У курильщиков была своя терминология. Существовали, например, три „стадии“ докуривания, когда один курильщик кланчит у другого дать ему докурить: первая – дать „бычок“ (окурок), вторая – дать затянуться, и третья – дать „губы обжечь“, – самая ничтожная.

Я вспоминаю маленького, очень интеллигентного человека, который был, как говорили, профессором геологии в каком-то институте, и который попал на войну так же, как и я, – в ДНО – (Дивизия Народного Ополчения). Не будучи вовсе приспособленным к тяжелым испытаниям плена, он медленно убивал себя, выменивая пайки хлеба на закурки. Когда я только-что прибыл в лагерь, я видел как он умолял курильщиков дать „губы обжечь“. Позднее я слышал о его смерти...

Такие ценные, интеллигентные люди как он, как правило, погибали прежде других, если не имели закалки и крепкого здоровья.

Хищники

Но находились и такие, которые не только успешно выживали, но даже умудрялись не голодать и „наедать ряжку“. К ним относились, естественно, отбросы общества, людской мусор – урки, а также особого типа люди с сильным характером, приспособляемостью и каким-то особым умением „подхода“ к людям, какой-то, как теперь говорят, „пробивной способностью“. Для этого не требовалось быть ни умным, ни интеллигентным, а нужно было быть хитрым, хищным и знать этот „подход к людям“ (который для меня лично всегда останется чем-то недостижимым). Ведь умели же некоторые личности, поговорив как-то с поваром, сразу попасть работать на кухню, а другие, потолковав со зверем-полицаем, сами делались лагерными полицейскими.

Так как у меня таких качеств не было, единственно, что спасало меня в плену – это мое крепкое в то время здоровье и хорошая закалка, полученная в полные лишения годы студенчества. Тем не менее, у меня плен подорвал здоровье, не говоря уже о гибели зубов.

Места у печурок в бараках были заняты, конечно, хищниками, чаще всего урками. У них даже были свои денщики, которых звали „служками“. Они охраняли вещи урок, чистили их одежду от грязи и вшей, варили им чай и бегали на посылах. Урки в условиях плена были в привычной атмосфере и быстро выбивались вверх. У них было по несколько ручных часов, выменянных, украденных или просто отобранных, золотые коронки и зубы с трупов (и даже с живых), а также деньги, хлеб, курица, одежда. У них были приятельские отношения с полицейскими, которые пускали их „пикировать“ и получали от них часы, деньги, золотые вещи и пр.

Рынок-толкучка процветал в лагере. На нем можно было достать полбуханки хлеба за диагональные брюки, или выменять суп на закрутку, или купить часы за пачку папирос, или продать свою золотую коронку за пару опорков.

„Колхозники“

Вспоминая лагерь, мне приходит мысль, что если бы у немцев было чувство человечности, сострадания к пленным, они легко могли бы спасти весь лагерь, не затратив для этого ничего.

Дело в том, что каждое утро перед воротами лагеря толпились десятки латышских крестьян, просящих отпустить им пленных для помощи в хозяйстве. Осенью немцы еще отпускали пленных крестьянам, но потом перестали, объясняя это участвовавшими случаями побегов окрепших у крестьян пленных.

В феврале 1942 года немцы стали отбирать пленных у латышских крестьян и сгонять их обратно в лагерь. Для нас, доходяг, было странно видеть краснощеких, упитанных „колхозников“, как мы их окрестили. Они привозили с собой запасы хлеба, сала, крупы и табака. Все эти богатства у них безжалостно отбирали полицаи и урки.

Что такое голод

Поговорку „сытый голодного не разумеет“ я понял по-настоящему в плену. Я убедился в том, что голод может вернуть человека в первобытное полудикое состояние, пробудить в нем зверя, подчинить его себе, отнять у него способность рационально мыслить. Понять меня до конца способен только человек, который сам испытал длительное голодание в подобных условиях, в которых испытал его я. Мой нормальный вес до плена был 80 кг. После тифа, о котором напишу ниже, я весил около 45 кг, т. е. потерял почти половину нормального веса.

Слову „голод“ можно дать несколько определений. Самое распространенное, житейское понятие голода, это – щемящее чувство в желудке, вызванное потребностью организма в питании. В условиях немецкого плена голод требовал бы специального определения, если кто-нибудь захотел бы определить это состояние.

Голод в Шталаге № 320 был явлением патологического характера. Голод был болезнью, кошмаром, мукой, навязчивой идеей, преследовавшей нас от подъема до отбоя. Сон был единственным спасением от голода, т. к., к счастью, человек не испытывает мук голода во время сна. Напротив, во сне мы наслаждались поеданием сказочных яств в таком фантастическом разнообразии, которое может нарисовать только воображение голодающего.

Голод в нерабочем лагере – это вечное ожидание. После подъема ждешь полдня, чтобы получить черпак баланды. Всю вторую половину дня считаешь часы и минуты до свистка на ужин, состоящий из пайки хлеба и липового чая.

Ритуал дележки

Хлеб был очень плохой, с примесью древесных опилок, количество которых увеличивалось пропорционально нарастанию успехов зимнего наступления Красной армии под Москвой. Тем не менее, и этот хлеб нам казался таким вкусным, что мы смаковали каждую крошку.

Получение хлеба вечером было главным событием дня. Буханку-кирпич черного хлеба выдавали в ту зиму на 10 человек. Сразу весь лагерь делился на хлебные кучки по десять человек и мы приступали к священнодействию дележки.

Теоретически у нас не могло быть ножей: все металлические предметы, кроме безопасных бритв без лезвий, немцы отбирали при обыске поступающих в лагерь. Но ведь русской смекалке и изобретательности нет предела: пленные умудрялись проносить ножи и даже бритвы через все обыски; многие делали ножи из кусков железа, найденных случайно или оторванных от чего-либо.

Уже здесь, в Америке, я читал замечательный рассказ „Распятие“, о том, как один пленный, найдя где-то железку, старательно отточил ее на камне и вырезал из куска дерева восхитительную фигуру Христа на кресте.

Таких пленных художников и скульпторов приходилось видеть и мне. Да и самому в поздние годы плена довелось сделаться умельцем, научившись мастерить кольца из монеты, браслеты из пластиковых ниток, и комнатные веревочные туфли из ниток обыкновенных мешков. Пара таких туфель и браслет долго хранились у меня после плена.

Из десятки выбирался делильщик, обычно пленный с приличным ножом – складным или самодельным, но обязательно острым. Разделить кирпич хлеба на 10 равных частей не так-то просто. Поэтому делильщик выравнивал порции, отрезал крохотные кусочки от одних и добавлял их к другим. Остальные пленные теснились около делильщика и подавали советы: „добавь сюда“, „отрежь отсюда“ и так далее пока, наконец, все 10 паек казались всем одинаковыми. Тогда один из пленных отворачивался, а делильщик, показывая рукой на пайку, спрашивал: „кому,“ и отвернувшийся говорил: „Петьке“, „Сережке“, „мне“ и т. д.

Вспоминая сцену дележки хлеба, мне приходит на ум мудрая пословица пленных: „В чужих руках . . . (нецензурное трехбуквенное слово) толще“. Нужно было пережить голод немецкого плена, чтобы убедиться в справедливости этой „пословицы“: какую бы порцию пленный не получал, всегда все остальные казались ему крупнее, и часто наиболее слабые доходяги начинали тогда хныкать, а менее слабые матерились.

Конечно, порции были одинаковые и подозрения были плодом нашего больного воображения, ибо голод – это болезнь, болезнь страшная, действующая на психику человека, отнимающая у него гордое название „человек“.

Съесть или не съесть?

Следующие за получением хлеба моменты были самые отрадные и самые мучительные за весь наш пленный день. Приятные – потому, что мы смаковали каждую

крошку хлеба, казавшегося нам вкуснее всего в мире; мучительные – потому, что начиналась борьба со страшным искушением съесть сразу весь свой хлеб без остатка. Начинался жестокий конфликт сознания с голодом, мозга с желудком, мыслящего человека с голодным зверем.

Сознание говорило: „Оставь хоть маленький кусочек на утро, чтобы не пить пустой чай, чтобы подольше растянуть жизнь!“ Желудок же не переставал твердить: „Дай мне весь хлеб сейчас же, немедленно! Мне все равно, что будет завтра, я хочу хлеб сегодня, сейчас!“

Я часто наблюдал за товарищами со стороны, и ясно читал на их лицах с проваленными щеками эти муки конфликта с самим собой, которые я переживал сам. О себе могу сказать, что иногда побеждала сила воли, и я оставлял кусочек на утро, бережно завертывал его в тряпицу и прятал на груди или на дне противогазной сумки, с которой никогда не расставался. Иногда же верх одерживал голодный неразумный зверь и... пайка уничтожалась мной в несколько минут.

До сих пор я не знаю, имело ли значение это откладывание на утро для продления нашей жизни. Дело врачей – ответить на этот вопрос, но в ту пору откладывание казалось нам чрезвычайно важным и те, которые утром пили пустой чай, чувствовали себя вдвойне несчастными и обманутыми судьбой.

Неожиданное счастье

Только раз мне довелось поесть чего-то, показавшегося мне еще вкуснее опилочного хлеба. Однажды утром, стоя у проволоки, отделяющей барак от главной дороги лагеря, я заметил повозку – немецкий фургон, и на облучке – пленного возчика, того самого, за чьей лошадью я ухаживал в крепости и за лук которого я поплатился отправкой в лагерь. Я окликнул его по имени, он остановил лошадь у проволоки и с трудом узнал меня

в полускелете. Время приближалось к обеденной баланде и он сказал мне: „Вот что, Серега, когда будут выдавать баланду, подойди к углу кухни, – я тебе подкину банку“.

Мне повезло, что полицейай, не заметил как я уклонился с пути к раздаче. Возчик передал мне большую четырехлитровую банку из-под немецкого джема, который получали солдаты охраны. Банка была почти полна, и не баландой, а супом полицейав и переводчиков.

Хотя полицейай-конвоир и видел, как мне была передана банка, он сделал вид, что не заметил, – возчики пользовались у полицейав и поваров большим уважением: у возчиков были и папиросы, и хлеб, и деньги.

Полученная банка супа была для меня целым событием. В супе было много овощей; особенно понравился мне гигантского размера горох. Я поделился супом с моим тогдашним товарищем по бараку, и мы упивались своеобразным вкусом этого, будто бы импортированного немцами из Аргентины, гороха, величиной с черешню. Конечно, четырехлитровую банку мы прикончили в один день, несмотря на сузившиеся от голода желудки. Насколько помню, ни я, ни мой товарищ не заболели, каким-то чудом, от такого количества еды.

Кулинарный мазохизм

Многие из пленных имели гадкую привычку углублять муки голода себе и другим разговорами о еде. В длинные зимние вечера, после отбоя, они начинали кулинарные беседы. С упоением они вспоминали о рождественских и пасхальных столах, о самых лакомых блюдах, которые им известны, о том, как они едали в хороших ресторанах до войны, и как лучше приготовить то или иное кушание.

Слушая эти разговоры, и беспрерывно глотая слюну, я принял самое серьезное и окончательное, как мне в то время казалось, решение: если я переживу плен, я посвящу всю остальную жизнь... еде. Я чуть не поклялся себе, что еда будет занимать у меня первое место среди всех радостей человеческой жизни.

Теперь мне смешно вспомнить о том решении, теперь мне ясна его патологическая сущность.

Людоедство

В январе 1942 года по лагерю поползли слухи о случаях людоедства. Говорили, что у некоторых трупов, которые сволокивали к латринам или к повозкам мертвецкой команды, были вырезаны ягодицы. Мне не довелось видеть такие трупы, но зная власть голода над людьми, я склонен верить этим слухам. В условиях нормальной жизни человеку трудно представить себе возможность пожирания людьми кусков, вырезанных из истощенных, грязных трупов. Только голод-болезнь в условиях плена у гитлеровских „сверхчеловеков“ объясняет возможность этого ужаса.

Еще враги

За всю зиму 1941-42 годов нас ни разу не водили в баню. И, насколько помню, в лагере вообще не было бани для рядовых пленных.

В крепости, до лагеря, когда я работал на конюшне, немцы, боясь завшиветь от нас-конюхов, устраивали нам нечто вроде походных бань с почти холодной водой, в которых главную роль играло прокаливание нашей одежды с целью уничтожения вшей и гнид. В то время у меня еще был мой старенький бумажник с профсоюзным билетом и кое-какими бумагами. Помню, что от первого прокаливания его кожа стала твердой, как панцирь рака, и его пришлось выбросить.

В лагере же, из-за отсутствия самой элементарной гигиены, у нас развелось ужасающее количество вшей. Те, которым удавалось пробиться к печурке, раздевались и щёлкали сотни копошившихся в одежде паразитов. Далеко от печурки это делать было трудно из-за холода,

но легче, благодаря свету от оконца. Помню, что особенно мучительно кусали вши вокруг талии. Они заставляли меня не раз раздеваться вдаль от печурки и, дрожа от холода, с гусиной кожей, я принимался за дело их уничтожения. Признаюсь, это не было противно, а скорее приносило удовлетворение – шла расправа со злым врагом.

Не раз, щёлкая вшей, я думал, как хорошо было бы, если бы я мог давить вот так, между ногтей больших пальцев, немцев, полицаев, поваров, урок и иже с ними...

Но среди нас были совершенно ослабевшие доходяги, у которых не хватало сил бороться с насекомыми обычным способом. Одна сцена врезалась мне в память: как-то на утренней поверке я заметил двух доходяг, которые обметали друг другу шинели снаружи голиком (жесткий веник). Подойдя ближе, я увидел, что шинели несчастных были даже снаружи покрыты вшами. Я еще не знал, что можно завшиветь даже с наружной стороны одежды.

Я заболеваю тифом

С тех пор я еще настойчивее старался освободиться от ненавистных вшей. Но мои усилия пропали даром. В лагере началась эпидемия сыпняка, этого верного спутника вшей. И в один, далеко не прекрасный день, я почувствовал озноб и потом, в жару, потерял сознание.

Очнулся я – через какое время не знаю – в лазарете. Представьте себе милосердие высшей расы: для нас, жалких доходяг, потерявших образ человека, унтерменшей, был в лагере „шпиталь“. Так назывался барак, не врытый в землю, с дощатым полом, который служил нарами, или низкими нарами, – не помню. Нары (или пол) были покрыты грязной, слежавшейся, вонявшей испражнениями и карболкой соломой, на которой мы и лежали вповалку. У меня сохранилось мало воспоминаний об этом „шпитале“, т. к. не менее двух недель я провел в бреду, на грани жизни и смерти, о чем я позднее узнал от санитаров из пленных.

Парадокс сыпного тифа

Сыпной тиф всегда представлялся мне тяжелой, опасной и изнурительной болезнью. Не удивлю ли я читателя, если скажу, что, не считая периода, когда я был без памяти, я перенес сыпняк так же легко, как в нормальных условиях мы переносим насморк. Да и не только я. Оказалось, что по природе этой болезни, наиболее легко ее переносят именно истощенные голодом организмы. Как будто судьба или природа вознаградили нас, доходяг, сохранив большинству из нас жизнь и облегчив страдания от болезни. Увы, конечно, не всем.

А лагерная „аристократия“ – полицаи, солдаты украинского батальона охраны, переводчики из пленных, повара и кухонные помощники, работники лазарета для этой „аристократии“, – словом, все, кто был более или менее упитан, – умирали как мухи. Лагерная „аристократия“ жила в сравнительно нормальных условиях, в бараках с окнами, питалась из отдельных котлов, получала даже курево.

Многие из нас не могли скрыть злорадства, когда мы узнавали, что наши мучители из пленных, сами „дохнут как мухи“.

Я не знаю мнения врачей об этом феномене сопротивления сыпному тифу голодающих, и гибели от той же болезни упитанных. Может быть, возьмут мои слова под сомнение. Но я рассказываю о том, что действительно происходило в Шталаге № 320.

Не уберегла „аристократию“ относительная чистота и гигиена их лагерной жизни. И к ним проникали наши тифозные вши. В этом были виноваты и они сами: их губила собственная жадность.

Я видел, как один полицай засучил ради бахвальства рукава своего бушлата и показывал целую выставку ручных часов, надетых вплотную от запястья до самых локтей. Видимо этот полицай не доверял даже своим товарищам и боялся хранить награбленное в своем бараке, предпочитая всегда носить его при себе. Помимо часов,

колец и золотых зубов, полицаи не брезговали и носильными вещами. На эти вещи они выменивали через возчиков у латышских крестьян водку, сало, табак, или сами продавали вещи латышам, приезжающим к воротам лагеря за рабочей силой. Вот через эти вещи полицаи и другие лагерные „аристократы“ получали в подарок наших тифозных вшей.

К сожалению, я не располагаю цифрами жертв тифа Шталага № 320.

К моему счастью, после тифа, приблизительно в начале марта 1942 года, я попал на этап в Германию. Вероятно, это спасло мне жизнь, так как выжить на пайке, получаемой в Шталаге, после тифа, было очень мало шансов.

Запах смерти

Знаете ли вы, что такое „запах смерти“? У разных людей могут быть на этот счет совершенно разные ассоциации. Одни думают о запахе сырой земли свежей могилы, другие – о запахе лекарств, которые больной принимал перед смертью, третьи вспоминают запах крови от раненого, четвертые, может быть, ассоциируют смерть с запахом порохового дыма, пятые – с трупным запахом...

У меня – другая ассоциация.

На всю жизнь мне запомнился жуткий запах, который я мысленно и назвал „запахом смерти“.

Около „лазарета“ для пленных было место, род свалки, на котором каждый день сжигали одежду умерших от тифа. Главными из вещей были серые армейские шинели и опорки. Так вот, шинели, сделанные из грубой шерсти и кожа или керза опорок и создавали этот жуткий смрад, когда их жгли. Запах этот шел от вещей только что умерших людей, поэтому, видимо, он и стал для меня „запахом смерти“.

Этот запах долго преследовал меня в послевоенных кошмарах. Это был запах ужасов войны, запах преступления, которое люди „высшей расы“ совершали над моей родиной, над моим народом.

„Реставрации мы считаем противоисторичными, нереальными, фантастичными, а потому и реакционный активизм считаем нреразумной донкихотской борьбой с мельницами. Но мы думаем, что наш консерватизм открывает перед нами перспективы и надежды, глубоко отличные от безграничного революционизма и новаторства. Безрелигиозные политические и социальные новаторы считаются только с „телом“ России. „Души“ России для них нет. Они несутся „без руля и без ветрил“. У нас есть и руль и ветрила, и – якорь спасения. Мы на нем стоим, переживая штурмы истории. Мы знаем православную душу России, и мы приложим все наши честные старания высвободить эту душу из подполья, в какое загоняют ее безрелигиозные режимы с тем, чтобы она, потеряв свое старое внешнее оформление или воплощение, нашла себе новое и по возможности полное, или во всяком случае при всех режимных вариантах, проникала бы их хотя частично своими радио-лучами“.

А. Карташев

Последний этап

Это случилось в тысяча девятьсот сорок втором году. Это было в Кавказских горах под Нальчиком, где находился громаднейший лагерь НКВД. И были в нем заключены тысячи рабочих, крестьян, интеллигенции. Они строили военную дорогу через высокие утесы и глубокие пропасти, а в руслах рек промывали золотоносный песок. Каторжный труд выматывал и изнурял голодных и деморализованных людей до последней степени... Но то были уже не люди, а живые трупы, обмотанные черными тряпками, тяжелой нуждой и безнадежностью... И вывозили их каждое утро за зону и, как какую-то падаль, сбрасывали в яму и присыпали известью... А живых, которые не успели погибнуть, палачи гнали на работу и, подталкивая прикладами и штыками, кричали на них:

– А ну, контра, давай выходи!

– Это тебе не у тещи на блинах, а на строительстве НКВД!

– Дорога и золотой песок!

– Сталинская перековка и высокие проценты выработки!

– Давай-давай!

А которые не могли уже „давать“ и измученные падали на работе, тех пристреливали по дороге в лагерь или же привозили в Санчасть, откуда их на следующее утро выбрасывали в „братскую“ яму...

Это была каторжная работа имени Сталина. А с запада надвигался фронт и неутешительные вести для большевиков... На плакатах и по радио, в приказах начальства и прорабов – везде только и были слышны неумолимые и жестокие требования:

- Дорога и золотой песок!
- Золотой песок и дорога!
- Давай-давай!

Для начальства НКВД – награды и ордена, а для заключенных мучеников – страдания и смерть от пули энкаведиста или же от истощения на грязных нарах в бараке.

Когда же фронт перевалил через Кубань и в горах загудела немецкая канонада, а на горизонтах Нальчика загорелись величественные и грозные пожарища, НКВД засуетилось и в спешном порядке начало расстреливать несчастных. Почти две тысячи было уничтожено в течение последнего месяца. А потом на лагерь обрушилась страшная весть, что Сталин приказал уничтожить всех заключенных, концлагерь сжечь, а энкаведистам отступать в Грузию. И сразу в лагере потухло электричество, не стало воды, перестали готовить пищу, запретили хождение по лагерю. А еще через два дня разнесся слух, что концлагерь оцеплен войсками НКВД и на следующую ночь начнется расправа. Смерть раскрыла свои крылья, повисла над лагерем и страшной тишиной стала пытаться мучеников...

Смерть!

Верующие в темных углах барачных стояли на коленях и изливали из своих измученных сердец последние молитвы.

И случилось чудо! И заговорили громаы вокруг Нальчика, и вспыхнули грозными молниями над самым городом и концлагерем, и спустились из-за туч немецкие парашютисты, и принесли мученикам ответ на их молитвы... И был окружен отряд НКВД, и взяли его в плен, и освободили мучеников. А на утро следующего дня был суд над палачами.

Вывели заключенных из лагеря, выстроили их под горой, а потом вывели к ним из лесу связанных энкаведистов, поставили перед ними и переводчик скомандовал:

- Смирно!

И сразу наступила жуткая тишина. Полуденное солнце вышло из-за гор и заиграло на листьях деревьев и на черных лицах людей. Природа тоже молчала и казалось, что и она сегодня будет свидетельствовать против красных людоедов, для которых настал последний суд.

Прошли секунды, может быть минута. Тишина стала еще более напряженной. Казалось, что вот-вот она взорвется страшным громом и сметет с лица земли все человеческие злодеяния, все невыплаканные муки и скорби людей... Но подъехал немецкий танк и из него вышел полковник. Он подошел вплотную к заключенным и громко спросил:

- Вы знаете этих людей?

- Знаем! - выкрикнула человеческая масса.

- Это ваши палачи?

- На-а-а-а-ши-и-и-и-и-и! - еще громче и отчаяннее крикнули мученики и сразу же затихли.

- Переводчик, скажите несчастным, чтобы несколько человек вышли вперед и от имени всех вынесли приговор.

Вышел старенький священник, перекрестился на небо, взглянул на полковника, потом на своих вчерашних палачей, затем поднял кверху свои худые, словно две тонкие палки, руки и последним голосом выкрикнул заключенным:

- Христос Воскресе!

- Христос Воскресе!

- Христос Воскресе!

Последний выкрик зацепился за рыдания и оборвался в гортани старика.

Он побледнел, зашатался и упал на землю...

То не море стонало и билось о каменные утесы берега... То не буря ревела в ущельях и пропастях Кавказских гор... То тысячи мучеников ответили своему соузнику-брату:

- Воистину Воскресе!
- Воистину Воскресе!
- Воистину Воскресе!
- Вас ист дас?
- Это их пасхальное приветствие!

Кто-то громко рыдал и проклинал палачей... Другие счастливо всхлипывали и в радости обнимались друг с другом. Казалось, что море ревело, стонало и билось в сердцах освобожденных узников...

- Смирно!

- Смерть им! – еще выкрикнул кто-то сзади и сам свалился без памяти на землю.

- Начальство посадить на кол, а остальных – расстрелять!

Знал ли этот полковник о том, что и на его родине существовали подобные же концлагеря, в которых тоже мучили людей да еще загоняли их в газовые камеры, – неизвестно, но он коротко скомандовал:

- Автоматчики! Выполняйте приговор!

...Расходились бывшие заключенные с этого проклятого места, получив на пять дней питание. Приветствовали друг друга пасхальным приветствием:

- Христос Воскресе!
- Воистину Воскресе!
- Вы куда направляетесь?
- К семье на Украину... А вы?
- А я – в Орел.
- Ну, до свидания!
- До свидания!

С. Н. Палеолог

Вселенская держава*

Я кончил московский университет в один год с моим другом Александром Алексеевичем Колосовым, большим оригиналом, очень остроумным, образованным и начитанным человеком. Он отличался скромностью и обостренным чувством патриотизма и национализма. Колосов поступил в 1900 году на службу в кредитную канцелярию министерства финансов, я – в департамент общих дел. Почти одновременно мы были назначены помощниками столоначальника и козыряли друг перед другом важными делами, вершителями коих мы были в те счастливые дни. Колосов, однако, шел впереди меня: за два года службы его дважды со старшими чиновниками кредитной канцелярии посылали курьером отвозить кредитные бумаги. Раз в Париж, а другой раз в Лондон. Я о командировках не только в Лондон, но и в Царевококшайск не мог тогда и мечтать. Колосов постоянно жаловался мне на засилье инородцев в кредитной канцелярии и уверял меня, что скоро разучится говорить по-русски. Я, сознавая свою вину перед Колосовым (Палеолог – инородец), старался оправдаться перечислением старших чинов тогдашнего министерства внутренних дел. Министром у нас был Плеве, товарищем его барон Икскуль фон-Гильденбандт, командиром корпуса жандармов фон-Валь, директором

* Глава из книги „Около власти. Очерки пережитого“, Белград, 1928 г.

департамента общих дел Штюмер, вице-директорами фон-Бюнтинг и Финне; во главе земского отдела стоял Савич и т. д. Видя, что тузы нашего ведомства не могут ослабить огорчений Колосова, я называл ему по фамилиям состав нашего департамента. У нас в те времена служили: барон фон-Таубе, два барона фон-дер-Остен-Сакена, два барона Гревеница, бароны: Штакельберг, Нолькен, Клейст и Бистром; Штехер, Коцебу, Шульц, Миллер, Ман – большинство лютеране; далее шли поляки: графы Грабовский и Ледоховский, Мицкевич, Григорович, Ивицкий; французы: Паризо де-ла-Валет, Граве и Латернер – почти все католики; серб Савич; болгарин Дмитри; финляндец гр. Армфельд; греки: Ханжогло, Алфераки, Кондоиди, Хартулари, Челебидаки, Ревелиоти; итальянец Якоби; кавказцы: князя Андроников и Абашидзе; армянин Тер-Григорианц; были и русские. Мои речи мало утешали Колосова, и он мне наносил удары чинами кредитной канцелярии. Он почему-то думал, что директор Болеслав Фомич Мальшевский, вице-директор фон-Замен, начальники отделений: Менжинский, фон-Мебес, Кюхельбекер, фон-Зейме и такой же младший состав канцелярии затмевают собою наш департамент. Поле битвы осталось все же за мною в тот день, когда я объявил Колосову, что по протекции Б. В. Штюмера в наш департамент определен на службу Евгений Самуилович Фогель, сын кременчужского врача-еврея.

*

Однажды Колосов, не без гордости, сообщил мне, что он подал рапорт по начальству с просьбой, чтобы его принял по личному делу министр финансов Коковцев. Директор, вице-директор, начальники отделений всполошились и каждый в отдельности пытался узнать у Колосова, какое может быть у помощника столоначальника личное дело к министру? Сперва В. Н. Коковцев предложил своему микроскопическому подчиненному пе-

редать ему „личное“ дело через свое непосредственное начальство, но когда Колосов заявил, что дело у него конфиденциальное, то В. Н. Коковцев назначил ему аудиенцию. Между министром и помощником столоначальника произошел следующий диалог:

— Вы желали меня видеть? По какому делу?

— У меня просьба к вашему высокопревосходительству.

— Излагайте.

Я три года служу в министерстве финансов на иногородческих окраинах; хотел бы послужить в России.

— Я вас не понимаю. Мне доложили, что вы служите в кредитной канцелярии.

— Да, это верно. Но два года я пробыл в отделении, где служат одни немцы, и полтора года — в отделении у Менжинского, где, кроме меня, русских нет. Я хотел бы послужить хотя бы на русской окраине.

— А если я вас назначу в Сибирь?

— Буду глубоко признателен.

Через пол-года, после этого разговора, Колосов выдержал экзамен и был назначен податным инспектором в Читу, Забайкальской области. С тех пор а его никогда не видел.

*

Я рассказал этот эпизод совсем не для того, чтобы присоединиться к точке зрения Колосова. Напротив, случай с Колосовым дает основание опровергнуть ту неправду, которая тенденциозно распространялась в некоторых органах нашей печати и в заграничном общественном мнении, об угнетении в России некоторых национальностей. О немецком засильи у нас стали открыто писать со времени Великой войны. Следовательно, немцев мы никогда не угнетали. Но разве мы угнетали поляков, чехов, сербов, болгар, армян, греков, грузин, татар? Мы всех их и представителей других самых разнообразных национальностей, рас и вероисповеданий не только не угнетали, а, наоборот, принимали с распростертыми объятиями, окру-

жали заботой, вниманием, предоставляли им лучшие места, не только приглашали их в свое общество, сближались, роднились, но награждали титулами и возносили на верхи власти и влияния. У нас были целые уезды, заселенные сербами (Славяносербский уезд Екатеринославской губ.), были земледельческие колонии греческие, итальянские, немецкие, чешские; горнозаводские районы: уральский и южный, кишели французами и бельгийцами. В Крыму, заведую в 1915 году ликвидацией немецкого землевладения (самая высокая культура, какую я когда-либо видел в России), я обнаружил деревни с голландскими выходцами. Для всех у нас находилось место, все, кто хотел работать, благоденствовали, богатели, процветали и, что в особенности ценно, делались душой чисто русскими людьми.

Мы предоставляли все права и преимущества иностранцам, но мы иностранцами не угнетали хозяина страны – русского народа. Теперь же воочию убедились, чего добились те, кто обвинял прежнюю Россию в угнетении инородцев. Инородцы, захватив власть, взяли в клещи несчастный русский народ и ныне в триэссерии никто пикнуть не смеет о каком бы то ни было засильи.

*

Интересно вспомнить, кого принимала Россия и кто пользовался ее более длительным гостеприимством.

Искреннюю радость и глубокое удовлетворение испытывает каждый русский человек при мысли о том, что Державный Хозяин братской и родственной страны, давшей в годы нашего лихолетья такой сердечный и теплый приют десяткам тысяч русских беженцев, Его Величество Александр I, Король Сербов, Хорватов и Словенцев был в свои юные годы почетным Гостем Русского Царя и воспитывался сперва в Училище Правоведения, а затем в Пажеском Корпусе. Его Величеству были отведены для жительства покои в Зимнем Дворце. Родной дядя Короля Александра I-го князь Арсений Карагеоргие-

вич был офицером Кавалергардского полка. Сын Сиамского Короля принц Чакрабон служил, вместе со своим другом Най-Пумом, в лейб-гвардии гусарском Его Величества полку. Уланами Ея Величества командовал принц Людовик Наполеон Бонапарт, в гродненских гусарах служил принц Хайме Бурбонский; герцоги Мекленбургские, Мекленбург-Стрелицкие, Лейхтенбергские, принцы Альтенбургские и Ольденбургские – породнились с особами нашей династии и были близки к Императорскому Дому. В Нижегородском драгунском полку служил принц Мюрат. Я увлекался одно время красивой и талантливой принцессой персидской Каджар. В кавказской кавалерии служило несколько близких родственников Шаха, принцев персидских с замысловатыми именами. Все поименованные герцоги и принцы, как представители царственных династий, пользовались у нас титулом Высочества.

Отрекшийся от престола предпоследний Шах персидский много лет жил, вместе со своей многочисленной свитой и гаремом в отведенной ему великолепной вилле на Малом Фонтане в окрестностях Одессы. Ежегодно на новый год и в день рождения Шаха одесский градоначальник в полной парадной форме приносил ему от имени Государя поздравление. Даже последний португальский король Эммануэль, после потери своей короны, только вследствие сурового климата, не обосновался в Петербурге. Я помню его изящную тоненькую фигуру во фраке в Мариинском театре, когда он, сидя в первом ряду партера, оживленно беседовал с министром Двора Фредериксом.

*

У нас при министре внутренних дел состоял генерал-от-кавалерии Чингиз-Хан, очень интересный собеседник и бывалый вояка; он сохранил чисто монгольский тип; я был с ним знаком лично. Он так искренне любил Россию и русскую культуру, что едва ли согласился бы возглавить

евразийское движение, в виду его фальши и искусственности. Чиновником особых поручений при казанском губернаторе был Шамиль, один из сыновей знаменитого Имама. Ему очень хотелось и не удавалось попасть в камер-юнкеры. Светлейшие князья Сайн-Виттенштейны служили в конвое Государя; они не говорили по-немецки и совершенно обрусели так же, как и жившие у нас представители других немецких властительных домов: князья Лихтенштейны, графы Фалькенштейны и бароны Стальфон-Гольдштейны. Светлейшие князья Грузинские и Имеретинские занимали высокие посты на государственной службе: св. кн. Грузинский был Виленским губернатором, а затем почетным опекуном, а св. кн. Имеретинский – Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками. Карым-Гирей был помощником Кавказского наместника. Св. князья Мингрельские, кажется, нигде не служили, но имели придворное звание. Граф Краинский – потомок владетелей Кроатии. Абаза – из господарей Валахии. Претендент на Албанский престол Кастриото-Скандербег-Дрекалович был тайным советником и сенатором. К числу других претендентов, при желании, можно отнести: Ватаци, Комненов-Варваци, кн. Кантакузен, Гика, кн. Дабижа, кн. Гедройц, князей Тундутовых, Стурудза, Кантемиров и др. Потомки ирландских королей, графы О’Рурк и Обриен де Ласси были инженерами. Представители всех этих исторических фамилий жили и процветали в России. Служили в наших войсках также: Ханы Иомудские (курды), Нахичеванские, Эриванские и др. На моей памяти в Петербурге умер отставной полковник русской службы престарелый князь Лузиниан, потомок королей Кипрских и Иерусалимских Гвидо-Лузинианов, получивших престол после одного из крестовых походов. Они вели свое происхождение от владетельного дома Пуатье, считавшего своей родоначальницей фею Мелузину, покровительницу Франции.

*

Быть может, Россия покровительствовала только белой кости и голубой крови? Как будто, нет. Мы выдвигали и оценивали всех не по крови, а по заслугам и способностям. Сербы: Милорадович получил графский титул, он был героем Бородина, граф Дибич-Забалканский был фельмаршалом, а граф Зорич прославился как основатель кадетского корпуса в Шклове. Знаменитый защитник Баязета полковник Штоквич был тоже серб; на моей памяти целый ряд сербов занимали у нас выдающиеся положения: генерал Субботич был сперва приамурским, а потом Туркестанским генерал-губернатором и командующим в этих округах войсками; генерал Бабич был начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска; Катеринич был Харьковским губернатором, шталмейстером, а затем сенатором; сенаторами были: Маркович, Вуич, Коростовец и Живкович; другой Живкович был герольдмейстером, а третий брат был в свите Его Величества генерал-майором. В самом блестящем гвардейском гусарском полку служили в чине полковников сербские выходцы: Княжевич, впоследствии свитский генерал и Таврический губернатор, и Шевич; Булатович из поручиков ушел в монахи. Два брата Мирковичи служили в Преображенском полку, а затем были вице-губернаторами. Командующим Императорской главной квартирой был генерал-адъютант Максимович; генерал Мешетич был начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа; генерал-лейтенант Томич был членом совета министра внутренних дел; один Савич управлял земским отделом нашего министерства, а другой был сперва начальником штаба корпуса жандармов, а потом Киевским губернатором. Были известны инженеры на больших постах: Югович, Вукотич и Милошевич. Был серб известный губернатор Янович, впоследствии сенатор. Депрерадович был предводителем дворянства. Советником губернского правления в Твери служил граф Симонич – серб. Графы Подгоричане-Петровичи – далматинцы, служили на военной службе; генерал Дабич командовал полком гвардейских конно-гренадер.

Одним из пехотных полков командовал Алкалай Кара-георгиев. С большинством из этих лиц я был знаком лично. Все они говорили о своем сербском происхождении, но сильно обрусели. Интересно, что наша врожденная любовь к Сербии и таланты перечисленных лиц выдвинули их в первые ряды лучшего русского общества, как и болгар: командующего армией Радко-Дмитриева, директора департамента полиции Моллова и многих других.

*

Разве мы угнетали поляков или не давали им хода? Нет. Вся родовая польская аристократия: князья Свято-полк-Мирские, Радзивиллы, Сапеги, Сангушки, Пузыны, Любомирские, Друцкие-Любецкие, Масальские, графы Велепольские, маркизы на Мирове Гонзаго-Мышковские, графы Потоцкие, Замоиские, Броэль-Плятеры, Пршездецкие, Ржевусские, Лубенские – все были обласканы при Дворе, имели высокие придворные чины и звания; многие из них занимали видные, влиятельные и почетные должности на государственной службе. Супруга министра Двора графа Фредерикса была полька Ядвига Эмильевна. Дочь государственного контролера Тертия Ивановича Филиппова вышла замуж за генерал-контролера поляка Корибут-Дашкевича. С. А. Поклевский-Козелл до сих пор русский (белый) посланник в Румынии. Трем братьям Поклевским-Козелл принадлежали огромные богатства на Урале. Наши ведомства: путей сообщения, горное, лесное, акцизное и частью судебное включали в свой состав большое количество полезных для России поляков. Строитель Николаевского моста – Кербедз; его сын был председателем правления Владикавказской железной дороги; известные строители железных дорог: Быховец, Стульгинский, гр. Лубенский, Подгурский, Свенцицкий, Урбанский; министр путей сообщения Кригер-Войновский; члены инженерного совета: Станислав Игнатьевич Бекзецкий и Станислав Константинович Куницкий; на-

чальник Закавказских железных дорог Фердинанд Донатович Рыдзевский, управляющий Гербы-Келецкой железной дорогой Владислав Леопольдович Якубовский, начальник работ Петербургского порта т. с. Владислав Юлианович Руммель, председатель порайонного комитета д. с. с. Генрих Осипович Лесинский, помощник начальника Московского округа путей сообщения д. с. с. Люциан Иванович Корчинский, инспектор судоходства д. с. с. Владимир Корнелиевич Бржеский, помощник начальника Северо-Западных железных дорог Жолкевич, начальник Уральского горного округа т. с. Боклевский, председатель горного совета т. с. Иосса, директор лесного департамента Кублицкий-Пиоттх. Ряд поляков были видными сенаторами: первоприсутствующий Желеховский, Глищинский, Малаховский, Дыновский, Рыдзевский, Бентовский (б. тов. министра иностранных дел), Трусевич, Чарторийский, Завадский; известные профессора: т. с. Зеленский, Петражицкий, Фойницкий; адвокаты: Ледницкий, Спасович и пр.; прокуроры: Томашевский, Зубелевич и др. Много поляков и лиц польского происхождения служило на видных административных постах: Виленский, Ковенский, Гродненский генерал-губернатор Кршвицкий, Иркутский – Пильц; помощник Финляндского генерал-губернатора – Липский; губернаторы: Пермский – Цехановецкий, Ставропольский – Янушкевич, Тифлисский – Любич-Ярмолевич-Лозина-Лозинский, Вологодский – Лаппа-Старженецкий, Кутаисский – Словачинский, Акмолинский – Масальский-Кошура, Карсский – Сущинский, Дагестанский – Вольский, Елизаветпольский – Подгурский. Киевский полицмейстер – Цихорский, Петербургские – генералы Галле и Дворжицкий. Высокие посты в армии часто занимались поляками. Командующими войсками округов были: полные генералы, Московского – Мрозовский (Иосиф Иванович), Казанского – Сандецкий (Александр Генрихович), Виленского – Гурчин; командиры корпусов: Крживоблоцкий, Церпицкий, Клембовский (Наполеон) и Войшин-Мудрас-Жилинский. Начальники кавалерийских дивизий: Довбор-Мусницкий,

Серпутовский, Желиговский, Орановский, Ржевусский, Карницкий, Пржевлотский; наказный атаман Амурского казачьего войска и военный губернатор Амурской области Громбчевский, генерал Кондзеровский служил в главном штабе. Бронеvский был советником посольства в Берлине. Иосиф Иосифович Падеревский, брат бывшего президента Польской республики, был талантливым учителем математики моей жены в полтавской гимназии. В центральном управлении министерства внутренних дел при мне служили: директор канцелярии Столыпина Иосиф Грацианович Кноль, директор департамента полиции Добржанский, члены совета министра: Пестржецкий, Зайончковский, Пшерадский; князь Масальский был директором департамента в министерстве земледелия; директор департамента духовных дел – Болеслав Петкевич. Блистала балерина Кшесинская в нашем балете. Значительное количество офицеров лучших полков нашей кавалерии были поляки, некоторые гвардейцы состояли в свите Государя – графы Пшездецкий, Веліпольский и Замойский. Последний в печальные дни отречения Государя Николая II проявил все качества, свойственные истинному поляку, рыцарю без страха и упрека, джентльмену и достойному носителю этой знаменитой аристократической фамилии.

*

Есть ходячее мнение, что у нас не давали хода евреям и угнетали их, не допуская на государственную службу. Надо признать фактом, что многие евреи выдвинулись и заняли выдающееся положение на поприще свободных профессий: в журналистике, адвокатуре, профессуре, медицине, торговле. Но и на государственной службе многие пробили себе дорогу и заняли высокие посты. Знаменитый русский канцлер и министр иностранных дел времен Николая I граф Нессельроде родился от отца бельгийца и матери франкфуртской еврейки. Его потомки были видными русскими государственными деятелями.

Еврейская кровь была у министра финансов Николая I графа Канкрина, министра Двора графа Фредерикса и у потомков по женской линии вице-канцлера Петра Великого графа Шафирова (Шапира), обер-прокурора святейшего синода Самарина, бывшего московского губернского предводителя дворянства, и у члена государственного совета Семенова-Тянь-Шанского, что было заметно по их внешности. Также у члена государственного совета статс-секретаря Перетц, директора Александровского лицея шталмейстера Саломон; сенаторов: Гредингера, Утина, Позена и бывшего товарища министра юстиции Гасмана; вице-директора министерства юстиции Гальперина; заведующего церемониальной частью министерства Двора гофмейстера Кониара; у ряда дипломатов с фамилией Гирс – один был министром; потомки бывших придворных банкиров бароны: Штиглиц, Фелейзен, Каппер были тайными советниками; евреи члены суда: Саратовского – Тейтель, Архангельского – Варшавский и Пограничного – Мейер достигли – первый чина действительного, а два других – статского советника; начальником канцелярии управления Красного Креста был А. Д. Чаманский; в департаменте полиции служили: Гурович и Виссарионов – оба занимали высокое положение; И. Я. Гурлянд был членом совета министра внутренних дел, а А. О. Немировский – сперва Саратовским городским головой, а затем по выбору П. А. Столыпина – управляющим городским отделом министерства внутренних дел. Много было на государственной службе евреев среди инженеров, в особенности гражданских. Среди инженеров путей сообщения выделились: Верблюнер, Абрагамсон, Богуславский, Нахман и мн. другие. Лейб-медик Гирш, знаменитый харьковский окулист Гиршман, известные строители железных дорог: барон Кроненберг, Блюх, Поляков и Варшавский были тайными советниками. Солистом Его величества был венгерский еврей Ауэр. Действительными статскими советниками были: Проппер, Нотович, Вейнер (его сын служил в министерстве иностранных дел), доктор Гордон, знаменитый

профессор Захарьин, барон Гинзбург, профессор Лондон и банкиры – Манус и Утин. Бродские были предводителями дворянства в Екатеринославской губернии. Все перечисленные лица были талантливые люди, а большинство, и достойнейшие деятели.

*

Армяне иногда любили поплакаться, жалуясь на то, что их, будто, не выдвигали. А гр. Лорис-Меликов? Почти диктатор. Виленский генерал-губернатор Каханов, его родной брат, был товарищем министра внутренних дел; министр народного просвещения гр. Делянов; министр юстиции, впоследствии председатель государственного совета Акимов; знаменитые генералы: Батьянов, Лазарев, Тер-Гукасов; занимали высокие посты князя Аргутинские-Долгоруковы, ведущие свое происхождение от Ассиро-Вавилонских царей (Артахсеркс III-й Долгая Рука). Много армян служило в контроле – товарищем государственного контролера был армянин Меликов.

Никогда не жаловались на угнетение татары. Князь Юсупов был самым богатым человеком в России. Помню даровитых татар: первоприсутствующего сенатора Шахова, его племянника военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска генерал-лейтенанта Мустафина, перед тем известного туркестанского деятеля, а впоследствии одесского градоначальника; завоевателя Мерва Максут-Бек-Али-Хан-Аварского, проще генерала Алиханова; князей Чегодаевых-Татарских и Саконских. Командующим войсками в Одессе был генерал Эбелов. Начальник кавалерийской дивизии князь Девлет-Кильдеев; целая серия известных Туган-Мирза-Барановских, Казем-Бек-ов и многие другие занимали видные положения. Гарабурда служили в войсках.

Греки больше и успешно занимались коммерцией, но и из их рядов выделилось немало звезд первой величины: командующий войсками в Москве генерал Апостол

Спиридонович Костанда (его жена Агафокля Александровна); ставропольский губернатор Никифораки; начальник управления железных дорог инженер Плакида; советники посольства в Париже, очень богатые люди, Севастопуло и Базили; секретарь посольства в Лондоне Ону; Минский губернский предводитель дворянства, владелец многих тысяч десятин земли, камергер Папа-Афанасопуло; Одесский городской голова, тайный советник Маразли; Родоконаки, князь Мурузи, Маврокордато, член совета министра внутренних дел К. Д. Кафафов; графы Капнисты достигли высоких степеней. Интересно отметить, что граф Иоанн Каподистрия – впоследствии президент Греции – с 1816 г. по 1822 г. был русским министром иностранных дел.

*

Не только чехов, немцев, французов и шведов мы окончательно руссифицировали, но мы пригревали на своей широкой груди и португальцев, итальянцев, испанцев, голландцев, датчан и даже абиссинцев, делая из них чисто русских людей. Из итальянцев помню маркиза Паулуччи, бывшего кавалергарда и, как это ни странно, предводителя дворянства одного из уездов Казанской губернии; маркиза Кампанари, Камбиаджио – оба гвардейские офицеры; Приамурского генерал-губернатора шталмейстера Гондатти (сын унтер-офицера музыканта); управляющего казенной палатой в Москве Урсати; товарища управляющего государственным банком Цакони; начальника дворцовой полиции Герарди; генерала Грозмани; дипломата Персиани; председателя Владимирского окружного суда Сципиона-де-Кампо; старшего адъютанта главного морского штаба Зилоти, его брата, известного музыканта; полковника графа Карузо, вице-директора министерства народного просвещения Бертольди.

Чехи у нас прочно осели в ведомстве народного просвещения и работали в качестве агрономов. Чуть ли не четверть всего педагогического персонала в России, в осо-

бенности директора, инспектора и учителя классических языков в гимназиях были чехи. До сих пор просыпаюсь иногда ночью в холодном поту, видя во сне нашего латиниста Горела, заставляющего гимназистов 7 и 8 классов переводить Юлия Цезаря с латинского на греческий язык. Почти все дирижеры военных оркестров и многие профессора в консерваториях были чехи. Все помнят знаменитого дирижера Мариинской оперы Направника. Управляющими большими экономиями и сахарными заводами на юге были преимущественно чехи, немцы, поляки и латыши. Из чешских деятелей в России я знал педагогов: известного киевского директора гимназии Петра Поспишеля и ректора харьковского университета профессора Нетушила.

Из венгерцев при мне выделились: командир корпуса Эрдели, его брат был Минским губернатором; придворный художник Зичи, чины министерства финансов: действительный статский советник Орлбай и Белицай; судебные деятели: Подерни, Мессарош и Веселый-Весели; на военной службе были: граф Текели и Палавичини.

*

Особенными симпатиями и любовью при Дворе и во всех слоях русского общества пользовались представители кавказских племен и горских народностей. Я помню, какими щедрыми царскими милостями был засыпан Кавказ в 1902 году, во время празднования столетия присоединения Грузии к России; те же милости были дарованы и жителям Бессарабии в 1912 году, когда исполнилось сто лет присоединения к нам Бессарабии. Нужно ли перечислять фамилии всех храбрых кавказских генералов и даровитых гражданских деятелей, отличившихся на разных поприщах службы? Они и без меня всем хорошо знакомы. Назову несколько: князь Шервашидзе лично состоял при Императрице Марии Федоровне; высокие посты занимали князья: Орбелиани, Дадиани, Гуриэли, Цициановы, Чавчавадзе, Накашидзе, Дадешкельяни, Цулукидзе,

Микеладзе, генералы: Абациев, Карангозов, Баратов. Известна необычная карьера скромного жителя г. Кутаиса брадобрея Императора Павла I-го Кутайсова, впоследствии возведенного в графы. Его внук был на моей памяти Иркутским генерал-губернатором. Большое количество туземцев имели придворные чины и звания, много было фрейлин при Императрицах из кавказских аристократок. Нигде, кажется, Государя и Великих Князей народ не встречал с таким неподдельным энтузиазмом, как на Кавказе. Просто и непосредственно выражающее свои чувства население, понимало искреннюю любовь к нему и заботы об его благе Державного Хозяина Земли Русской. Среди бессарабцев своим русским патриотизмом известны: Крушеван, Пуришкевич и Крупенские. Московским губернатором был Кристи; молдованин Лев Аристидович Кассо был министром народного просвещения.

*

Коренные французы и французские эмигранты играли у нас не малую роль. К московской финансовой аристократии принадлежали всем известные: Брокары, Сиу, Ралле, Жиро и др. При министре внутренних дел Маклакове самым сильным кандидатом на должность Московского городского головы оказался Катаур, всеми уважаемый деятель, преданный России и русской государственности. Маклаков нашел неудобным, чтобы первопрестольную столицу представлял француз римско-католического вероисповедания. Велись длительные переговоры, пока в городские головы не попал М. В. Челноков. Мать Н. И. Гучкова, урожденная Вакье, была француженка и католичка. Всероссийскую известность приобрели французы создатели Одессы – Ришелье, Ланжерон и де-Рибас; писатель граф Салиас-де-Турнемир; министры путей сообщения: Гюббенет и Посъет; русский посол в Пекине Ласар; сенатор де-Каррьер; академики-архитекторы граф Рошфор и Сюзор; семья Бенуа. Начальницей Полтавского

женского института на моей памяти была г-жа Пезе-де-Корваль; Варшавский генерал-губернатор Скалон; Петербургский градоначальник Фуллон; знаменитый коннозаводчик граф Рибопьер; композитор инженер-генерал Цезарь Кюи; губернские предводители дворянства в Курске: граф Доррер и граф Монтрезор; начальник главного управления по делам печати, впоследствии сенатор, Бельгард, брат его был Орловским вице-губернатором; известная семья русских государственных деятелей Нейдгарт (их предок служил в армии Лефорта); московский губернский предводитель дворянства Базилевский и член совета министра внутренних дел Невианд, кажется тоже французского происхождения. Во флоте служил Патон-Фантон-де-Верайон; в гвардии: Дельсаль; Жирар-де-Сукантон командовал синими кирасирами; Шедевр, Дюбрейль Эшапан, Соваж, Геруа; Шарпантье командовал гродненскими гусарами; де-Вейль. В нашем министерстве: директор департамента полиции Брюн де-Сант-Гипполит и секретарь министра Анро де-Бюи Гинглятт, товарищ обер-прокурора Сената Евгений Иосифович Шарко; три брата Меранвиль де-Сент-Клер служили в корпусе жандармов. Один из них впоследствии восстановил свой титул маркиза; графы Шамборант, де-Бальмен, де-Роган, граф Тулуз де-Лотрек, Лакиер, графы Конде-Марквот Рейнгартен – служили в кавалерии; секретарем Дворянского банка был Мольво; в прокурорском надзоре служил И. К. Сабо; пермский выходец граф де-Парм был земским начальником в Харьковской губернии. По-французски он говорил плохо, по-русски с сильным малороссийским акцентом, зато малороссийским языком владел в совершенстве. Известны русские аристократические семьи: Петипа и Пуаре. Португалец де-Фарио е-Кастро состоял уездным предводителем дворянства по назначению в Ковенской губернии. Его отец был камергер португальского Короля, женившийся на русской на острове Мадере и затем осевший в России. Он кончил Александровский лицей и по-португальски не говорил. Граф Мендоза де-Бутело и Бутми де-Кацман были обрусевшими испанцами

и служили в кавалерии. Потомки шотландских рыцарей Лермонтовы служили в гвардии; граф Толь был Петербургским губернатором и членом государственного совета; генерал-адъютант Клейгельс был С.-Петербургским градоначальником.

*

Тульским губернским предводителем дворянства был датчанин фон Геника, его сын Ростислав Владимирович был профессором Харьковской консерватории; известная семья ученых и астрономов Струве, также датского происхождения. Помню румын: профессоров Бузескула и Гредескула. Выходцами из Голландии были: финляндский генерал-губернатор граф Гейден; известные генералы: фон-дер-Лауниц, фон-дер-Ховен, Левис-оф-Менар, фан-дер-Флит. Ван-Зон был земским начальником; его жена, рожденная графиня Комаровская, славилась, как знаменитая наездница; Бойе-ав-Геннес был Гродненским вице-губернатором, его сын служил в Конном полку. Англичане, три брата Крейтон служили в Преображенском полку; двое из них были губернаторами; генерал Шутле-ворт служил в генеральном штабе; Трувеллер – во флоте, а унтер-офицер Шервуд, выдавший при Николае I-м заговор декабристов, получил к своей фамилии добавку „Верный“; графы Барклай-де-Толли тоже английского происхождения. Родственник тибетского Далай-Ламы д-р Бадмаев был действительным статским советником; Ганнибал окончил училище Правоведения и был адвокатом; два абиссинца (родственники Негуса Менелика) состояли юнкерами Николаевского кавалерийского училища. Их привез из Абиссинии мой дядя, известный путешественник Н. С. Леонтьев, бывший улан Его Величества, получивший от Менелика графский титул за победу, одержанную в 1896 г. абиссинцами над итальянцами при Адуэ. В этой войне Леонтьев был главным военным советником Негуса, который назначил его потом генерал-губернатором экваториальных областей Абиссинии. Благодаря

полезной деятельности Леонтьева, у нас в начале этого столетия завязались добрые отношения с Абиссинией.

*

Говорить ли о немцах, после всего, что сказано о немецком засилье в 1914-1917 годах? Ведомства – иностранных дел, придворное и военное, высшая администрация, полиция и корпус жандармов были насыщены русскими прибалтийцами и другими немецкими выходцами. Многие из них сделались чисто русскими людьми, другие все же плохо говорили по-русски. Министры иностранных дел: Гирс (из немецких евреев) и граф Ламздорф; послы – в Лондоне: князь Ливен, Сталь, Медем, граф Бенкендорф; в Вене Гирс, в Берлине граф Остен-Сакен, в Японии барон Розен, в Берне Бахерахт. В самом министерстве иностранных дел – бароны: Нольде, Шиллинг, фон-дер-Пален и Таубе; Ваксель, Мартенс, Клемм и др. Все наши посольства, миссии, консульства кишели немцами. Называю по памяти: Поггенполь (Рим), бароны Унгерн-Штернберг (Париж и Вашингтон), Икскуль-фон-Гильденбандт (Афины), фон Мекк (Христиания), барон Гротгус (Пекин), фон Бах (Гаага), Саблер (Белград), Шелькинг (Лисабон), Циммерман (Джедда-Аравия), Тидеман (Чифу), барон Гейкинг (Лондон), Вальтер (Китай) и пр.

Так была представлена за границей православная Россия...

В придворном ведомстве служили: обер-гофмаршал граф Бенкендорф; Грюнвальд управлял конюшенной частью; Гессе был дворцовым комендантом; в конце 1916 г. помощником дворцового коменданта был Гроттен; театральной конторой управлял барон Кистер. Однажды меня командировали за справкой в военное министерство. Я посетил военного министра Ридегира, начальника главного штаба Эверта и генерала Эльснера. Из немцев все знают министров, кроме уже упомянутых: Бунге, Зенгера, Шванебаха, Шварца, Шафгаузена-Шенберг-Экк-Шауфуса, Саблера, Риттиха, Барка; председателями правительства

были: Витте и Штюрмер; генерал-губернаторами были: в Финляндии – Бекман, Герард, фон Зейн, в Прибалтике – барон Меллер-Закомельский, в Москве – Гершельман, в Вильне – Фрезе, Приамурский – Унтербергер, степной – Шмит, Туркестанский – Кауфман. Десять процентов всех губернаторов и вице-губернаторов были с немецкими фамилиями – большинство прибалтийцы; губернскими предводителями дворянства были: Нижегородский – фон Брин и Харьковский граф Ребиндер. У нас было шесть генералов братьев Зандер, два генерала Гилленшмидт, несколько генералов баронов Кульбарс, один из них – командующий войсками в Одессе; в Вильне командовал войсками округа Ренненкампф; Петербургские градоначальники: Грессер, фон Валь, Балк; помощники градоначальника: Фриш и Вендорф; Петербургские – губернатор граф Адлерберг, вице-губернатор Лилиенфельд-Тоаль; Московский градоначальник барон Медем; Ростовский на Дону граф Коцебу Пиляр фон Пильхау. Донской атаман: граф Граббе, а перед ним барон Таубе. Последний командовал ранее отдельным корпусом жандармов и при нем были: начальник штаба Гершельман, помощник его барон Медем, старший адъютант фон Маас и секретарь Гоппе. Когда я, по делам службы, был командирован в Москву, я застал: командира гренадерского корпуса генерала Экк, начальника штаба Плеве, градоначальника Райнбота, помощников его – Модля (чех) и Заккита (латыш); управляющего канцелярией Дуропа; председателя губернской земской управы Шлиппе; командира жандармского дивизиона барона Людингаузена-Вольф; полицмейстера барона Коттена. В Варшаве помощниками генерал-губернатора были: генерал Утгоф и Эссен; губернатор барон Корф, вице-губернатор граф Лидерс-Веймарн; прокурор судебной палаты Гессе; президент города камергер Миллер; обер-полицмейстер барон Нолькен; управляющий правительственными театрами фон Гершельман; начальник округа путей сообщений Гиршинг; начальник жандармского управления Имзен; управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен

и т. д. Многими гвардейскими полками и кавалерийскими армейскими командовали лица с немецкими фамилиями: Дерфельден, барон Мейендорф, граф Мантейфель, барон Бистром, барон Остен-Дризер, Гернгрос и проч.

*

Уместно перечислить в хронологическом порядке фамилии директоров самого аристократического у нас Императорского Александровского лицея со времени его возникновения в 1811 году. При Пушкине был Малиновский, затем последовательно: Энгельгардт, Броневский (поляк), Гольтгоер, Миллер, Гартман, барон Врангель, Фельдман, Саломон, барон Вольф и Шильдер. Из десяти директоров только один был из малороссов – Малиновский.

*

Особенно памятна мне командировка в Костромскую губернию. Я объехал и обревизовал в административном отношении все 12 уездов. Был в Костроме, Нерехте, Кинешме, Юрьевце, Макарьевске (на Унже), Кологриве, Варнавине, Галиче, Ветлуге, Чухломе, Солигаличе и Буге. Из 12 исправников только в Нерехте, Кологриве и Буге оказались русские, остальные восемь были поляки и один латыш. Когда о причине этого я спросил костромского полицмейстера, фамилию которого забыл, но имя и отчество помню ясно: Витольд Казимирович, – он мне объяснил, что бывший Вологодский губернатор Лаппа-Старженецкий, в свое время, привез с собою большое количество младших чинов полиции поляков и они, с годами повышаясь, стали постепенно рассасываться в соседние губернии на более высокие должности.

*

Итак, факты, имена и положения свидетельствуют о том, что мы никого, никогда не угнетали, а, наоборот, стреми-

лись сделать из России Вселенскую Державу. Теперь, познакомившись с границей, мы многому научились, и на опыте узнали, что значит демократический лозунг: „свобода, равенство и братство“. Есть ли еще, кроме старой России, хоть одна страна в мире, где так свободно жилось всем, где равенство и братство применялись не на словах, а на деле? Пусть на этот вопрос искренно ответит каждый, кто прочтет эти беглые строки. Они далеко не полны, но то, что написано, сообщено правильно. С детства я знал все эти имена, многих в жизни встречал, с большинством был знаком лично. Писался этот очерк без всяких документов и вспомогательных материалов, по беженскому положению, на память.

Мы широко и сердечно впитывали всех и вся, и думали, что Россия сама собою и естественно делается Третьим Римом. Враги наши, однако, не дремали. Величие России оказалось всем не на-руку, и в священном Кремле вот уже более десяти лет, при общем попустительстве, хозяйничает кровожадный третий интернационал... Не следует, однако, унывать, – историческая миссия России еще впереди:

„Перетерпев судеб удары, –
Окрепнет Русь...“

Но и теперь своевременно признать, что наша окраинная политика, в особенности с начала восьмидесятых годов прошлого столетия, велась не всеми правильно и дальновидно. В самой России мы искренно привлекали к себе сердца инородцев, не делая никакого различия между ними и коренными русскими людьми, и в то же время, обогащая окраины экономически, мы озлобляли их интеллигенцию мелочными, не нужными и раздражающими мероприятиями. Подбор русских деятелей и администраторов на окраинах бывал иногда неудачным. Они фатально и бессмысленно портили добрые отношения с инородцами. Теперь мы пожинаем плоды.

„Россию за границей ныне соединяют с коммунизмом, но мы имеем право говорить о христианской России, хотя, конечно, не Россия создала христианство и слишком многое в ней не было христианским. Русская эмиграция призвана возвестить миру не только о зле коммунизма, но и о том, что всякий народ может стать жертвой зла и в каждом народе есть силы добра и зла. Зло не национально; дело не в благонравии и культурности Запада и злонравии и варварстве Востока, но в безбожии, материализме, эгоизме и человеконенавистничестве, которые разъедают сейчас в большей или меньшей степени весь мир. Не народы должны теперь вести борьбу с народами, но сторонники добра со сторонниками зла, и нельзя отождествлять добро с одной только свободой, как это делает Запад. Свобода священна, но во имя чего? Говорят о христианской цивилизации, но каковы ее основы? Недостаточно осудить зло и кричать о его ужасе. Надо, чтобы добро было определено и конкретно и осуществление его последовательно. Запад, при всей своей доброй воле, крайне расплывчат в понимании добра и лицемерен в его осуществлении; его тянет свести всю трагедию мира к борьбе народов за земли и власть, тянет примириться с подлинным злом и терпеть его у самого себя. Есть даже миф, что коммунизм плох только когда он русский, а расизм только, когда он немецкий, что материализм и безбожие могут быть невинны и т. д. Мы русские хорошо знаем, что зло не зависит от окраски и начинается с общих идей, а кончается всеобщим уничтожением; но мы часто так загипнотизированы злом, что в свою очередь не в силах осознать в чем добро и положительный путь спасения“.

С. Верховской

МИТРОПОЛИТ ВИТАЛИЙ

**НАСТОЛОВАНИЕ
НОВОГО ПЕРВОИЕРАРХА РУССКОЙ
ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ**

Кончина Митрополита Филарета вызвала необходимость экстренного Архиерейского Собора, как для избрания нового Первосвященителя, так и для обсуждения

духовных и административных вопросов, возникших в связи с кончиной Владыки Филарета. Первое заседание Собора состоялось 7/20 января с. г. в день празднования св. Иоанна Крестителя Господня. Через день, когда Церковь празднует память священномученика Филиппа, Митрополита Московского и всея Руси, на заседании Собора на пост Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви был избран Преосвященный Виталий, Архиепископ Монреальский и Канадский.

Митрополит Виталий, в миру Ростислав Петрович Устинов, родился в Петербурге в 1910 г. в семье офицера Черноморского флота Петра Константиновича Устинова и Лидии Андреевны, урожденной Стопчанской, дочери жандармского генерала, всю свою жизнь прослужившего на Кавказе.

В 1920 г. Ростислав Устинов был определен в корпус, основанный в Феодосии генералом Врангелем. При отступлении Белой армии, молодой человек попал в Константинополь, а оттуда в Югославию, где учился в кадетском корпусе в Белой Церкви.

В 1923 г. мать будущего Первоиерарха выписала своего сына в Константинополь и оттуда с ним переехала в Париж, где поместила его во французский колледж имени св. Людовика, в городе Лемань. По окончании колледжа он вернулся к матери в Канны.

В 1934 г. Ростислав Петрович Устинов был призван отбывать воинскую повинность и был зачислен в 9-й кирасирский конный полк. Дослужившись до чина бригадира, молодой человек отказался продолжать военную карьеру и решил, покинув мир, поступить в монастырь.

Он поступил в монастырь преп. Иова Почаевского на Карпатах в 1938 г. В 1939 г. трудник Ростислав был пострижен в рясофор с именем Виталия, а через год – в малую схиму.

В 1941 г. в городе Братиславе о. Виталий был рукоположен архиепископом Серафимом, Берлинским и Герман-

ским, в сан иеромонаха с поручением ему окормлять из монастыря два села у границы Польши.

Вторая мировая война принудила монашеское братство покинуть свою обитель ввиду наступления красных полчищ. Иеромонах Виталий, в силу обстоятельств, оказался в Берлине, где вместе с архимандритом Нафанаилом развил широкую миссионерскую работу в среде русских беженцев и военнопленных. После окончания войны оба молодые священноиноки обосновались в северной части Германии, в Гамбурге, где для них открылось другое поле деятельности: спасение тысяч беженцев от принудительной репатриации в СССР. Хорошее знание иностранных языков, а особенно английского, отцами Виталием и Нафанаилом, в соединении с неистощимой энергией и настойчивостью, спасли жизнь множеству русских людей.

Обосновавшись в Гамбурге, игумен Виталий занялся устройством церковной жизни при лагере Фишбек. Там сразу же была основана барачная церковь с ежедневным кругом богослужений, полные псаломнические курсы и даже годовой курс богословских наук для 12 юношей. Одновременно с этим игумен Виталий собрал и небольшую монашескую братию, а также основал типографию, которая стала печатать для всех лагерных церквей Германии Великие сборники, молитвословы и даже «Почаевские листки».

С 1947 по 1951 год архимандрит Виталий пробыл на посту настоятеля Лондонского прихода; в 1951 г. в день апостолов Петра и Павла, он был посвящен в сан епископа с назначением в Бразилию. И тут в очень скором времени, молодой епископ открыл свою типографию и устроил небольшой приют для мальчиков, которые обучались богослужебному кругу при ежедневных службах маленькой обители.

В 1955 г. Владыка Виталий со своей братией был переведен в Эдмонтон в Канаду. В 75 милях от города он устроил Свято-Успенский скит, назначив одного из своих собратьев духовно окормлять весь север провинции

Альберта. Будучи назначен затем епископом Монреальским и Канадским, Владыка устроил монашеский скит в городе Мэнсонвилле.

В Монреале Владыка приобрел и очень благолепно устроил крупный по размерам собор. Прекрасный дом его монастырского подворья и резиденции находится недалеко от собора. В нем ведется громадная печатная работа маленького братства, изготавливаются свечи и, если позволяет время, даже подсвечники и лампы.

Возникновение нашего мира не есть следствие случайного взаимодействия физических и химических сил природы, а результат проявления исключительной творческой гениальности.

Размышления на эту тему изложены в брошюре

А. К. ТРОИЦКОГО

„О логическом пути познания первопричины бытия“

Цена брошюры 10 немецких марок

Заказы направлять по адресу:

**„Possev“-Verlag,
Flurscheideweg 15,
D—6230 Frankfurt/Main, 80**

ПРИГОВОР

ПО „ДЕЛУ“ В. Д. СОКОЛОВА-САМАРИНА

Суд штата Коннектикут вынес по „делу“ В. Д. Соколова-Самарина приговор, согласно которому „обвиняемый“ лишается гражданства Соединенных Штатов Америки. В обосновании приговора, датированном 2 июня 1986 г., речь идет о том, что В. Д. Соколов-Самарин обвинялся в введении в заблуждение комиссии ИРО и консульства США в Гамбурге при получении эмиграционной визы в 1951 году.

В этом обосновании указывается, что на судебном разбирательстве „дела“ конкретных доказательств вины В. Д. Соколова-Самарина **найден не было**. Не имея доказательств вины „обвиняемого“ суд избрал путь отыскания истины методом: „если бы, да кабы...“ Следуя этому методу, судья Т. Мэрфи пришел к заключению, что В. Д. Соколов-Самарин **не мог не совершить инкриминируемого ему поступка!**

Вот и все доказательство „**в и н ы**“, от которого у каждого здравомыслящего человека могут волосы встать дыбом!

В подтверждение того, что В. Д. Соколов-Самарин **мог бы** быть виновным, более половины обоснования приговора отводится рассуждениям о статьях „обвиняемого“, опубликованных почти полстолетия назад в газете «Речь», издававшейся в 1942-43 годах в городе Орле. Ни текста статей, ни цитат из них в обосновании не приводится. Лишь указывается, что по мнению обвинителя и суда, статьи эти следует считать антисемитскими.

Поскольку в ходе судебного разбирательства не найдено доказательств вины „обвиняемого“ по единственному пункту обвинения, суровый приговор В. Д. Соколову-Самарину вынесен только за то, что он писал в своих статьях (а может быть за то, что добавил к ним главный редактор-немец), в 1942-43 годах. Иными словами: состав „преступления“ В. Д. Самарина – его взгляды, высказанные более 40 лет назад.

Не говоря уже о том, что насколько известно, по законодательству США никто не может быть привлечен к судебной ответственности за взгляды, вывод судьи Т. Мэрфи относительно предосудительности – именно предосудительности, а не преступности, – этих взглядов, совершенно вздорный – ни одной цитатой вывод этот не подтверждается.

Вопрос можно рассмотреть и с другой стороны. На основании какого закона США, мог бы быть привлечен к судебной ответственности человек, рожденный в Америке, которого нельзя лишить гражданства, высказавший не только 40 лет назад, но вчера, те же взгляды, за которые В. Д. Соколова-Самарина лишили гражданства? Такой закон неизвестен! Следовательно, суд над В. Д. Соколовым-Самариным – явное беззаконие!

Но приговор – налицо. И приходится расценивать его, как результат „плодотворного“ сотрудничества Комитета Государственной Безопасности СССР и Отдела спецрасследований министерства юстиции США.

Если приговор не будет аннулирован высшей судебной инстанцией США, он станет прецедентом, на основании которого будет осуществлен дьявольский план КГБ, по которому все оставшиеся в живых русские противники коммунизма, нашедшие после войны приют в США, ставшие гражданами этой страны, должны подвергнуться преследованиям американских судебных инстанций.

Не случайно, в сообщении ТАСС, опубликованном в советской газете «Известия» от 12 июня с.г. указывается, что в США получили пристанище и „укрываются от возмездия, свыше 10.000 нацистских военных преступников“.

Речь идет не о немцах, а о **русских американцах** и только наивным глупцам может быть неясно, кто берется „на мушку“. И если приговор по „делу“ В. Д. Соколова-Самарина, вынесенный судом штата Коннектикут будет утвержден вышестоящим судебным органом США, следует ожидать лавину сходных „дел“ и сходных приговоров, жертвами которых станут тысячи русских американцев.

Перед русской общественностью не только США, но и всего свободного мира, во всей серьезности и категоричности встал вопрос о создании Международного Комитета защиты В. Д. Соколова-Самарина, деятельность которого должна основываться на тех же моральных принципах, на которых основывается деятельность многочисленных комитетов защиты академика А. Сахарова. К оказанию помощи этому Комитету должны быть призваны широкие круги общественности всех стран мира!

Инициативу создания такого Комитета должен был бы взять на себя Конгресс русских американцев.

*

Абсурднейшее и возмутительнейшее судебное „дело“ против В. Д. Соколова-Самарина стоило ему и его супруге не только колоссального нервного напряжения, здоровья, тяжких переживаний и мытарств, но и огромных денежных средств. Русская зарубежная общественность оказала через Конгресс русских американцев В. Д. Соколову-Самарину большую материальную поддержку, без которой он не мог бы выстоять (подумать только, последний счет адвоката составил около 25.000 долларов!), однако собранные средства исчерпаны.

Предстоит разбирательство „дела“ в следующей судебной инстанции, а вместе с этим предстоят и огромные расходы. Русское зарубежье обязано помочь В. Д. Соколову-Самарину не только морально, но и материально. Каждый русский, особенно те русские, жизненный путь и судьба которых, сходны с судьбой В. Д. Соколова-Сама-

рина призваны поддержать его по-совести материально.

Он ведет борьбу не только за себя, но за всех!

Чеки и почтовые переводы („монеи ордера“) следует выписывать на: C.R.A. – Civil Rights Defence Fund.

Чеки, а также письма, с выражением моральной поддержки, посылать по адресу:

Congress of Russian Americans, Inc.
P. O. Box 818, Nyack, N.Y. 10960, USA

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМИТЕТ ОЗНАМЕНОВАНИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

В Париже 8 марта 1986 г. был создан Западно-Европейский Комитет ознаменования тысячелетия крещения Руси. В Правление Комитета избраны: кн. С. С. Оболенский – председатель, А. Д. Шмеман – вице-председатель, Ю. П. Залесский – генеральный секретарь.

В состав Правления Комитета вошли: свящ. Михаил Арцимович (Западно-Европейская епархия Русской Православной Церкви за границей), свящ. Анатолий Ракович (Западно-Европейская Православная Архиепархия), В. С. Авьерино, Г. А. Дейша, Н. В. Жестков, З. Е. Залеская, О. А. Красовский, П. С. Никитин, Н. Г. Росс, М. А. Соллогуб, Н. П. Спасский.

На первом заседании Правления Комитета были назначены постоянные Комиссии Комитета:

Комиссия по вопросам информации и печати – председатель В. С. Авьерино;

Комиссия по подготовке и проведению выставки – председатель М. А. Соллогуб;

Комиссия по финансовым вопросам – председатель А. Д. Шмеман.

16 апреля и 26 июня состоялись рабочие заседания Правления Комитета, на которых обсуждались различные практические вопросы, связанные с подготовкой ознаменования тысячелетия крещения Руси. На заседаниях заслушаны и обсуждены сообщения председателей постоянных Комиссий и приняты соответствующие решения.

Правление приняло решение обратиться к русскому зарубежью с просьбой оказания материальной поддержки Комитету для покрытия крупных расходов, связанных с подготовкой и проведением различных юбилейных мероприятий. Жертвователей просят направлять чеки и денежные переводы по адресу:

Comité pour la commémoration
du millénaire du baptême de la Russie
10, Square de Châtillon
75014 Paris, France

На чеках или денежных переводах делать пометку:
Eglise - Vitiaz

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

ПАМЯТИ Э. В. ПРИБЫТКИНА

13 апреля 1986 г. в городе Ланкастере, США безвременно скончался профессор Эдмунд Владимирович Прибыткин, председатель Главного Правления Конгресса русских американцев.

Э. В. Прибыткин родился 24 января 1930 г. в Харькове в семье ученого-агронома. В 1938 г. отец Э. В. Прибыткина был арестован, но перед советско-германской войной освобожден из заключения с запретом проживать в 10 крупнейших городах СССР, включая Харьков. Семье Прибыткиных пришлось переехать в провинцию.

В годы войны Прибыткины с потоком беженцев оказались в Германии, где после войны Эдмунд Владимирович учился в русской и немецкой гимназии. В 1952 г. он вместе с родителями переселился в Бразилию, где окончил университет. В 1963 г. Эдмунд Владимирович переехал в США, был аспирантом в Нью-Йоркском университете, получил ученую степень магистра математических наук. Позднее, в университете Адельфай он написал докторскую диссертацию, которую успешно защитил. Последние 17 лет Э. В. Прибыткин был профессором математики в Миллерсвилльском университете в Ланкастере в штате Пенсильвания.

Эдмунд Владимирович принимал активное участие в русской общественной жизни Америки. Вступив в Конгресс русских американцев, он был деятельным членом Главного Правления и в 1979 году избран председателем этой организации. Впоследствии он дважды переизбирался на этот пост.

Деятельность Э. В. Прибыткина в Конгрессе русских американцев была чрезвычайно многогранной. Она охватывала буквально все мероприятия, осуществляемые этой организацией: представительство интересов американских граждан русского происхождения перед властями США, сохранение русского духовного и культурного наследия, подготовку к 1000-летию крещения Руси и др. Э. В. Прибыткин постоянно поддерживал связь с рядом конгрессменов и сенаторов, с Белым Домом и лично с президентом США Рейганом, давал многочисленные интервью газетам, по радио и телевидению. Его перу принадлежат многие научные и политические статьи.

Провожать Эдмунда Владимировича в последний путь и проститься с ним, прибыли члены Главного Правления Конгресса русских американцев, представители КРА из различных штатов, многочисленные единомышленники, друзья, представители русских организаций.

Отпевание было совершено в храме Ставропигиального Успенского женского монастыря Новое Дивеево. Погребение состоялось на кладбище при этом монастыре.

ОСТОРОЖНО: ПРАВДОЛЮБЦЫ!

От редакции «Вече». В русскоязычной газете «Новое русское слово», издающейся в Нью-Йорке, опубликована 11 июня с.г. статья Евгения Манина „Осторожно: правдолюбцы!“ Статья продолжает дискуссию, ведущуюся на страницах газеты. Автор ее, вероятно псевдоним, высказывает разумные мысли, доступ которым на страницы русскоязычной печати был до сих пор закрыт. Поскольку большинство читателей «Вече» не читает газету «Новое русское слово», мы решили воспроизвести статью Е. Манина с незначительным сокращением.

/.../ Я – историк и как таковой признаю только один критерий в оценке события, явления, факта: причинно-следственную связь. Само по себе событие не может быть ни хорошим, ни плохим, ни логичным, ни нелогичным; его можно оценить, лишь зная, к каким последствиям оно привело или может привести. Чтобы быть правильно понятым, чтобы избежать нареканий в абсурдности, нелогичности и в том, что я лью воду на мельницу, приведу два характерных и не столь уж удаленных от нас по времени примера.

Пример первый. Всем известно, что начало погромов в России относится к ранней весне 1881 года. Возникает естественный вопрос: почему именно тогда? Почему не

десятью годами раньше или двадцатью годами позже? Ответ столь же прост, сколь и печален. 1 марта 1881 г. некий еврей-революционер, „борец за идею“ из террористической организации „Земля и воля“, убил императора Александра II. Он был схвачен, судим и повешен. У него была своя логика, он искренне считал себя борцом за народное дело, и по меркам КПСС он, очевидно, может быть причислен к героям. Но у народа была какая-то другая логика, и десятки тысяч невинных людей заплатили своими жизнями только за то, что они были соплеменниками этого „героя“, а русское еврейство заплатило общей ненавистью, „чертой оседлости“ и невыносимым гнетом. Не правда ли, какая высокая цена за одну ничтожную жизнь идиота-„правдолюбца“?

Пример второй. Общеизвестно, что Гитлер пришел к власти в марте 1933 года. Общеизвестно также, что „еврейский вопрос“ был решен Гитлером за 10 лет до этого, – в официальной программе партии и в „нацистской Библии“ – книге „Майн кампф“. И все же в ближайшие шесть лет, до конца 1938 года, не наблюдалось ничего похожего на „окончательное решение“. Поощрялась эмиграция евреев из Рейха, устанавливался режим сегрегации, в полную силу работала геббелевская пропагандистская машина, и «Штюрмер» печатал антисемитские статьи и карикатуры... а евреи не желали покидать Германию. Что же удерживало Гитлера все это время от прямой физической расправы с евреями? Ведь в его руках был послушный рейхстаг, гестапо, суд, средства массовой информации, 150 тысяч „партей-геноссе“ – чего же ему не хватало? Только одного: чтобы предпринять эту неслыханную в истории акцию – физическое истребление целого народа, Гитлер должен был превратить германскую нацию в 60 миллионов активных или пассивных антисемитов, явно или тайно эту акцию одобряющих. А для этого всего, что имелось в руках Гитлера, было недостаточно. Нужен был какой-то особый детонатор, который бы вызвал неслыханной силы взрыв антисемитизма среди немцев, а уж направить чудовищ-

ную силу этого взрыва в нужное русло – было бы делом техники. Шесть лет Гитлер терпеливо ждал этого „детонатора“ и дождался. Нашелся новый „герой-правдолюбец“. На этот раз это был семнадцатилетний польский еврей, возмущенный отношением польских и германских властей к польским евреям, приехавшим в Германию на заработки. Этот сопливый правдолюбец почему-то отправился в Париж и там застрелил некоего Эрнста фон Рата, мелкую пешку германского посольства во Франции.

Это произошло 7 ноября 1938 года. „Детонатор“ сработал. Никому доселе неизвестный фон Рат сразу стал национальным героем и „очередной жертвой еврейского заговора“. Неделью по всей Германии бушевали умело направляемые погромы, в том числе и печально знаменитая „Кристаллнахт“. Немедленно был издан приказ носить всем евреям Рейха желтую Звезду Давида, а меньше чем через год, после разгрома Польши, началась массовая депортация в концлагеря и Варшавское гетто. Эмиграция была запрещена, в марте 1941 г. был отдан приказ об „окончательном решении“.

Я далек от мысли ставить гибель шести миллионов человек в зависимость от выходки вздорного мальчишки: он виновен не больше, чем зажженная спичка, брошенная в облитый бензином дом. Я хочу лишь сказать, что „спичка“, наделенная разумом, должна взвесить все последствия, прежде чем зажигаться.

А теперь – к делу. Я позволю себе процитировать А. Алойца: „Все газеты мира признали, что только широким распространением антисемитизма и нежеланием разоблачать фашизм можно объяснить тот факт, что Курт Вальдхейм, несмотря на его нацистское прошлое, пользуется широкой поддержкой населения Австрии“. Прошу прощения за резкость, но это – чистейшей воды фальсификация. Все крупнейшие политические обозреватели и деятели высказали единодушное мнение: в широкой популярности Вальдхейма, в его отличных шансах на победу, в неслыханной вспышке антисемитизма в Австрии и ФРГ виноваты главным образом „правдолюбцы“

из Всемирного Еврейского конгресса (ВЕК), начавшие публикацию компрометирующих Вальдхейма документов как раз накануне выборов. Симона Визенталя трудно заподозрить в сочувствии нацистам, но он нашел в себе мужество дважды публично осудить ВЕК за то положение, в которое он своей глупостью поставил 100 тысяч евреев Австрии и Германии. Это они, а не правдолюбцы из Конгресса, получают угрожающие письма и звонки и читают на стенах синагог: „Жида, убирайтесь вон!“ А ничтожные нацистские группки получили обильный приток новых членов. Не слишком ли высокая цена за „правдолюбие“ и „отсутствие срока давности“? Как видите, это уже не случайность, это уже некая порочная система – не думая о последствиях, ставить под удар тысячи невинных людей.

В своей статье А. Алойц упоминает о печально известных „Протоколах сионских мудрецов“ как о примере возмутительной антисемитской клеветы. Напомним основную идею „Протоколов“, красной нитью проходящую через всю книгу: евреи – не религиозная группа, евреи – не этническая группа, евреи – это некая международная организация, ставящая своей целью мировое господство, путем насаждения в демократических странах угодных им режимов. А теперь вспомним недавнее высказывание израильского министра иностранных дел Ицхака Шамира: „Это будет ужасно, если президентом станет Вальдхейм, Израилю придется тогда пересмотреть свои отношения с Австрией“. Вот реакция на это австрийского президента: „Я расцениваю это как возмутительное вмешательство во внутренние дела Австрийской республики и попытку навязать свое мнение австрийским избирателям“. Так кто же в данном случае „льет воду на мельницу“? Некий таинственный „возродитель фашизма“ или свой брат – очередной „правдолюбец“?

Я не знаю, каким Иваном был Демьянюк – „грозным“ или „кротким“, дело суда выяснять это. Но я знаю другое: в тот день, когда он был депортирован в Израиль, тысячи украинцев и прибалтийцев США и Канады стали актив-

ными антисемитами. Остается призвать на помощь столь любимую А. Алойцем формальную логику и выяснить, стоит ли жизнь одного зверя-антисемита полувековой давности этих батальонов новых антисемитов, встающих ему на смену? Сколько бы не стучал пепел Клааса в наши сердца, воскресить погибших не в наших силах, мы должны заботиться о живых – наших детях и внуках. И если наша забота проявляется в том, что мы своими руками обеспечиваем их все новыми тысячами ненавидящих их людей и еще называем это „борьбой против антисемитизма“, – то это самая удивительная из всех логик, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться. Люди, следующие этой логике и искренне верящие, что это – единственный способ уберечь наших потомков от новой Катастрофы, – и есть те самые „правдолюбцы“, которые уже принесли столько несчастий нашему народу.

Еще совсем недавно никто не знал ни Фаррахана, ни Ларуша. Сегодня они стали популярными фигурами в Америке, популярными из-за своего неприкрытого антисемитизма. Когда наши „правдолюбцы“ пытаются диктовать австрийцам, какого президента они должны избирать, а какого нет, когда они доступно объясняют президенту Рейгану, какие места за границей ему дозволяется посещать, а какие нет, – они тем самым дают фарраханам и ларушам их любимый козырь: евреи захватили власть в стране, они виноваты во всех ее бедах, а потому Америку необходимо очистить от евреев. И все те, кого наши высокопринципиальные борцы с антисемитизмом так легкомысленно толкают в объятия Фаррахана и Ларуша, режут от восторга, слушая эти призывы.

Одна любопытная деталь. Разворачивая скандал вокруг выборов в Австрии, гиганты мысли из Еврейского конгресса чувствуют себя спокойно и уверенно: Курт Вальдхайм в ответ стыдливо заявил, что он всегда любил евреев, а его заветная мечта – посетить Израиль; с Демьянюком тоже все в порядке: привезенный в наручниках в Израиль, он первым делом попросил разрешения поцеловать израильскую землю; и Рейган не доставил

никаких хлопот: он вежливо улыбнулся своей обаятельной улыбкой. С ними наши „борцы“ говорят по-рабоче-крестьянски – прямо и без обиняков. А вот с Фарраханом – совсем другое дело. Под восторженные вопли многотысячной аудитории он называл нас „паршивыми евреями“, нашу религию – „помойной ямой“, а в ответ наши мужественные „правдолюбцы“ – как в рот воды набрали. Еще бы! Фаррахан – не Вальдхайм и не Демьянюк: его только тронь, и из борца с фашистами и расистами сам превратишься в фашиста и расиста. Уж на что мэр Коч отчаянный человек: и парады гомосексуалистов возглавляет, и, громя, своих оппонентов, за словом в карман не лезет, а когда Фаррахан там же, в Нью-Йорке, назвал его „еврейским сатаной“, Коч ограничился лишь тем, что скромно показал кукиш в упомянутом кармане.

Так вот, господа борцы с антисемитизмом, если вы не рискуете открыто бороться с главным антисемитом Соединенных Штатов, перестаньте куражиться, воюя с девятистолетними нацистами и поставляя Фаррахану новых последователей.

Некогда Теодора Герцля попросили в нескольких словах изложить свое политическое кредо. Он ответил: „Я хочу, чтобы евреи были такие, как все“. Если бы сегодня можно было задать Герцлю тот же вопрос, мы получили бы тот же ответ, хотя с тех пор прошло почти сто лет. Мы почему-то не можем стать такими, как все. Все бывшие смертельные враги давно помирились: немцы и французы – лучшие друзья, японцы – преданные союзники американцев, британский премьер останавливается в Израиле в том самом отеле, который был некогда взорван Менахемом Бегинным и где погибли 80 англичан. Папа Римский посещает синагогу и величает евреев „дорогими старшими братьями“. Все хотят оставить прошлое позади и заботиться о будущем. Все, только не мы. Мы, по точному выражению А. Альмога, изо дня в день выставаем напоказ наши старые раны и обиды, забывая, что в Германии народилось уже третье послевоенное поколение и что эти поколения имеют к фашизму такое же отноше-

ние, какое имеем мы к основателям советской власти в СССР. Тем не менее, наши неутомимые борцы вдалбливают этим людям одну и ту же мысль: смотрите, что натворили ваши покойные бабушки и дедушки! Мы вам этого никогда не простим и не забудем! Ну, а каков же результат этих настойчивых напоминаний? Ошеломляющий: с каждым днем растет число тех, кто вообще этому не верит и считает Катастрофу „еврейской выдумкой“. Разумеется, можно было бы поступить „как все“ и вместо музеев и напоминаний заняться нелегкими заботами сегодняшнего дня, но этот путь – не для „правдолюбцев“. Они предпочли привлекать к уголовной ответственности тех, кто не верит в реальность Катастрофы. Я не знаю, как можно заставить человека верить во что-то, угрожая судом, но я знаю, что каждый такой „привлеченный“ немедленно становится новым Фарраханом, окруженным толпой единомышленников.

Невозможно идти вперед с головой, повернутой назад. Невозможно бороться с антисемитизмом, своими руками его насаждая. Нужно знать и помнить прошлое, но нельзя жить только прошлым – это удел выживших из ума стариков. Прошлое не должно повториться? Правильно. Так не давайте же „правдолюбцам“ возрождать это мрачное прошлое.

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

G L O B U S

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118
Т. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО
(кроме воскресенья)
С 10 до 6 ч.

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера 15 нм

подписка на 4 номера 50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера 9 ам. долл.

подписка на 4 номера 30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной
почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе —
24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в
США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу почтовым переводом
приложенным чеком

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**